

Михаил Алексеев

ОПЕРАЦИЯ «ТАЙФУН»

Капкан для «Тайфуна»

Стилет для «Тайфуна»

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Михаил Алексеев

**Операция «Тайфун»: Капкан для
«Тайфуна». Стиллет для «Тайфуна»**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Алексеев М. Е.

Операция «Тайфун»: Капкан для «Тайфуна». Стиллет для «Тайфуна» / М. Е. Алексеев — «Издательство АСТ», 2022 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-148810-9

Операция «Тайфун» была лебединой песней вермахта. Никогда больше – ни до, ни после – не собирал германский Генштаб для выполнения задачи такие силы: группу армий «Центр» и три танковых группы. И в нашей истории этому плану сопутствовал успех. Быстрый и сокрушительный разгром трех советских фронтов открывал захватчикам путь на Москву. И только мужество бойцов и командиров вновь созданного Западного фронта и железная воля Жукова лишили врага такой возможности. Позже это назовут «русским военным чудом». Однако в истории окружения и разгрома Западного фронта существует момент, когда операция «Тайфун» могла бы пойти по другому сценарию. Наверно, отличия были бы незначительными, хотя и важными, если бы в ее ход не вмешались несколько случайных людей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-148810-9

© Алексеев М. Е., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Капкан для «Тайфуна»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Михаил Алексеев
Операция «Тайфун»: Капкан для
«Тайфуна». Стиллет для «Тайфуна»»

Серия «Коллекция. Военная фантастика»

Выпуск 45

© Михаил Алексеев, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Капкан для «Тайфуна»

30 сентября 2016 года

35 километров южнее Вязьмы

– Блин! А я ведь честно опасался – вдруг грибов не будет? Друзья приехали, повез их в глушь, а грибов нет! Вот бы облажался! – воскликнул Трофимов, внимательно глядя на дорогу и крутя баранку своего «Таракана». – А тут такой подарок! Я столько грибов в жизни еще не видал! И особенно – подосиновиков!

Алексей Трофимов – индивид мужского пола 52 лет от роду, офицер запаса, пенсии не выслужил, поэтому работает в народном хозяйстве. Женат один раз и навсегда. Две взрослых дочери, внук и внучка двойняшки оставляют ему право считать, что не все так плохо было и есть в его жизни.

– Алексей Федорыч! Ты не мог ошибиться! Успокойся! Все отлично! Сейчас приедем, пожарим грибочков, достанем из холодильничка мою «Хортицу» и твоего «Бульбаша», и праздник продолжится! – со смехом успокаивал его сидящий справа Андрей.

Андрей Гладкий, его боевой товарищ и, как показала жизнь, друг. Дружба их началась в далеком 83-м году в стенах Голицынского пограничного, где по воле судьбы они и познакомились. И Алексей, и Андрей по жизни и характеру люди общительные. Хотя конкретно для профиля училища это качество является определяющим и совсем не удивительным. Наоборот, трудно представить себе замполита немногословным, молчаливым и замкнутым. Но сказать, что они были друзьями сразу же не разлей вода, было нельзя, хотя они и служили в одном отделении. Тогда. Просто жизнь идет и расставляет постепенно все по местам. Училищный друг Трофимова, с которым у него рядом четыре года стояли кровати, отдалился и не горел желанием поддерживать старую дружбу. И за эти годы они как-то и сблизились с Андреем. Вполне возможно, потому, что их общие четыре года на казарменном положении в училище были им одинаково дороги. Дороги тем чувством единения, общности и чувства уверенности в тех, кто стоит в строю с тобой плечом к плечу. Но не все товарищи по взводу разделяли подобное отношение к общему прошлому. Как сказал один из таких: «Было и было! Чего вспоминать и жить прошлым?» И такие не приезжали на встречи выпускников училища по круглым датам. А Алексей с Андреем не пропустили ни одной! Хотя нужно добавить существенную деталь – Трофимов жил недалеко от Москвы, а Андрей в ее пригороде и поэтому всегда был среди тех, кто организовывал эти встречи.

Но кроме этого, они ездили друг к другу в гости! Чаше приезжал Андрей с женой к Трофимовым в Вязьму. Алексей с женой реже, но связь не прерывалась и постоянно поддерживалась телефонными поздравлениями с праздниками и периодическим общением по скайпу. К тому же Андрей обладал редким даром – феноменальной памятью. Он помнил дни рождения всех сокурсников. Помнил, какого числа произошло то или иное событие и какая была погода. Поэтому никогда не забывал позвонить. Алексея в этом плане выручала жена – у нее была тоже хорошая память на числа и даты.

И вот Андрей с Инной приехали в гости. И приехали не просто так, а с желанием сходить по грибы. И с этой целью две семьи и поехали за шестьдесят километров от города, а конкретней – за деревню Хватов Завод. Знал там Трофимов грибные места. Что удивительно, ни один он знал этот забытый всеми уголок района. Грибники там были всегда, но что значит десять-пятнадцать человек на несколько десятков квадратных километров непроходимых смоленских лесов? Места и грибов хватало всем и всегда. И сейчас Алексей был искренне рад, что все у них получилось! Они ехали домой счастливые и довольные, несмотря на низкое небо и мелкий морозящий дождик, не обращая внимания, что в тепле машины от мокрой одежды поднимался парок, что колени, обтянутые мокрыми штанами, никак не согреются.

А в немаленьком багажнике трофимовского «Таракана» громоздились ведра, рюкзаки, целлофановые пакеты и, как апофеоз жадности заядлых грибников, сделанные из рубашек Алексея и Андрея узлы с грибами. И даже мысль о том, что все это нужно будет сегодня почистить и переработать, не портила настроения. Сначала отпразднуем это событие, а потом все вместе сядем в кружок и перечистим все это великолепии, под приятные воспоминания, анекдоты и просто смешные истории.

С женами им обоим повезло. В лейтенантские годы среди офицеров гуляла поговорка, что жена офицера имеет звание на ступень выше звания мужа. Что имело подтверждение в реальной жизни: жена первого ротного командира Трофимова – капитана – точно была майором. И никак не меньше. В данном случае Трофимов в машине вез генеральшу – ввиду того, что Андрей только что ушел в запас в звании полковника ФСО. Значит, его жена Инна имела звание генерал-майора. Жене Трофимова Ларисе в этом вопросе «не повезло». Он не смог выполнить данное ей в молодости обещание, что она будет женой полковника. Так случилось, что в 91-м году оказался не там, где нужно, и не в то время. Служил он тогда в 27-й отдельной мотострелковой бригаде спецназа КГБ СССР. И после августовских событий, в которых бригада принимала активное участие, ему пришлось уволиться, не успев получить даже капитана. Таким образом, капитаном могла быть только его жена.

А по жизни Инна была заведующей библиотекой, а жена Алексея работала на железной дороге. Особенностью их семей было то, что они ими были с самого начала и по настоящий момент. То есть стаж их семей был более 30 лет каждая. Нельзя сказать, что это крайняя редкость, но все же не многие могут похвастаться таким точным выбором, сделанным так давно. Чья в этом заслуга – жен или Алексея с Андреем, сумевших найти тех единственных и на всю жизнь, – неизвестно. Учитывая, что женились они после третьего курса училища. Это уже три года казарменного, когда каждое увольнение – праздник! Каждая девушка – красавица! А каждая красавица, взглянувшая в твою сторону, – уже потенциальная жена! Плюс к этому на момент поступления в училище у Трофимова за спиной был почти год службы в погранвойсках, где единственными женщинами на заставе были жены двух офицеров и прапорщика. Остальное – телевизор. А Андрей успел до училища уже отслужить полтора года срочной.

Учились они на закрытом факультете, о котором в информации об училище для абитуриентов не говорилось ни слова. Готовили на этом факультете офицеров для двух смежных управлений КГБ, не связанных со спецификой пограничных войск. Но преподаватели всех общевоинских дисциплин были офицеры с пограничного факультета, и обучали их с таким же тщанием, как и будущих пограничников. Поэтому зеленые фуражки они могли носить с

полным правом и соответствующим достоинством. До выпуска. После выпуска – форма и цвет погон менялся в соответствии с распределением.

С точки зрения вообще военных училищ СССР их учебный взвод был своеобразный – из тридцати набранных в него двадцать пять были солдатами и сержантами, и лишь пятеро были пацанами с гражданки. Причем из этих двадцати пяти двое уже отслужили по два года. Но конкретно для их факультета это было нормой.

И в связи с этим можно было представить, как корчило парней от спермотоксикоза, давило на уши при виде любой девушки. И какой шанс был ошибиться!

Но они сумели! Может, благодаря своим головам, а может, благодаря восприятию ими замполитовского воспитания.

И вот так радостно обсуждая итоги грибной охоты и предвкушая ждущее застолье, они и ехали по проселочной дороге по направлению к Хватову Заводу, где начинался асфальт. Дорога под мелким, идущим целый день дождичком размокла, однако пока держала машину. Проблемой становилось то, что глина, из которой и состояла собственно дорога, намочила и стала скользкой. Поэтому стало сложнее ехать – рытвины Трофимов старался проходить по вершинам между колеями, и машина часто соскальзывала в колею. Но заранее подключенный передний мост и включенная блокировка позволяли его старенькому «Таракану» пока преодолевать эти препятствия одно за другим.

Оставалось метров двести до когда-то в 80-е годы отсыпанного и брошенного участка дороги, где уже можно было расслабиться, когда Алексей подъехал к очередной небольшой рытвине. Небольшой она была, когда они ехали в лес. Сейчас, судя по следам, незадолго до них тут кто-то уже боролся с этим препятствием. И эти следы говорили – этого кого-то выдергивал «Беларус». При этом значительно углубив колеи и проломив верхний твердый слой дороги.

Алексей остановил машину, прикидывая шансы проскочить и размышляя, что делать и кого звать, если засядет. А этого очень не хотелось. Хотелось домой и к столу.

Время на момент выезда из леса было примерно 15 часов. Сейчас, значит, около половины четвертого. До темноты не так уж и много времени.

Решился! В голове в очередной раз, как всегда в подобных ситуациях, мелькнула мысль, почему он не ездит летом на уазовской резине. Сейчас она бы была гораздо более к месту, нежели та шоссейная, что стояла на «Таракане».

Удалось проскочить половину лужи, когда «Таракан» днищем или мостами ударился о скрытый под водой гребень колеи, взревел дизелем и прополз на брюхе еще метра два. После чего встал.

– Все! Приехали! Здравствуйте, девочки! – со злостью сказал Трофимов и открыл дверь. Выйти из машины можно было только прыжком через лужу.

Захлопнул дверь, полез в карман за мобилой.

– Леша, может, раскатаем? – переспросил Андрей. Дамы молчали. И это в данный момент было правильно.

– Не раскатаем. Автомат. С ним не раскатаешь. Сейчас буду другу звонить. У него «Санта Фе». Очень надеюсь, что он дома.

Ему и всем им повезло – Сергей был дома, его мобильник отозвался, и оставалось только дожидаться, когда он подъедет. Было опасение, найдет ли он их, но, во-первых, дорог тут, мягко говоря, мало, если не сказать нет вообще, и во-вторых, великое достижение конца XX-го столетия – сотовая связь в данном месте была уверенной.

Пока они коротали время и развлекались старыми бородатыми анекдотами и смешными случаями из жизни, можно рассказать, кто такой Сергей.

Сергей Богомоллов – такой же офицер-отставник, капитан, правда послуживший и в РА (вот всегда не нравилась эта аббревиатура Российской армии, так и лезет в строку РОА; вот оно – «проклятое» советское воспитание!), ветеран Первой чеченской. Судьба свела их с Тро-

фимовым в середине лихих 90-х. И хотя каждый жил своей жизнью, будни которой не пересекались, дружба их каким-то невероятным образом крепла из года в год, связывая все большим количеством нитей. И когда становилось трудно, Алексей звонил ему. И наоборот. «Друг – понятие круглосуточное», – говорил Сергей.

Итак, они коротали время, когда появился знакомый Трофимовым «Хундай». Алексей, матюкнувшись вполголоса, вылез из машины прямо в лужу, решив, что рискованные прыжки в длину через лужу не его выбор. Подошел к Сергею, поздоровался. Из кабины приветливо поманила рукой ему жена Сергея Ольга.

– Чем больше джип, тем дальше идти за трактором! – приветствовал компанию Сергей. – Захотели покататься?

После чего критично осмотрел «Таракан» и, показав на частично скрытый водой бампер, спросил:

– М-да! Как цеплять-то трос будешь?

– Ну что поделывать? Терять-то уже нечего, – кивнув на мокрые до колен штаны, ответил Леша и полез в багажник за тросом и ключами. Для этого пришлось вынуть почти все грибы.

Далее, стоя уже по колено в луже, пришлось еще и по локти в нее погрузить руки, чтобы зацепить трос за буксировочный крюк.

– Да, Лех! Эти ковбои, что здесь нарысачили, дальше еще хуже яму сделали. Вопрос, а проедем ли мы там, если ты тут сел?

– Ну ты ж только что проехал!

– Ну так и ты сюда тоже как-то проехал. Дождик маленький, но льет беспрерывно. То, что получилось один раз, вовсе не значит, что получится во второй.

– Тогда не расцепляемся. Если ты сядешь – я тебя выдерну назад.

Алексей забрался в машину, вылил воду из сапог и запустил двигатель.

«Санта Фе» Сергея пыхнул соляркой, уперся и, закидывая «Таракан» грязью из-под буксующих колес, потянул его из лужи. Кстати, не так уж и много они не доехали до твердого дна.

Выбрались из лужи и поехали! Но не далеко. Ровно до следующей. В самый неподходящий момент, когда преодолевали препятствие, трос натянулся и сдернул «Санта Фе» со скользких межколеиных холмиков. «Санта Фе» с брызгами шлепнулся в колею и повис на брюхе точно так, как только что висел «Таракан». Попытались сдать назад, но не успешно. Машины только углубили ямы под колесами. Объехать и попытаться дернуть «Санта Фе» спереди возможности не было.

– Вот же сссу... ровая женщина! Покатались, блин! – вылез из машины Сергей. – Кто пойдет за трактором? Точно не я.

– М-да! Придется попытаться задействовать джокер, – вздохнул Алексей и снова полез за мобилей.

Джокером был для них в этой ситуации начальник Алексея, который будучи энергетиком по образованию и должности, в душе всегда был, как образно выразился один их общий друг, водителем-дальнобойщиком. Этот эпитет Александр Сараев заслужил за постоянную готовность куда-либо ехать и желательность далеко.

Однако работа не давала развернуться его душе во всю ширь и высь, и его сущность трансформировалась в особое отношение к автомобилям. Он был фанатом автобусов «транспортер», и это была его разъездная машина на каждый день. Однако кроме этого он по случаю купил и переделал в базы манипуляторов ЗиЛ-131, «Урал» и вездеход КамаЗ, на которых иногда подрабатывал в свободное время, и, что немаловажно, которые в аварийных случаях всегда подкрепляли своей мощью автотранспорт подразделения энергосистемы, где главным инженером был Сараев.

И сейчас Алексей в душе молил только об одном – чтобы мобила начальника ответила. Видимо, мольбы были услышаны на небесах, и, получив от Александра заверения, что через

полтора-два часа он отзвонится, как подъедет к Хватову Заводу, Леша повеселел и спрятал телефон в карман.

А пока он представил своих друзей друг другу, и они, собравшись на обочине, продолжили коротать время за анекдотами и веселыми историями из жизни. Дождик прекратился, сделав свое черное дело.

Когда долгожданный «Урал» показался на дороге, уже начало темнеть. Александр, наплевав на колеи и грязь, развернулся, сдав поближе к застрявшим машинам, заглушил двигатель, вылез из кабины и направился к ним. В ближайшие пять минут слышался только его голос. Алексей и Сергей узнали много нового о себе как о водителях и т. д. и т. п. В ответ можно было только подсмеиваться – факт был налицо, и крыть его было нечем. Когда эмоции утихли и все готовы были перейти к практическим действиям по вытаскиванию машин, у Александра появилась идея.

– На хрена я вас буду тащить по этим колеям? Глина на дороге скользкая, из колеи машины не вылезут. Значит, я буду тащить их на брюхе еще как минимум метров сто. Машины ваши, мне их не жалко, а вам? – задал он вопрос. – Вон от этой дороги отходит старая, брошенная, но не убитая дорога. Вот по ней и потащу вас в сторону деревни. Тут больше и ехать некуда.

Спорить со спасителем не имело смысла, он был прав на все сто.

Народ снова забрался в машины, завелись двигатели, и «Урал», не напрягаясь, потянул джипы в сторону мелколесья и едва видимой старой дороги.

Действительно, она давно не использовалась. Хотя что значит давно? По опыту работы в энергосистеме Смоленской области Алексею было известно, что после очистки просеки под ЛЭП, причем очистки бульдозерными ножами под ноль, проходит лет десять, и подлесок снова начинает создавать проблемы для линии. Тут колея была видна явственно и только-только начала зарастать. Дорога шла параллельно той, по которой они приехали сюда, и, ввиду заброшенности, была более проходима. Выехав из грязи, отцепили буксиры.

Ехали недолго. Минут десять. И подъехали к неизвестному броду. У неизвестной деревни. Но это они рассмотрели потом. Позже. А сначала просто остановились вслед за остановившимся «Уралом». Что происходило впереди, было не видно, просто слышно, как Александр на кого-то орет, но слов из-за шума работающих двигателей было не разобрать. А потом грохнул выстрел! Когда Алексей, открыв дверь, выскакивал из автомобиля, Сергей уже слева оббежал «Урал». Чисто инстинктивно Трофимов побежал справа от него.

Перед «Уралом» стоял Александр и смотрел на человека на дороге перед ним. Судя по всему, стрелял именно этот человек. Стрелял в воздух. Из трехлинейки. С примкнутым штыком. И глядя на его одежду, было понятно, что винтовка его. Потому что именно трехлинейкой и должен быть вооружен красноармеец. Вживую Трофимов красноармейцев никогда не видел. Он родился почти через двадцать лет после войны. Но дедовы фотографии и советские фильмы про войну не оставляли других вариантов для мыслей. Правда, дед у него воевал еще на Финской и на фотографии был в буденновском шлеме, а этот – в пилотке не по размеру. В данный момент дорогу им перекрывал тщедушный боец в пилотке на ушах, на вид лет восемнадцати-девятнадцати, с перевязанной грязными бинтами шеей, в шинели размера на два больше нужного и в ботинках с обмотками. Обалдели все! Боец находился в таком же состоянии. Но кроме этого, он их боялся! Этот страх на грани паники читался в его глазах. И это было опасно.

– Реконструктор, ты весьма убедителен! Но мы не по вашей теме. Нам домой ехать надо, – произнес Сергей, внимательно глядя на бойца.

– Что тут у нас происходит? – сзади подошел Андрей вместе со всеми тремя дамами.

В этот момент Алексей почувствовал, что боец передумал применять направленное на них оружие. Пока передумал! Женщины, годившиеся ему однозначно в матери, выпадали из сложившейся в его голове схемы.

– Да вот, товарищ полковник, боец на посту, – иронично пояснил Алексей Андрею ситуацию, пытаясь разрядить обстановку. И тут на сцене появились новые действующие лица.

Из-за брода с горочки к ним спускалась уже группа реконструкторов, возглавляемых персонажем старшины. По крайней мере, Алексей так решил, глядя на человека с усами, аутентичной фуражке, галифе и с командирской сумкой на боку. И наганом в руке. Очень он напоминал старшину Васкова из знаменитого советского фильма «А зори здесь тихие». Сзади с винтовками наперевес следовало еще пять «красноармейцев» разного возраста и формы одежды. Объединяло их одно – все, кроме старшины, имели бинты на различных частях тела. И еще отсутствие погон и наличие знаков различий в петлицах гимнастеров и шинелей. Вот спросить, откуда ни разу в жизни не сталкивавшись, можно увидеть столько особенностей в форме прошлых лет? Нет! Конечно, опыт службы и солдатом, и офицером имеет место быть. Но форма – другая! А во всем виноват великий советский кинематограф! Хоть никто из их поколения и не был на Великой Отечественной, а, как говорится, всех там знаем!

– Bravo! Bravo! Вы выглядите на шесть баллов по пятибалльной системе! Прямо как живые красноармейцы! – воскликнул Андрей.

– Да уж, блин! Не придерешься! Если у вас так же и немцы выглядят, нужно опасаться за чистоту штанов! – поддержал его Трофимов.

– А ну-ка! Руки все подняли! Быстро! – прервал веселье старшина.

– И что будет, если не поднимем? – начал вскипать Александр.

Бах! Бах! – грохнул два раза наган.

Леша мог бы поклясться, что услышал свист пуль над их головами. Как-то это ему переставало нравиться.

– Дырка в голове будет. Или не в голове, но я думаю, тебе все равно не понравится, – ответил старшина. – Кто такие? Откуда? Документы!

Бойцы старшины стали полукругом в отдалении за старшиной, но стволы винтовок смотрели в сторону их компании, и, насколько можно было судить по их лицам, если что-то пойдет не так, они будут стрелять.

– Может, для начала вы представитесь? Кто такие? Почему стреляли? На каком основании? И вообще, что происходит? – проявил командирские качества полковник Гладкий. – Я – полковник в отставке Гладкий Андрей Александрович.

Старшина внимательно оглядел его и всех остальных. Трофимов тоже прошелся взглядом по своим друзьям.

Александр в джинсах и старой куртке «МРСК-Центра», Сергей тоже в джинсах и легкой кожанке, Ольга в свитере и тоже джинсах, и оставшиеся четверо в разной степени укомплектованности камуфляжах разных расцветок.

«С нашей точки зрения, вполне по условиям и погоде, – подумал он и, усмехнувшись про себя, продолжил: – А вот с точки зрения каких-нибудь красноармейцев 40-х годов не столь однозначно. Особенно наш камуфляж».

– Вопросы здесь задаю я! – набычился старшина. И все же добавил: – Армейский госпиталь, 20-я Армия. Старший команды выздоравливающих старшина Смирнов.

– Хорошо! Вот мои документы. У остальных – документы в машинах, – протягивая старшине корочки ветерана ФСО и оглядываясь на товарищей, произнес Андрей.

– Эй! Не балуйте! – кося одним глазом в удостоверение Андрея, предупредил старшина. – Я сам подойду!

И, уже обернувшись к своим, предупредил:

– Смотрите там! Если что... ну, сами знаете!

Надо отметить, что его бойцы, кстати, пялились на наши машины гораздо больше, нежели наблюдали за нами. «Машин не видели, что ли?» – подумал Алексей.

Судя по его лицу, старшина в удостоверении Андрея не нашел, чего ожидал. В течение десяти минут он просмотрел все имеющиеся документы. И совершенно неожиданно сложил их все в свою планшетку.

– Не понял! – воскликнул Трофимов.

– Особый отдел армии разберется. А сейчас вы все задержаны до выяснения ваших личностей. И не вздумайте чего-либо... Стреляем мы, может, и не очень метко, зато больно попадаем! – ответил старшина и, отойдя в сторону, махнул рукой в сторону деревни, предлагая идти.

Тут есть один момент. Трофимов по жизни любил читать. Ну не только читать, но это самое его длительное хобби. Причем у него были предпочтения – он любил историю и фантастику. Всю жизнь читал все это порознь и совершенствовался по отдельности в каждом направлении. В юности перелопатил все три поселковых библиотеки, познав всех основных классиков нашей и зарубежной фантастики. Одновременно с этим одолел мемуары советских военачальников о Великой Отечественной войне. Учеба в политическом училище, где история была одним из основных предметов, и опыт собственной службы подняли его уровень знаний и понимания сего предмета сразу на несколько ступеней. Развал Союза, поток мемуаров немецких генералов, «наша» и «не наша» аналитика позволила отсеять из этих знаний шелуху самовосхваления авторов мемуаров с обеих сторон и выкристаллизовать более-менее правдоподобную историю Великой Отечественной. Пришлось перелопатить сотни материалов, сравнивая видение тех или иных событий с обеих сторон. На это ушло примерно лет пятнадцать, но зато теперь он знал картину в целом. Частности, неизвестные ему, конечно, были, и много, но они никак не могли существенно влиять на общую картину восприятия этой войны. И он уже начал успокаиваться, но тут попал на тему «попаданцев». Случилось невероятное! Его две разделенные любви к истории и фантастике объединились! И он, образно говоря, подсел на эту литературу. Сначала читал все подряд. Потом начал разделять для себя авторов, и понял, что принадлежит к течению «заклепочников». Это те, для которых технические соответствия так же важны, как и сюжет. Начал участвовать в срачах на страницах авторов на Самиздате, переписываться с некоторыми из них, попал на литературный форум. И там однажды в споре ему был предъявлен жесткий аргумент: «Тебе не нравится, как написано? Напиши сам!»

И однажды написал. Написал, что называется, в стол. Для себя, своего самомнения и для друзей. Но ему полгода пришлось для этого лопатить Интернет в подборе материала для книги. Только подбор занял полгода!

И это значительно обогатило его познания в истории Великой Отечественной войны. И вот сейчас, глядя на старшину и красноармейцев, их реакцию на них и машины, на соломенные крыши стоящей над речкой деревни, которая ну никак не могла быть населенным пунктом Хватов Завод, каким он его знал, Алексей испытал озарение. Разум и логика боролись с этим, но чувства говорили об обратном.

– Стойте! Одну минуту! Старшина! Ответьте на один вопрос: какое сегодня число?

– Тридцатое сентября, – чуть помедлив, ответил старшина.

– А год какой?

– Обычный, сорок первый, – продолжил он.

В таких случаях говорят «Пускайте муху!». Вместо мух звенели комары.

– Во попали! – прервал паузу Александр.

В отличие от своих спутников, Трофимов испытал в определенной степени облегчение. Во-первых, сомнения отпали и смутные догадки подтвердились. Во-вторых, закончилась временная неопределенность. Была подспудная мысль, а смогут ли они попасть обратно, или это билет в один конец, но ее он пока отбросил. Сейчас нужно было сосредоточиться на том, чтобы не пропасть. Сейчас и здесь. А есть ли путь назад, этот вопрос будем решать позже.

– Товарищ старшина! Вам необходимо немедленно сообщить о нас в особый отдел 20-й Армии. Крайне желательно лично майору ГБ Воистинову.

– А с чего вы решили, что такие важные птицы? Сейчас чуть постреляем, доложим начальству, что группу диверсантов уничтожили. Глядишь, нам и спасибо скажут.

– Ага! Скажут! А потом догонят и еще раз скажут. Застрелить нас вы, конечно, можете. Это не проблема. Оружия у нас нет. Сопrotивления мы оказать не сможем. Но! Первое. В любом случае, хотите вы этого или нет, информация о нас до особого отдела дойдет. Или проговорится кто, или, что более вероятно, вы и ваши люди возьмете наши вещи. А по-другому и быть не может. Жаба не допустит.

– Что за жаба?

– Это вам на допросе в ГБ объяснят. Таких вещей, как у нас, вы тут больше нигде не найдете. И второе. Машины. С машинами та же песня, что и с вещами. Только их вообще спрятать трудно, плюс без нас ими почти никто воспользоваться по назначению не сможет. И вот подумайте, вам нужна такая жизненная перспектива? А в случае передачи нас особистам свое желанное «спасибо» вы получите точно. Это как минимум.

Старшина дернулся, но промолчал. Потом, глядя на Алексея, отдал команду:

– Васильев! Этих обыскать. Потом... в сельсовет! Никого не выпускать, никого не подпускать. Если что, стрелять на поражение! Машины отогнать в кусты на околице и замаскировать. Федяев! За машины отвечаешь ты. Все то же самое, что и с людьми – никого и никому!

Обыскали их достаточно неумело и вежливо. Дамы просто показали вывернутые карманы. Пришлось всем сдать и мобильники, предварительно выключив их.

Дальше состоялся небольшой цирк. Когда конвоиры уже скомандовали выдвигаться нам в деревню, Трофимов поспорил со старшиной, на две Андреевых сигареты, что без них они машины не перегонят. С его стороны было туманное желание ответа на один вопрос.

Старшина согласился. Как поет Коля Расторгуев, «на фронте водка, махорка в цене».

Пришел некий боец с прозвищем Колька-шофер и сразу полез в стоящий первым «Урал». И стал что-то внимательно разглядывать в районе педалей. Трофимов вспомнил, что он там искал. Педаль стартера. Машины тех времен заводились без ключа, сразу стартером, либо «кривым стартером». Это, конечно, тоже грузовик, но этот заводится ключом. Который лежал у Александра в кармане. Кстати, пока шли эти все дебаты, наши разговорчивые в обычной жизни подруги благоразумно молчали. Только побледнели, когда услышали дату. Правда, и мужики отреагировали таким же образом. Повозившись в кабине «Урала», Колька-шофер сконфуженно выбрался из кабины. Далее он приступил к Серегину франту – черному «Санта Фе». Серега, увидев его, заорал: «Куда, воин! С такой грязной жопой!» – и нажал сигналку. Замки щелкнули. Замки «Таракана» щелкнули секундой позже. Колька-шофер поочередно подергал все двери и вопросительно уставился на старшину. Тот ощерился:

– Ща вот прикладом по стеклам!

– Пусть себе под задницу чего-нибудь положит, – подсказал Алексей.

Старшина кивнул шоферу, тот снял фуфайку и свернул ее внутренней стороной наружу. Х/б было приемлемой чистоты. Все ж армейский госпиталь – это не окопы.

Сигналка пропищала, замки снова щелкнули. Боец открыл водительскую дверь, положил фуфайку на сиденье, сел. Минуту смотрел на панель приборов, потом тупо смотрел на две педали, понажимал их, перевел глаза на рычаг переключения передач, попытался его подвигать. Он двигался не так, как он привык и как он рассчитывал. Снова стал смотреть куда-то на педали.

Через две минуты он выполз из кабины и беспомощно посмотрел на старшину. Тот с сожалением буркнул:

– Проиграл, спрашивай.

– Пока один вопрос. Место. Где мы?

– Деревня Хватов Завод. Под Вязьмой.

Трофимов повеселел. Не из-за того, что это время и место сильно облегчило их участь. И тем более не прояснило, как и почему они сюда попали, но хоть есть за что зацепиться.

– Товарищ полковник! – официально обратился он к Андрею. – Угостите товарищей красноармейцев и... кхм... водителя Колю сигаретами.

Шесть сигарет улучшили настроение их конвоя и после совместного перекура они затолкались в машины и двинулись в деревню. Конвой расположился в кузове «Урала». Загнав машины в кусты, чтобы не было их видно с дороги и от деревни, и оставив часового, грибники с неким подобием конвоя отправились в деревню. Перед тем как зайти в сельсовет, им разрешили воспользоваться «удобствами», стоящими за ним. Охраняли без фанатизма. Они, в свою очередь, отдали конвою грибы, попросив, когда сварят или пожарят, учесть и их.

Сельсовет представлял собой приличных размеров избу, разгороженную на несколько комнат, в одну из которых их и поместили. С ними остались два бойца. Один расположился у дверей, другой у окна. Еще один ходил под окном, виден был штык его винтовки. В комнату принесли табуреты, на которых и расположились. Когда заходили в комнату, в смежном помещении за столом сидел невысокий в годах мужик, с интересом разглядывающий незнакомцев. Возможно, это и был председатель сельсовета, потому что именно к его столу с телефоном и направился старшина. В течение следующих двадцати минут они слышали, мягко говоря, общение старшины с разными чинами по телефону. Сцена из советской классики «Волга-Волга»:

«...возьми телефон – говорить будем», – просто рвалась с языка. Но было как-то не до шуток.

Алексей сидел рядом с женой. Она обхватила его левую руку и, прижавшись к нему, прошептала:

– А как же наши внуки?

Он сжал ее ладонь и, в свою очередь, прошептал:

– Разберемся!

Остальное время все молчали.

1 октября 1941 года

Тыл 20-й Армии Западного фронта

Лейтенант особого отдела 20-й Армии с типично русской фамилией Иванов и такой же типичной внешностью и два сотрудника отдела ехали в деревеньку Хватов Завод. Что было совсем некстати, лейтенант был крайне измотан. А еще предстояло писать отчеты за последние три дня, которые он провел в частях армии. По директиве из штаба фронта ожидалось наступление немцев. Что подтверждалось увеличением количества забрасываемых диверсантов, активизацией их разведсети в тылу Западного фронта. И тут этот звонок из армейского госпиталя! Ну кого могла задержать группа выздоравливающих, возглавляемая старшиной подразделения обеспечения госпиталя, в тылу армии при выезде за получением продовольствия в один из местных колхозов? Война уже шла три с половиной месяца, и иллюзии насчет немцев у большинства красноармейцев и командиров исчезли. Быстрой победы не предвиделось. Пока что Красной Армии похвастаться было нечем. Войска отступали, истекая кровью. До Москвы оставалось чуть более трехсот километров.

Но именно эта несуразность – задержание несколькими ранеными группы диверсантов из семи человек на трех машинах и требование одного из них приезда начальника особого отдела 20-й Армии майора ГБ Воистинова – и заставила последнего отправить его туда. Предупредив быть внимательным и на месте разобраться с серьезностью ситуации. Потому что семь диверсантов разделались бы с «войском» старшины похода. И дай бог, чтобы потом смогли найти их тела. Если же они действовали под прикрытием наших документов, то уж точно старшина из

госпиталя не смог бы выявить подделку. Скорей бы они его построили и еще использовали бы в своих целях. И самое главное – почему один из задержанных назвал именно его фамилию?

И сейчас лейтенант, пользуясь случаем, спал в машине, откинувшись на заднем диване «эмки». И даже кочки и ямы, сопровождаемые матом их водителя сквозь зубы, не могли потревожить его сон.

Когда он вылезал из машины в Хватове Заводе, то поймал себя на мысли, что даже не понял – спал ли он? Тело затекло от неудобного положения, и он сделал несколько энергичных движений, разгоняя и сон, и кровь.

– Где они? – представившись, спросил он вынырнувшего из темноты в свете фар старшину. Тот представился в свою очередь и указал на темнеющую рядом избу. По тени шевельнувшегося от ветра над крыльцом флага Иванов понял, что это сельсовет.

Прошли внутрь. На столе у телефона светила керосиновая лампа. С улицы света было не видно. Хорошо соблюдают светомаскировку, с одобрением оценил лейтенант.

– Обыскивали? Оружие при них было?

– Никак нет. То есть оружия не было. А обыскивать... Мужчин обыскивали. Женщин... так... посмотрели. Документы они сразу отдали.

– Документы и что там при них было – сюда на стол.

Старшина вывалил из сумки кучку документов и каких-то маленьких коробочек с кнопками и темными стеклами. Лейтенант осмотрел их, чисто интуитивно предполагая, что это, по-видимому, необычные радиостанции. Причем их было ровно столько, сколько человек в этой группе. То есть у каждого. И все они были разные. Но на всех были надписи на латинице.

«А вот и след, – с удовлетворением подумал он, – начальник, похоже, преувеличил сложность задания».

Документы также добавили аргументов в пользу иностранного происхождения этих людей. Хотя часть их добавила больше вопросов, чем ответов. Эти документы Иванов отложил на потом.

А вот машины озадачили. Ничего подобного лейтенанту видеть ранее не приходилось. Грузовик был огромен. Две легковых машины были явно не военными. И все они оказались закрытыми. Ломать замки не хотелось. Часовой пояснил, что «чужие», прежде чем уходить, что-то нажали на ключах от машин, те в ответ пикнули, моргнули фарами, замки щелкнули и закрылись. А грузовик закрыли на ключ. Иванов отправил бойца, чтобы привели одного из задержанных с ключами.

Им оказался водитель и владелец грузовика. Он открыл кабину и рассказал о машине. Как ни странно было слышать, но это была советская машина.

После осмотра машин водитель «эмки» особого отдела клятвенно заявил, что ничего подобного из того, что в них было, он не то что не видел, а даже представить себе не мог. В одной из машин нашли толстую инструкцию по обслуживанию и ремонту на русском языке. Машина, которая там была описана, выпускалась с 2000-го по 2006 год. Инструкцию Иванов тоже изъясил.

Возвращаясь в деревню, лейтенант пришел к выводу, что в этой истории не все так однозначно и просто, как казалось ему вначале. А значит, с выводами торопиться не нужно.

– Ну, давай, старшина, посмотрим на этих диверсантов, – обратился он к старшине, входя в сельсовет. Задержанного, который открывал машины, пока оставили в коридоре под надзором двух бойцов. Старшина взял лампу в руки и подошел к двери, у которой стоял с винтовкой у ноги легкораненый красноармеец. Толкнув незапертую дверь рукой, старшина, а вслед за ним Иванов вошли в комнату. Сотрудники остались у открытых дверей. Когда дверь открывалась, в комнате раздался шум, и лейтенант напрягся, открыв кобуру и взявшись за рукоять ТТ. Когда же лампа осветила комнату, картина стала ясна. Шумели два бойца, поднимаясь с лавок. Один у окна, другой у стены справа. На подоконнике, у закрытого светомаскировкой окна стояла

такая же лампа, но с малым огнем. У стены слева, напротив него, на табуретах расположилась пестрая и необычная компания. Три крупных мужчины и три женщины. Все в годах, на диверсантов, работающих в поле, не похожи совсем. Женщины, видно, спали, привалившись к стене, и сейчас протирали глаза. Сидели интересно. Явно три пары. Одеты были странно и необычно. Даже камуфлированные костюмы, похожие на те, которые обычно использовала немецкая разведка, были однозначно незнакомыми. Гражданская одежда была столь же необычна.

– Почему у них свободны руки? – не сводя глаз с задержанных, спросил лейтенант у старшины.

– Так... они, товарищ лейтенант, и фамилию начальника особого отдела назвали. И вообще... вели себя смирно, – растерялся старшина.

Старшина под взглядом лейтенанта ГБ как бы стал меньше ростом. Его бойцы даже не дышали.

– Один момент! – обратился к лейтенанту и встал плотный мужчина с небольшой бородой и в камуфляже. Лейтенант сделал шаг назад и потянул ТТ из кобуры. А его сопровождающие уже держали всю компанию под прицелом.

– Не надо торопиться! Ошибка будет непоправимой и для нас, и для вас. И результат одинаково печальный. Для всех присутствующих здесь. Поверьте мне, – произнес вставший.

– Не находите, что вы не в том положении, чтобы ставить условия?

– Совершенно верно! Поэтому предлагаю поступить, как говорится, по регламенту. Возьмите у старшины наши документы и меня. Только говорить я буду без посторонних. Можете мне связать руки, если опасаетесь. Я готов ответить на все ваши вопросы и дать исчерпывающие, на мой взгляд, ответы.

И, усмехнувшись, добавил:

– У вас будет фантастический вечер. О подобном вы даже и мечтать не могли.

Лейтенант задумался. В такой ситуации он был впервые. Странные люди, странная одежда, странное поведение. Все настолько не типично для его опыта. Это все мешало решить вопрос привычным способом – допрос с пристрастием в полевых условиях. Особенно с учетом инструкций, данных начальником особого отдела.

Поколебавшись, лейтенант Иванов начал раздавать распоряжения. Передав ему документы задержанных, старшина и его бойцы метнулись исполнять. Для допроса или беседы – лейтенант так и не пришел к определенному мнению, что это будет – решили открыть правление колхоза, предварительно завесив его окна. У входных дверей Иванов поставил сотрудника, второй расположился на улице под окном.

Старшине было приказано организовать ужин для всех, включая задержанных, которые так и остались в той же комнате с той же охраной.

– Итак, для начала представимся друг другу, – начал разговор незнакомец, сразу взяв инициативу в свои руки, – чтобы определить формат и объем общения. Так как мы играем на вашем поле, первым начну я. Я – полковник в отставке Федеральной службы безопасности Российской Федерации Гладкий Андрей Александрович, 1963 года рождения. Документы мои находятся у вас. Поясняю, Федеральная служба безопасности – это служба, выросшая из структуры Комитета государственной безопасности СССР, в коем и начиналась моя служба. А Комитет, в свою очередь, является наследником НКВД, точнее ГУГБ. То есть в некоторой степени мы – коллеги.

Как мы попали сюда, нам неизвестно. Мы 30 сентября 2016 года с семьей Трофимовых приехали в район деревни Хватов Завод за грибами. Шел дождь. На обратном пути засели. Трофимов вызвал на помощь товарищей. Сначала Богомолова. Тот не смог помочь, и с ним приключилась та же беда, что и с нами. Потом вызвали Сараева на грузовике. Ехали по старой заброшенной дороге и каким-то невероятным образом оказались в том же месте, но на 75 лет ранее. То есть в прошлом. По этому вопросу я добавить ничего не могу. Как и почему мы

тут оказались – мне так же непонятно, как и вам. Теперь хотелось бы узнать, кто вы и каковы ваши полномочия. Исходя из вашего поведения, я сделал вывод, что относительно нас вам даны особые указания? И еще что-то подсказывает мне, что информация, которую вы здесь и сейчас узнаете, в ближайшие дни, если не часы, получит гриф «особой важности». Поэтому вам листочки для ведения протокола допроса лучше сейчас убрать. Во избежание, так сказать... Просто пообщаемся, и я думаю, в ходе нашей с вами беседы вы сами поймете, что я прав. И что для принятия решения обо мне и моих товарищах, думаю, что не ошибусь, даже полномочий и начальника особого отдела фронта будет недостаточно.

И Гладкий замолчал, выжидательно глядя на Иванова. Тот молчал, разглядывая документы Гладкого и пытаясь осознать информацию.

«М-да... допустим, это игра. Но в чем смысл ее? Информация настолько необычна, что выводов сделать невозможно. Поверить им? Или не верить? Но факты подтверждают их фантастическую версию. Хорошо! Пойдем по этой версии. Будем искать ошибки и зацепки. Раз не вписываются они в приемлемые варианты», – раздумывал лейтенант.

– Хорошо. Я – лейтенант Иванов, особый отдел 20-й Армии. Действительно, ваша группа и все, что с ней связано, не обычный случай. Допустим, я вам верю. Но это всего лишь допущение. Согласитесь, ситуация фантастическая. И ее достоверность нужно доказать, причем доказательства должны быть железобетонными. На данный момент факты следующие: имеется группа людей в тылу армии, необычно одетых, имеющих необычные документы, необычные машины и настолько же необычное объяснение появления их здесь. На мой взгляд, этого недостаточно. Хотя, не скрою, машины ваши озадачили. Что можете сказать вот об этих устройствах? Удивите меня, скажите, что это не радиостанции.

Лейтенант вытащил черные коробочки из ящика и разложил их на столе.

– Скажу. Это не радиостанции. Это телефоны. Мобильные телефоны. Но! Тут я согласен с вами, в основе их работы лежит радиосвязь.

– И с кем вы должны по ним связываться? – лейтенант закурил и подвинул пачку папирос Гладкому.

– Здесь они работать не могут. Нет базовой станции. Такая связь, которую используют эти телефоны, здесь просто еще не существует. Согласитесь, для телефонов они выглядят крайне необычно, – ответил Гладкий, прикуривая папиросу. Закашлялся. – Ух! Давно я не курил папиросы. Со времен срочной службы. Следующие курим мои. Кстати, из всей нашей компании наиболее полезен вам будет Трофимов. Как человек, обладающий наиболее объемными и конкретными знаниями о происходящих здесь и сейчас событиях, – закончил Гладкий свое повествование, одновременно туша папиросу в пепельнице.

– Насколько вы хорошо его знаете?

– Да уже тридцать четыре года. Мы вместе учились в одном училище.

– Это... – и Иванов зачитал название училища из документа под названием «Военный билет офицера запаса Вооруженных сил». – Кстати, я тоже закончил политическое училище погранвойск. Точнее, войск НКВД.

– Ново-Петергофское?

– Да. Полное название Ново-Петергофское военно-политическое... – начал Иванов.

– ...училище войск НКВД имени К. Е. Ворошилова, – закончил вместе с ним образованный Гладкий. – А теперь называю училище, которое закончили мы с Трофимовым – Высшее пограничное военно-политическое ордена Октябрьской Революции Краснознаменное училище КГБ СССР имени К. Е. Ворошилова! Училище, являющееся правопреемником Ново-Петергофского военно-политического училища войск НКВД имени К. Е. Ворошилова. Получается, мы из одного училища!

Следующие тридцать минут Гладкий рассказывал Иванову историю училища от сорок первого года и далее. Не забыв рассказать о Дне Победы.

Потом Иванов попросил старшину привести Трофимова... В общем, остановились, когда кончились сигареты и папиросы, все трое уже устали говорить, в комнате клубился табачный дым, и некурящий Трофимов шурился слезящимися глазами.

Обдумав положение, Иванов отверг вариант везти и задержанных, и их машины на КП армии в деревню Дежино западнее Дорогобужа. Сто двадцать километров по тылам армии, о секретности можно забыть. Особенно в свете того, что Трофимов прозрачно намекнул, что с ними надо все делать быстро, немцы тут будут скоро.

Глубокая ночь, но нужно звонить начальству. Лейтенант уже понял, что его возможности управления ситуацией в этих условиях исчерпаны. Максимум, что он еще может и должен сделать, это взять под контроль всех, кто контактировал с попаданцами – как их назвал Трофимов.

Поэтому, отдав необходимые распоряжения своим сотрудникам и старшине обеспечить этой группе бывших задержанных хотя бы минимальные условия для сна, лейтенант Иванов пошел звонить начальнику особого отдела 20-й Армии майору ГБ Воистинову.

2 октября 1941 года

Район д. Хватов Завод

Звонок от Иванова разбудил его ночью. Лейтенант сразу предупредил, что звонит из сельсовета, дав таким образом понять, что разговаривать нужно аккуратно. После чего изложил суть вопроса. Филипп Васильевич понял две вещи.

Первое, вопрос серьезен и требуется его присутствие.

Второе, с собой для обеспечения необходимо захватить проверенное сопровождение.

Вздыхнув, Воистинов распорядился подготовить свою «эмку» и полторку. Командиру роты при особом отделе приказал выделить пятнадцать бойцов. Уже умываясь, прикинул, что часа три-четыре для сна у него еще есть. Правда, в машине, но он уже привык к этому.

В предзвездных сумерках он и сопровождение въехали в Хватов Завод. У крыльца сельсовета его встретил заспанный лейтенант Иванов. Судя по мятому лицу, спать тому пришлось сидя за столом.

– Ну, что тут? – здороваясь за руку с подчиненным, спросил он.

– С чего начать, товарищ майор? Документы? Машины? Люди?

– Давай в таком же порядке.

– Тогда сюда, – лейтенант отступил на шаг в сторону и указал на дверь сельсовета.

Прежде чем уединиться с лейтенантом, майор отдал приказ сержанту из сопровождения заменить легкораненых своими людьми. Старшине и его людям приказал никуда не отлучаться.

Следующие полтора часа Воистинов рассматривал документы и слушал пояснения Иванова по каждому из задержанных. Когда закончили, майор поднял светомаскировку на окне и, посмотрев на встающее солнце, спросил:

– Лейтенант, фотоаппаратом пользоваться умеешь? Ну и хорошо! Бери. Пошли смотреть машины.

Машины осматривали и фотографировали еще примерно полчаса. Когда вернулись в сельсовет, люди старшины уже приготовили завтрак. Бойцы особого отдела поучаствовали в этом деле своими запасами.

Уже завтракая за тем же столом, Воистинов в первый раз за эти часы высказал свое мнение о происходящем:

– Оценка вами, товарищ лейтенант, ситуации правильная. Отчет о ваших действиях напишите сегодня, я его приложу к рапорту начальнику особого отдела фронта. Я думаю, то, что вы не вели протоколы, в данном случае не существенно. В любом случае мне придется говорить с каждым из них. Вот тогда все и запротоколируем. Писать будете вы. И еще – всех, кто контактировал с этими...

– Попаданцами, – подсказал Иванов. И пояснил, глядя на недоумевающего начальника: – Так они себя называли. Сказали, что так у них называют людей, попавших не в свое время. Целый жанр литературы у них там есть по этой теме. Трофимов вот тоже в этом, так сказать, участвует. А родоначальником этого жанра они считают Марка Твена. Его книга – «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура». Я читал ее, и ведь действительно он описывает схожую ситуацию.

– Ну, попаданцы так попаданцы, – усмехнулся майор, – так и назовем – операция «Попаданцы». Так вот продолжу, старшину и его команду никуда не отпускать и держать под надзором. С госпиталем я решу. А сейчас, чтобы окончательно понять, как глубоко мы все тут попали, будем работать с каждым. Включая старшину и его команду.

После этого они работали весь день. У лейтенанта рука уже отваливалась от писанины. Опытный майор набрал с собой папок для документов с запасом. И сейчас на них появлялись фамилии, и внутрь укладывались допросные листы. Правда, сделали пару перерывов на чай. Во время первого Воистинов позвонил в особый отдел оперативному дежурному и приказал прислать еще одно отделение из роты, забрав, таким образом, один взвод и две полторки. Перечислив фамилии и звания раненых, распорядился об их проверке и оформлении перевода прямо из госпиталя в подчинение особого отдела армии. Пусть лучше на глазах будут, раз так случилось. Подумав, добавил, что необходимо дополнительно к отделению найти медсестру и запас медикаментов. Отделению и медсестре с машиной к 16 часам находиться в Семлеве у здания местного отделения НКВД. Они поступают в распоряжение лейтенанта Иванова.

Положил трубку, достал карту из планшета и, повернувшись к Иванову, сказал:

– Первое, едешь в Семлево на своей машине. Выезд в пятнадцать часов. Твои люди с тобой. Что там, слышал из разговора. Второе, пусть тебе в райотделе проявят пленку. Но чтоб не смотрели ее. Проследи сам. Третье, смотри, – и его палец начал двигаться по карте, – севернее населенного пункта Ленкино, юго-восточнее станции Семлево лесной массив между железной дорогой Москва – Минск и Старой Смоленской. Здесь до войны был учебный городок 220-го разведбата 108-й стрелковой дивизии. Я это место знаю, потому что там готовили диверсионные группы фронта перед заброской в тыл к немцам. Там есть щитовая казарма, кухня, колодец, укрепления для охраны и обороны. Сейчас он стоит пустой. Занимаете его. Там лишних людей не будет. Разместимся пока там. Попаданцев здесь оставлять нельзя. Если Трофимов прав, а я считаю возможным ему верить, у нас осталось несколько дней. Полковник Гладкий абсолютно прав, работа с ними даже не мой уровень. И даже не уровень, – и он ткнул пальцем вверх, – комиссара. Поэтому лучше перебдеть, чем недобдеть.

Я с колонной попаданцев выеду отсюда уже по темноте. Чем меньше нас будут видеть, тем лучше. И так тут два дня перед местным населением светимся. Хорошо хоть старшина сообразил технику их спрятать.

Сейчас заканчиваем с... опросом, и нам нужно будет с тобой съездить в одно место. Трофимов поедет с нами. Поедем двумя «эмками». Захвати фотоаппарат. Пока все.

Через час две «эмки» выехали из деревни на дорогу, по которой сюда приехали попаданцы. Хотя дорогой ее и назвать-то было сложно. Просто следы от машин по высокой траве между кустов.

Неожиданно Трофимов воскликнул:

– Стоп! Смотрите! – И указал пальцем еле заметный светящийся контур полусферы над следами машин.

Машины остановились. Все вышли из них и, затаив дыхание, рассматривали необычное явление. Полусфера представляла собой ровную половинку круга над землей. Посчитали шагами ее ширину – получилось примерно двенадцать метров. Значит, высота равнялась приблизительно шести метрам.

Оставив сотрудников и водителей на месте, дальше пошли пешком втроем.

При проходе светящейся полусферы никаких особенных ощущений не почувствовали. Единственное, ветер дул ровно и в одну сторону. Как в трубе.

С другой стороны природа ничем не отличалась от той, что осталась сзади.

– Хватов Завод вон в той стороне, – уверенно показал повеселевший Трофимов. – Дорога проходит за этими кустами.

На дорогу решили не выходить. Поэтому осторожно пошли вдоль нее, продираясь сквозь кусты и подлесок. Приблизительно через полкилометра вышли на место, откуда просматривалась деревня.

Воистинов рассматривал ее в бинокль, а Иванов периодически щелкал затвором фотоаппарата.

– Крыши. Крыши домов. Что за материал? – не отрывая глаз от бинокля, стал задавать Трофимову вопросы майор.

– Шифер, железо, вон те, веселеньких тонов, ондулин.

Воистинов кивнул, хотя последнего слова он и не знал.

– Это что? Трактор?

– Трактор. «Беларус» называется. МТЗ–82. Полноприводный. Еще советская модель. Практически неубиваемая техника. Думаю, не ошибусь, если предположу, что ему лет тридцать.

– Столбы на улицах. Электричество есть везде? И из чего столбы?

– Электричество централизованное. Единая энергосистема. Опоры – железобетонные. Сараев Александр может все пояснить. Это как раз его хозяйство.

– В деревне столько машин – это нормально?

– Это не видны еще те, что стоят в гаражах. Хотя, откровенно говоря, современная деревня живет не очень. Развалили ее. Народ в основном в городе работает. А вот для этого и нужна машина. Эти машины не роскошь. Это необходимость.

– Антенны над домами. У всех есть радио?

– Это не радио. Это телевизионные антенны. Хотя, в принципе, это и правда радиоприемники, которые не только принимают звук, но и видеоизображение. То есть кино есть у каждого. Вот те антенны принимают пять – двадцать каналов. В зависимости от прохождения сигнала и диапазона. А вот те, круглые, спутниковое телевидение, и сто каналов не предел.

– Канал – это что?

– Ну... это направленность тематики передач. Например, канал «Звезда» – это передачи и фильмы про войну и вообще все, связанное с военным делом. Есть каналы о природе, о животных, о разных странах. Есть детские каналы, есть спортивные. Их много всяких и разных. Каждый выбирает то, что хочет смотреть.

После этого установилась тишина. Каждый думал о своем. Особисты переваривали информацию, а Трофимов расстроился из-за того, что, не зная, куда они едут, не упросил майора взять хотя бы его мобилу, чтобы позвонить и успокоить родственников и знакомых, наверняка уже поднявших шум из-за их исчезновения.

Он не знал, что Воистинов, не доверяя никому, носил с собой все их опросные листы в папках и телефоны в кожаном портфеле, который сейчас стоял у его ног. Но мобильники были отключены и сейчас молчали, не отзываясь на запросы станций сотовой связи.

Когда уже шли обратно, где-то вдалеке в небе появился нарастающий гул. Воистинов и Иванов обеспокоенно закурили головами, на уровне рефлексов ничего хорошего с неба не ожидая. Трофимов же остановился и, приложив руку козырьком ко лбу, стал всматриваться в сторону, откуда тот слышался.

– Вертолеты! – определил он еще до того, как точки на горизонте стали различимы. И через минуты две майор и лейтенант увидели, как невдалеке от них на малой высоте пролетели

две пятнистые машины с огромными пропеллерами сверху. Они неслись над землей, наклонившись вперед, и со стороны казалось, что они идут по следу.

– Эти машины... какие у них задачи? – любопытно спросил лейтенант.

– Эти, МИ-24, вертолеты огневой поддержки. Работают над полем боя. Оружие – пушки, ракеты, бомбы. Могут брать в качестве десанта отделение пехоты. Есть транспортные вертолеты. Есть очень большие транспортные – берут машину с пушкой, – пояснил Трофимов.

– И чем существенно отличаются от самолета? Тем, что винт сверху? – уточнил майор.

– Винт сверху дает им возможность висеть в воздухе, садиться и взлетать вертикально с площадок чуть больше размера лопастей винта. И еще, так как их место над полем боя, очень сильно бронированы. Из пулемета сбить их крайне трудно.

– Иванов! А что это у тебя висит на груди? Никак фотоаппарат! Сфотографировал? – с ехидцей в голосе воскликнул Воишинов, повернувшись к лейтенанту.

– Виноват, товарищ майор! Забыл, – потупился лейтенант.

Трофимов рассмеялся:

– Не переживайте, самое главное, проход не закрылся. Он есть. А значит, вы еще много чего сможете увидеть и сфотографировать. Я вам обещаю. Уж фотографии – точно.

Вернулись в Хватов Завод как раз к трем часам. Иванов забрал своих людей и уехал. Воишинов сообщил старшине, что сегодня будут готовы бумаги, и он со своими людьми прикрепляется к особому отделу, после чего пошел пообщаться с попаданцами. Заодно и чаю попить.

Поболтав ни о чем и выпив кружку чая, встал и, уже уходя, предупредил:

– Как стемнеет, уезжаем отсюда. Вы едете на своих машинах.

– Далеко? – спросил Трофимов.

– Нет. Но говорить пока не буду. Есть одно спокойное местечко, где можно будет переждать пару-тройку дней, пока по вам вопрос решаться будет. Первой машиной пойдет моя. За ней полторка охраны. Потом ваши... как их... джипы. Последним идет «Урал». На нем поедет команда старшины. И просьба: с фарами сделайте что-нибудь, тут ведь война.

– Окей! На подфарниках поедем.

Воишинов хмыкнул:

– Ну, лады, – и пошел к охране.

За оставшиеся до темноты четыре часа Трофимов получил втык ото всех женщин, включая жену. От нее – больше всех. За то, что «не догадался» сообщить родным, что все живы и здоровы.

Как будто он знал, куда его повезли! Но, как говорится в Вооруженных силах, отмаз был не засчитан.

К тому времени как наступила ночь, все уже были собраны и готовы. Еще в сумерках майор отвез к порталу одно отделение охраны. Чтоб лишние и чужие там не шлелись.

Трофимов на спидометре выставил «ноль», собираясь засечь расстояние от Хватова Завода. Все ж кое-что он как местный тут знал. Многие населенные пункты остались ведь и в его время. Правда, дорожных указателей на нынешних проселках никто не ставил, и он быстро выбросил из головы эту пустую затею, крутя баранку на ухабах и потерявшись буквально за околицей деревни начала маршрута.

Тем не менее, когда запахло креозотом и углем железной дороги, предположил, что это, наверно, станция Семлево. После нее проехали по полю, потом лесная дорога, в конце которой их остановил караул их охраны, уехавшей днем.

Спидометр показал 43 км. Еще раз вспомнив маршрут и прикинув, что большое село, которое они проехали, было Семлево, на тот момент райцентр, то получается, они где-то юго-восточней станции Семлево, между железной дорогой и Старой Смоленской.

После чего объявил своим товарищам по несчастью, что более чем на шесть дней они тут не задержатся, иначе их охрана сменится на немецкую. Правда, не гарантировал, что их отпустят домой. И те, и другие.

В эту ночь спали в старой казарме, на заранее привезенной охраной соломе. Вторую ночь одетыми. Это было плохо. Но лежа. Это было хорошо. Женщины тем не менее были вне себя от спартанских условий. Мужики пожалы плечами и полезли на солому.

Перед сном перекинулись идеями насчет своих перспектив. Трофимов дал историческую справку о месте и времени, в котором они находятся, и сделал предположение, что их либо всех в ближайшее время перебросят в Москву, как особо ценных секретноносителей, либо все же часть вернут «на Родину», потому как портал открыт и люди, имеющие право принимать решения, не смогут отказать себе в шансе установить контакт с нынешней российской властью. А для этого нужно будет найти способ это сделать. И они в общем, а товарищ полковник в частности, самый простой путь для этого.

Еще немного порассуждав, народ затих.

А майор Воистинов, закончив писать при керосиновой лампе отчет и приложив к нему отчет лейтенанта Иванова, упаковал их вместе с телефонами, документами и пленками в свой «особой важности» портфель, оставил старшим за себя лейтенанта, сел в «эмку» и уехал.

3 октября 1941 г.

Западнее ст. Касня. Поместье князей Волконских.

Штаб Западного фронта

Штаб фронта встретил майора суетой, неразберихой и легкой паникой. Днем штаб бомбили. И бомбили не по случайности, а вполне целенаправленно. Пожары уже были потушены, хотя еще рдели в темноте остатки пожарищ, стоял густой запах удушливой смеси дыма и тротила. И в этой пелене дыма и ночи личный состав штаба торопливо грузил имущество в подходящие машины. Дежурный по отделу, когда его нашел Воистинов, сообщил о приказе на передислокацию штаба в район Гжатска. Флигель, где располагался особый отдел, при бомбежке не пострадал, поэтому через минуту майор стучал в знакомую дверь.

Начальнику особого отдела НКВД Западного фронта комиссару третьего ранга Лаврентию Фомичу Цанаву было не до сна, и появление в отделе майора Воистинова – которого, кстати, оперативный дежурный отдела фронта не мог найти весь день, при этом дежурный по отделу 20-й Армии отвечал, что начальник находится на операции, а комиссар почему-то был не в курсе этой операции – вызывало острое желание пообщаться с подчиненным.

– Здравствуй, уважаемый Филипп Васильевич! Надеюсь, у тебя заготовлены объяснения для твоего прямого и непосредственного начальства по поводу отсутствия в течение... – комиссар посмотрел на часы, – почти суток.

– Так точно! Вот они! – и майор Воистинов приподнял портфель.

– Тут адреса, пароли, явки всей разведсети абвера в тылу Западного фронта? Филипп Васильевич, не разочаровывай меня.

– Больше! Гораздо больше! И ценнее!

– Ну-ну! Пошли!

Вошли в кабинет, и комиссар пошел было к своему стулу, когда его окликнул Воистинов:

– Товарищ комиссар! – и глазами указал на дверь.

– Даже так! – удивился Цанаву.

И, приоткрыв дверь, распорядился дежурному:

– Ко мне – никого. Пока сам не вызову.

После чего закрыл дверь на ключ.

Уже усевшись за столом:

– Ну, давай. Чего там?

Следующие три часа он листал документы, читал опросные листы, отчеты Иванова и Воистинова, долго расспрашивал о выходе в другое время. За эти три часа в лаборатории отдела успели распечатать пленки и принести фотографии. И снова расспросы, теперь по фотографиям. Потом ходил, куда-то звонил. И уже далеко за полночь он неожиданно спросил:

– Где они сейчас?

Майор объяснил. Комиссар тоже знал это место.

– Когда и как ты их туда перевез?

– По темноте. Очень уж у них машины, как вы видели, необычные. Заметные.

– Это ты правильно сделал. Значит, так! Первое. Если верить попаданцам, у нас осталось несколько дней. Я проверил, звонил в Москву в Центральное управление. Связи с Брянским фронтом проводной уже нет. Только радиосвязь, и там что-то творится страшное. По неподтвержденным сведениям, наши войска вчера оставили Орел. Примерно эти же сроки указаны Трофимовым. У нас тоже... На правом фланге и в центре бьемся, а на левом связь с Резервным потеряли.

Второе. Поэтому время терять нельзя. Забирай всю свою роту, возьми под охрану и проход, и этих... попаданцев. Для тебя это главная задача! Отвечаешь головой! В помощь даю тебе спецов пятнадцать человек. Группу готовили к заброске в тыл к немцам. Группа прошла весь курс подготовки, хорошо слажена. Исходя из ситуации, считаю более важным их работу здесь. Вот их, кстати, лучше задействовать на охране прохода. Они более подготовлены к действиям в таких необычных условиях. Вместе с ротой охраны.

Третье. Сейчас едем в твой лагерь. Есть у меня мысль... пообщаться с ними в неформальной обстановке. Возьму с собой пару сотрудников, нужно успеть как можно больше информации выжать из них за оставшееся время.

Полевой учебно-тренировочный лагерь

Ночь для Трофимова оказалась короткой, только, кажется, закрыл глаза, как кто-то потряс за плечо.

– Что? Кто? – вывалился из сна, не понимая, где он.

– Вас товарищ майор к себе вызывает, – пояснил будивший.

– Что там, Леша? – проснулась жена.

– Спи. Сейчас приду.

– Холодно.

Накрыл ее своей курткой и, стараясь никого не разбудить, вышел вслед за бойцом в коридор.

Идти пришлось не далеко. Боец открыл дверь через одну от комнаты, где они спали, и доложил, что приказание исполнено. Трофимов вошел, с темноты щурясь на керосиновую лампу, горевшую на столе. За столом сидел знакомый ему Воистинов, рядом с ним незнакомый мужчина явно кавказской национальности. В отличие от одного ромба в петлицах Воистинова, у него было их три.

– Мне представиться, или сами определите, кто я? – с любопытством спросил он Трофимова.

Трофимов пожал плечами.

– По-видимому, начальник майора Воистинова. Начальник особого отдела Западного фронта... Цанава. Простите, имя, отчество, звание не помню.

– Неплохо! Лаврентий Фомич Цанава. Комиссар госбезопасности третьего ранга, – представился он, – а вы – старший лейтенант запаса войск КГБ СССР Алексей Федорович Трофимов. Приятно познакомиться!

Он встал и протянул руку. Трофимов пожал ее. Рука была жесткой и сильной. Как у настоящего генерала.

– Алексей Федорович! Ведь вы живете в Вязьме? Мне тут доложили, что у вас дома имеется подборка литературы и... – комиссар заглянул в бумажку, – компьютерные материалы по теме Великой Отечественной войны. Как вы отнесетесь к тому, чтобы пригласить меня к себе в гости?

– Именно так. С разницей в семьдесят пять лет.

– Ну, вы нам всем доказали, что это поправимо. Так как насчет приглашения?

– С удовольствием! Только можно просьбу? Разрешите взять хотя бы мой мобильный телефон. Нас уже дома нет трое суток. Как бы поисковую операцию не начали.

– Думаю, это возможно. Но говорить вы будете только в моем присутствии.

– Согласен. На чем поедем?

– Ну, я думаю, правильным будет в вашем времени ездить на ваших машинах. Только нам нужно до перехода доехать по темноте. Поэтому выезжаем через пятнадцать минут.

– Я могу сказать об этом жене и товарищам? И вопрос: когда мы вернемся?

– Можете. Вернемся тоже в темноте. Так что по дороге продумайте культурную программу для гостя. Желательно, чтобы не вызывать интереса у ваших спецслужб.

– Если мы благополучно доберемся до моего дома, обещаю вам, что вы сможете побывать чуть ли не в любом месте нашей планеты, не выходя из дома. Виртуально, конечно.

– Что значит «виртуально»?

– Я покажу.

– Я надеюсь, мы хорошо понимаем друг друга? Ваши товарищи останутся тут.

– А может, хотя бы женщин отпустите?

– Нет! И вы прекрасно понимаете, почему. На этом разговор окончен. Собирайтесь! И не опаздывайте.

Когда жена узнала, что Трофимов едет на целый день домой, то заплакала. Трофимову было ее жаль, но изменить он ничего не мог. Провожать Трофимова вышла вся компания попаданцев. Темноту ночи разбавлял свет от салонного плафона, противотуманок «Хундая» и светомаскировочных фар машин сопровождения.

– Не забудь моей Наталье рассказать, в какую задницу ты меня затащил, – напутствовал Трофимова Сараев.

– Он скажет, что с вами все в порядке! Вы в гостях у друзей! – за Трофимова ответил выходящий из дома Цанава. Он был одет в гражданский костюм, шляпу и плащ. Так же был одет и один из людей его сопровождавших.

– Товарищ комиссар! Садитесь оба на заднее сиденье. Там стекла затемнены, – подсказал Трофимов.

Уже садясь в машину, Цанава задержался и позвал к себе Воистинова.

– Филипп Васильевич! Организуй сегодня для товарищей баню. Думаю, это немного поправит их настроение. Ну, и к вечеру будьте готовы! Будем разбирать итоги дня.

Первой пошла «эмка» майора, замыкала колонну полуторка с охраной. Охрана была новая. Видно, приехали с комиссаром. Выглядели нестандартно. Все в маскхалатах, один ручник ДП, две снайперки, остальные вооружены автоматами ППД. У всех за спинами вещмешки. Все это Трофимов рассмотрел, когда в свете подфарников комиссар ставил им задачу.

Комиссар чиркнул зажигалкой, прикуривая папиросу. В отблеске ее пламени увидел недовольное лицо на мгновение обернувшегося Трофимова.

– У вас в машине не курят?

– Ну, не желательно.

– Хорошо. Как открыть окно?

Трофимов опустил стекло со стороны комиссара, и тот выбросил папиросу.

На место прибыли уже в предрассветных сумерках. Колонну остановило охранение, как назвал Трофимов, портала. Комиссар вышел из машины и тут же закурил. Через минуту у

дверей стояли Воистинов, один из его сопровождения в форме, боевик в маскхалате, по-видимому, командир группы и старший охранения.

– Ты, – комиссар указал пальцем на сотрудника в форме, – остаешься старшим здесь. Охранение переходит в твоё подчинение. Замаскироваться и ждать нас. Мы должны вернуться до ночи. Если что-то не сложится, майор Воистинов знает, что делать. Поступаете в его распоряжение.

Он посмотрел на часы.

– Время 6:30. Думаю, пора!

Трофимов запустил двигатель и двинулся в сторону прохода.

4 октября 2016 г.

2. Вязьма и Вяземский район

Выбравшись на дорогу по ту сторону прохода, Трофимов первым делом ткнул кнопку настройки радио. Через минуту в салоне зазвучала музыка. Хотя пассажиры и заинтересовались незнакомыми мелодиями, Трофимов отыскал «Маяк». Рассудив, что эта программа наиболее подходит для текущего момента. Одновременно запиликал, принимая эсэмэски, заряжающийся от сети автомобиля мобильник. Трофимов смотреть их не стал. Не время. И выключил телефон. Чтобы не нервничать, отвечая на звонки.

Проехали Хватов Завод. Комиссар с интересом рассматривал деревню. Особо заинтересовался пушкой, служившей памятником на перекрестке. Трофимов дал общие сведения. Комиссар удовлетворился этой информацией. Он ведь тоже не был артиллеристом.

Дорога была пустынная. До Красного Холма не встретилось ни одной машины. В Красном Холму Трофимов остановился у памятника на Поле Памяти. Коротко рассказал об этом месте. На участке между Красным Холмом и Кайдаковым навстречу попались две фуры. Снова отвечал на вопросы комиссара. Заодно заметил, что его спутник отмечает маршрут по своей карте, ориентируясь по дорожным указателям. По городу поехали через центр, практически в час пик. Нужно было заскочить в круглосуточный магазин, купить продуктов себе и своему псу, который уже трое суток голодал. Улица 25 Октября была забита машинами. Ехали медленно. Помощник комиссара через лобовое стекло делал снимки портативным фотоаппаратом. Пользуясь моментом, Трофимов знакомил гостей с достопримечательностями.

– Слева хорошо вам знакомая полуторка – памятник послевоенным водителям. Здесь в советские годы автоколонна была. Еще раз слева, метров на триста далее по улице, в глубине стоит памятник погибшим советским военнопленным. Там концлагерь был. Точно подсчитать не смогли, после войны там обнаружили несколько рвов с останками пленных, оценивают в число от тридцати до семидесяти тысяч человек. Этот лагерь как раз образовался при ликвидации Вяземского котла.

И снова слева, самолет МиГ-17 – памятник в честь дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта Светланы Савицкой. Она на аэродроме «Двоевка» переучивалась на реактивную технику.

Город после освобождения отстраивали заново. Согласно немецкому плану, при отступлении были взорваны практически все каменные здания. Город просто снесли. После войны восстановили.

Справа – камень на месте царских палат. Царь Алексей Михайлович Романов выбрал Вязьму в качестве резиденции во время эпидемии в Москве.

Еще справа – памятник артисту, уроженцу Вязьмы, Анатолию Папанову. Вы его еще не знаете. Он сейчас где-то служит рядовым.

Проехали мимо администрации с развевающимся над ним российским триколором. Цанова промолчал. Трофимов в зеркало увидел, как он сжал зубы. Трофимов ожидал услышать

мнение комиссара государственной безопасности третьего ранга по этому поводу. Но услышал совершенно другое.

– М-да, – прервал молчание комиссар, – много у вас женщин за рулем. И очень много в штанах. Нормальную женщину в юбке или платье среди пешеходов и не увидишь. И очень много их за рулем. У вас мужчин не хватает?

– Есть такое дело. Войны, болезни, неправильный образ жизни. Но не настолько, как может казаться, глядя на женщин за рулем. Просто барышням нравится быть независимыми от желаний и состояния здоровья своих мужчин. Моя жена вот в сорок лет воспылала желанием сесть за руль. И своего добилась. И я с гордостью могу сказать, что водит она лучше некоторых профессиональных водителей мужчин. Но в пределах асфальтовых дорог. Что касается брюк, для нас это уже привычно. Моя жена тоже чаще брюки на работу надевает, нежели традиционную женскую одежду. Ей так удобнее.

– Слева, – продолжил он, – парк адмирала Нахимова, уроженца нынешнего Вяземского района. Установлен бюст и назван парк в честь адмирала уже после развала Советского Союза. Вот этого не пойму, почему можно было учредить орден Нахимова. Будет такой немного позднее, – пояснил он в ответ на недоуменный взгляд комиссара, – но не поставит бюст на его малой родине. Он вроде бы не провинился перед советской властью.

– Мне трудно что-либо ответить на это. Не мой вопрос, – дипломатично ушел от ответа Цанава.

В магазин пошли все вместе. Комиссар с интересом осматривался. Особенно заинтересовала его оплата карточкой. Но вопрос, читающийся в глазах, он отложил.

Сам Цанава и его помощник смотрелись достаточно колоритно. Но в наше время удивить кого-либо одеждой трудно. Продавщица ночного магазина, борясь с зевотой, по причине отсутствия других посетителей поглядывала на них всего лишь с легким любопытством.

– Это у вас деньги такие? – поинтересовался комиссар, выйдя из магазина.

– В некотором смысле да. Но у нас есть и обычные деньги. Просто я не брал их с собой. Ведь ехал на несколько часов и за грибами. А карточка всегда у меня с собой.

Загрузились и, проехав перекресток, Трофимов снова остановил машину на площади Ефремова. Цанава вопросительно взглянул на Трофимова.

– Я думаю, вам нужно это видеть, – глядя через зеркало на комиссара, ответил тот.

Захлопнулись двери, пикнула сигнализация, и все трое направились к памятнику генерал-лейтенанту Ефремову.

– Это Вечный огонь! У нас в городе он горит недавно. Это символ памяти о погибших в Великой Отечественной войне. В Москве у Кремлевской стены он горит на Могиле Неизвестного Солдата. Домой приедем, я вам покажу.

А это памятник генерал-лейтенанту Ефремову, командующему 33-й Армией Западного фронта, пытавшейся взять Вязьму зимой-весной 1942 года. В штурме принимали участие четыре дивизии армии, общей численностью от 12 до 18 тысяч человек. Данные на этот счет разнятся. Штурм не удался, и большая часть личного состава погибла в окружении. За генералом присылали самолет, однако он предпочел остаться со своими солдатами. При прорыве из окружения был дважды ранен и, не желая живым попасть в плен, застрелился. Памятник генералу поставлен в 1946 году. Это один из первых памятников, посвященных событиям войны. Скульптор – Вучетич. Бывший боец 33-й Армии. Он – автор самых знаменитых скульптур, посвященных теме войны. Я покажу вам его творения. Они знамениты на весь мир. Мое мнение, это одна из самых выразительных скульптур вообще. И уж точно самая первая по времени.

Цанава обошел памятник. Потом отошел, снял шляпу и склонил голову. Трофимову этот жест откровенно понравился. Когда Цанава повернулся к нему, в его глазах мелькнуло нечто такое, что Трофимов понял: лед официальных отношений между ними треснул.

На Ямской площади Трофимов завернул на заправку и долил бак до полного.

Выйдя из машины, для того чтобы открыть ворота, Трофимов услышал радостный лай Арчибальда. И из-под ворот вылезли все три, громко жалующихся на жизнь, коты. Удивительно, но и собака, и коты на слух узнавали автомобиль хозяина еще издали и старались встретиться, как могли. Поставив машину и закрыв ворота, Трофимов, сопровождаемый кошачьей стаей, подошел к собачьему вольеру и просунул Арчибальду кусок колбасы. Пес просто разрывался, пытаясь одновременно и лизать руки хозяина, и облаивать незнакомцев, и уделить внимание возжеленной колбасе. Успокоив собаку, Трофимов с гостями вошел в дом.

– Так! Снимайте плащи! Сейчас я вам чего-нибудь поставлю на компьютере, а мне нужно приготовить нам завтрак и моей живности сварить еду.

– Секунду! Познакомьте нас со своим жильем, – предупреждая подняв руку, поменял планы Трофимова Цанава.

Посетив туалет, Цанава прошелся по всему дому.

Причем действительно осмотрел комнаты и помещения, когда его помощник в основном осматривал территорию за окнами. Комиссар переспросил:

– Как вы там говорили: работаю мастером в электросетях, заработок ниже среднего?

– Именно так! А у жены – выше среднего.

– Ну, неплохо в целом! Хотя мне пока что не с чем сравнивать. В наше время люди живут и лучше, нежели вы, но у них и должности и, соответственно, мера ответственности несравнимо выше вашей. Но как пример мне интересно было оценить.

– Я, кстати, пока ходили и смотрели, придумал, что вам нужно увидеть. Пойдемте!

Войдя в зал, Трофимов включил компьютер и аудиоцентр, через который у него работал звук, и поставил перед монитором кресло и стул.

Пока расставлял мебель, компьютер загрузился.

– Итак! Это для настроения. Парад Победы на Красной площади 24 июня 1945 года. Вам будет крайне интересно это посмотреть. Особенно с учетом того, что вы многих знаете. Как закончится, я поставлю Парад 9 мая 2015 года. Вы получите представление о том, что собой представляет Россия сейчас.

Трофимов запустил ролик и пошел на кухню. Следом за ним отправился помощник комиссара.

– Надо позвонить. Чтобы паники не было, – вытаскивая и включая телефон, уведомил контролера Трофимов. Звонки много времени не заняли. Алексей отделался дежурными фразами и сразу после этого выключил телефон. Иначе тот бы трезвонил не переставая.

После просмотра Цанава пришел на кухню в приподнятом настроении. Поэтому когда все устроились за столом, он внимательно посмотрел на помощника.

– Виктор! Ты фляжку с собой не захватил?

– В форме осталась, – смутился тот.

– Вот... М-да, – крикнул комиссар.

– Момент! – Трофимов метнулся к холодильнику, доставая дежурную бутылку водки.

– На всякий случай, стараюсь иметь в холодильнике! Хотя... могу еще предложить неплохой самогончик. У товарища беру по трехлитровой баночке на полгода. Но он теплый.

– Давай лучше холодную.

Трофимов поставил на стол и наполнил две стопки.

– А себе?

– Я за рулем. У нас с этим строго. Сейчас себе соку налью.

Комиссар поднял со стола стопку и встал. Следом вскочили Трофимов и помощник Виктор.

– За Победу! – произнес Цанава, и все выпили.

Пока завтракали, гости выпили еще по две стопки. Потом пошли снова к компьютеру.

Цанава попросил рассказать все, что знает и думает Трофимов о развале СССР. Рассказ затянулся часа на полтора. Точнее, Трофимов рассказывал и показывал на компе соответствующие последним тридцати годам ролики.

Когда на мониторе шли кадры спуска красного флага над Кремлем, Цанава ударил кулаком по подлокотнику кресла и выругался. Трофимов с опаской посмотрел на него и предложил прекратить просмотр и заняться насущными вопросами. Но комиссар потребовал продолжать.

И все же он не выдержал! После просмотра кадров беснующихся толп, орущих «Москаляку – на гиляку!», факельных шествий с портретами Мазепы, Бандеры и других предателей, разрушения советских памятников и осквернения могил героев войны, он вскочил и выбежал на веранду.

Остальные последовали за ним. Цанава стоял у окна, устремив в него застывший взгляд. Неожиданно он повернулся и схватил Трофимова за грудки.

– Как? Как вы могли предать дело Ленина и Сталина? Свершения, оплаченные кровью и жизнями миллионов советских людей! – кричал он, вплотную приблизив свое лицо и брызгая слюной. – Чего вам не хватало? На что купились?

Трофимов настолько был потрясен и подавлен этой вспышкой, что в первые мгновения просто опешил. Однако секунды спустя в глубине его души поднялась буря чувств. Тут была и обида за свое поколение, и чувство вины, и одновременно сопротивление обвинениям. Все это сплелось в огромный ком, который сдержать он был не в силах. Он уже не слышал, что кричит ему в лицо Цанава. Он тоже схватил комиссара за грудки.

– Мы виноваты? Да! Да! Мы виноваты! Никто не мог предположить, что нас предаст собственное руководство! Никто не мог знать, что враг не там, за океаном, а здесь! В Москве! В Кремле! Мы предатели? Нет! Предатели те, кто привел их в Кремль! А это сделали вы! Ваше поколение! Это вы предали Сталина! Вы вынесли его из Мавзолея! Вы снесли памятники ему! Вы назвали его преступником и палачом! Вы списали на него все свои грехи! Вы расчистили дорогу тем предателям, которые сдали Союз. Так кто из нас более виноват? – орал он в багровое от бешенства лицо Цанавы.

На секунду возникла тишина, в которую вплелся голос из-за стены:

– Федорыч! Что там у тебя происходит? Может, мне в милицию позвонить? И куда ты вообще пропал? Собака твоя даже выла от голода. Пришлось подкармливать.

Трофимов пришел в себя. Они с комиссаром продолжали держать друг друга за грудки, краем глаза он еще видел державшего его на прицеле помощника с побелевшим лицом. На лице, как в книге, отображалась борьба между обязанностью обеспечения безопасности комиссара и его же приказом охранять Трофимова.

– Кто это? – прошептал Цанава.

– Сосед, – так же шепотом ответил Алексей и, сделав шаг назад, отпустил лацканы пиджака комиссара.

– Все нормально, Иваныч! Это мы с товарищем... немного поспорили об истории. Несколько погорячились.

– А ну-ка, выйди во двор, поговорим, – все так же недоверчиво ответил сосед.

Трофимов развел руками, глядя на Цанаву, и пошел к выходу. Комиссар проводил его взглядом и дал знак помощнику оставаться на месте.

Сосед Иваныч успокоился, лишь поздоровавшись с Трофимовым за руку и увидев того живым и здоровым.

Алексей поблагодарил того за заботу об Арчибальде и заодно попросил подкормить того, если он снова не появится в ближайшие дни.

Пока он отсутствовал, все успокоилось. Цанава докуривал папиросу, помощник уже был без пистолета в руке.

– Ладно! Все успокоились. Диспуты о мере ответственности перед историей оставим на потом. У нас стоит задача изменить ее и исправить ошибки. Либо избежать их, – негромко подвел он итог конфликта, – пойдете работать, времени у нас немного, а задачи объемные.

– Я, в свою очередь, тоже приношу свои извинения лично вам. Вы остались верны до конца. За что вы и пострадали.

Цанава внимательно посмотрел в глаза Алексею и медленно кивнул, принимая извинения.

Вернувшись в дом, Трофимов продолжил:

– Я предлагаю сделать следующим образом: товарищ комиссар, вы формулируйте вопрос, какую информацию хотели бы получить. Желательно, чтобы эта информация была объемной. Я отыскиваю ее на компьютере жены и ставлю на скачивание на флешку.

Одновременно на компьютере, на котором вы смотрели ролики, начинаем искать все нужное по событиям непосредственно октября 41-го года. Эту информацию я сразу буду распечатывать. В дорогу с собой я захвачу ноутбук дочери. Он старенький, но от возраста хуже тексты читать не стал. Он обеспечит вам возможность детально разобраться с информацией на флешке.

Я сомневаюсь, что мы можем что-то кардинально изменить в судьбе Западного и Резервного фронтов. По срокам мы катастрофически опаздываем. Но изыскать возможности поупираться и добавить ложку дегтя в бочку меда под названием операция «Тайфун» мы можем.

– А вот такой вопрос, можем мы найти информацию о предателях Родины и тому подобное? Это ведь, так сказать, мой профильный вопрос.

– Ну, а как же? И это поищем, не обещаю, что в материале будут ярко выражены личности предателей, проявившихся в событиях в районе Вязьмы, скорей всего там будет общий список, но выбрать из него кое-что мы сможем.

– Тогда работаем!

Далее, с участием помощника, Алексей притащил со второго этажа компьютер, работавший через вайфай. Позже он сам себя в душе поблагодарил за то, что не поленился и сделал это. Иначе бы непрерывная беготня с первого этажа на второй и обратно не столько бы накачала ему ноги, сколько пошатнула бы остатки здоровья. Не молодой, чай!

Работали без обеда. Помощник сходил на кухню и, справившись с газовой плитой и холодильником, сделал чай с бутербродами.

В 17 часов запыкал будильник электронных часов. Трофимов очень боялся опоздать к порталу, справедливо предполагая, что это для его товарищей и жены добром не кончится.

– Все! Заканчиваем! Витя, на втором этаже в комнате, похожей на кладовку, где одежда, возьми чемодан. Если внутри что-то есть, встряси прямо на пол. Потом подберем. В него уложим все книги с этих полок. Главное – вывезти, потом с ними разберетесь. И... отдам я вам принтер. Распечатывать материалы. К нему запасной картридж и пачка бумаги. Больше у меня просто нет. Так! Это не все. Вот флешка, на которую качали информацию. Спрячьте ее в портфель или в карман, куда надежнее. И пока собираемся, я еще с внешнего диска на жесткий ноута скачаю всю информацию по войне, которую я собирал эти годы. Тоже пригодится.

Последнюю фразу гости не поняли, но суть того, что это полезно, уловили, поэтому начали собираться. Цанава спрятал флешку в нагрудный карман. Выехали через полчаса. По дороге Трофимов предложил заехать в ближайший супермаркет, чтобы купить нормальной, в его понимании, еды для своих товарищей. Цанава не препятствовал, но предупредил, что тоже пойдет с ним.

Заехали в «Солнечный» на Ямской. Алексей купил колбасы двух сортов, взял три курицы-гриль, кетчуп, майонез, две бутылки коньяка, хлеба белого и черного, на всякий случай спагетти, пачку соли и пачку сахара кускового, несколько комплектов пластиковой посуды. Народу по окончании рабочего дня было прилично. Пришлось постоять в очереди в кассу.

– Я говорил про женщин в штанах и за рулем. Могу еще сказать, от голода вы не страдаете. Кажется, ровно наоборот.

– Есть такое дело. И причин тут много.

– И магазин... для райцентра, плюс не в центре города выглядит весьма неплохо. Меня особенно удивляет товар на полках в свободном доступе. Не воруют?

– Ну, как совсем без этого? Бывает. Но там камеры везде, личность вора установить вполне по силам. Зато такая схема значительно увеличивает количество обслуживаемых покупателей. А украденное хозяин компенсирует из зарплаты продавцов и охраны. Капитализм! Тут хотя бы наиболее ценные виды товаров – колбаса, рыба, спиртные напитки – находятся либо под замком на витринах, либо отпускаются по старой схеме – продавцом, а вот в гипермаркете все лежит и стоит на полках. Продавцы присутствуют только в тех отделах, где покупателю требуется товар не заранее фасованный, а по его желанию. Плюс тот магазин примерно раз в десять больше этого.

– Да? Я думал, этот один из самых больших.

– Нет. Это заурядный квартальный магазин. Таких в городе десятка два.

– М-да...

Обратную дорогу Трофимов выбрал через Семлево. Этот путь был длиннее километров на пятнадцать, но освобождал от необходимости пересекать город в часы пик.

Весь путь все трое были заняты работой. Алексей, кроме того что вел машину, диктовал под запись Виктору алгоритм пользования оргтехникой; комиссар что-то быстро писал в записную книжку, заглядывая в распечатанные материалы по действиям дивизий и армий, которым суждено попасть в окружение. Кроме этого, у него были распечатки биографий всего командного состава этих армий до комдивов. Тех, естественно, на кого в Интернете нашлась информация. После Путьково стало уже темновато. Трофимов включил свет в салоне, на что Цанава, не отрываясь от записей, благодарно кивнул.

Подъезжая к portalу, Алексей выключил фары, оставив только противотуманки. На душе у него было беспокойно. Тяжело. Но отступить ему было некуда, кроме осознания своего долга офицера перед Родиной, он не мог бросить жену и друзей.

4 октября 1941 г.

Семлевский район

Проехав портал, он остановил машину и заглушил двигатель. Комиссар оторвался от бумаг и аккуратно убрал их в портфель. После чего вышел из машины, сразу же привычно закурился. Выслушал доклад старшего охранения и приказал охране грузиться в полуторку. После чего о чем-то переговорил со старшим охранения от роты особого отдела 20-й Армии.

Сразу же после этого полуторка и джип тронулись. Свет в салоне уже использовать было нельзя.

Алексей, дождавшись этого момента, решил озвучить мысли, бродившие у него еще дома, но оформившиеся только перед порталом.

– Товарищ комиссар, я вот что думаю. Портал и информацию о нем вы доложите своему руководству, я имею в виду Лаврентию Павловичу, и, я уверен, эта информация заинтересует Верховного. Но! Осталось всего несколько дней до занятий этого района немцами. И если информация попадет к ним, или они случайно наткнутся на портал, то вам ни одной ротой, ни двумя, даже дивизией не удержать этот район. То есть своими силами вам объект не удержать. И даже если немцы про него не узнают, наличие портала вам ничего не даст. У меня два предложения. Первое, дать возможность нам, то есть мне и моим товарищам, сообщить о портале высшему руководству России. Такая возможность имеется у двоих моих друзей. Причем информация уйдет сразу наверх, минуя региональные структуры. Что, как вы прекрасно понимаете, в таких делах является немаловажным фактором. Если же вы нас всех или кого-то

отдельно не отпустите и случится худший из сценариев, и немцы захватят портал, то в любом случае рано или поздно они, то есть немцы, проявят себя в нашем мире. Каким образом это произойдет, я не знаю. Может, они тупо вломятся на технике в ближайшие деревни, а может, зашлют своих агентов. Если разберутся в ситуации. Но в любом случае положение Советского Союза от этого не улучшится. В данном случае фактор времени важен, как никогда. И его нужно использовать. Нужно входить в контакт с руководством России. По крайней мере, безопасность объекта они точно смогут обеспечить. Это как минимум!

– Я думаю над этим. Но тут проблема в том, кто тот человек, кому поверят в вашем времени. Не просто поверят, а очень быстро это сделают. Вы полностью правы, время сейчас для нас определяющий фактор.

– Знаете, у меня в памяти сейчас только один человек, личность установлена в нашем времени с высочайшей степенью достоверности. Это генерал Ракутин! Командующий 24-й Армией Резервного фронта. Поясню. Его останки обнаружены поисковиками в 90-х годах. То есть относительно недавно. И по ним проводилась серьезная экспертиза, которая подтвердила, что это останки действительно генерала Ракутина. Погиб он предположительно шестого-седьмого октября при прорыве остатков его войск и штаба в район Семлева.

– И это серьезно сэкономит нам время.

– Да!

– Еще вопрос. Вы говорили, что Россия объявила себя правопреемником СССР.

– Да!

– А архивы? Архивы вообще и конкретно моего ведомства сохранились, или...

– Сохранились! И НКВД, и КГБ, и Министерства обороны. Конкретизировать не могу, никогда не имел к этому отношения, но в целом такие архивы существуют.

– Это хорошо! Но, – продолжил он, – Россия – буржуазная страна. Где гарантия, что она пойдет на контакт с СССР и от этого будет польза?

– Во-первых, у нас сейчас очередной период конфронтации с Западом. И любой союзник интересен. Во-вторых, наш президент в первую очередь прагматик. Как Сталин. Вспомните, кто строил в СССР Горьковский автозавод. И с фашистами договор заключали. Когда решается вопрос выживания страны, идеология отступает на второй план. Это мои мысли и предположения. Но попробовать стоит. В любом случае немцам уж точно ничего не обломится.

Цанава, задумавшись, молчал.

В Семлеве комиссар тронул Трофимова за плечо.

– Заедем в местный райотдел. Я дорогу подскажу.

Подъехали к указанному зданию. Из темноты показались двое в форме с винтовками наизготовку. Трофимов заглушил двигатель и погасил фары. К патрулю вышел Виктор. Подсветил лицо и удостоверение фонариком. Переговорил с ними и вернулся к машине.

– Все в порядке, товарищ комиссар. Это патруль местного отдела. Дежурный по райотделу на месте. Связь есть.

– Ну, пойдём, – и, повернувшись к полуторке, добавил: – Присмотрите тут.

Алексей подумал, что это он о патруле. Оказалось, нет. Речь шла о нем. Сразу в его машину забрался один из бойцов, остальные рассыпались на местности, прикрывая и выход из райотдела, и машину с Трофимовым.

Войдя в здание, Цанава махнул рукой дежурному, отменяя доклад.

– Кабинет начальника открой.

Дежурный, узнав комиссара, торопливо, звеня ключами на связке, пробежал к кабинету и открыл его.

– Витя, к двери никого не подпускать, – распорядился комиссар, входя в кабинет и закрывая за собой дверь.

Дежурная на коммутаторе соединила его с коммутатором управления НКВД по Смоленской области в Вязьме. И уже через них он соединился с дежурным по особому отделу фронта в Касне. Дежурный пояснил, что штаб заканчивает передислокацию, командующий уже уехал на новое место, в Столбы севернее Гжатска. Здесь старшим остался начальник штаба фронта генерал-лейтенант Соколовский. Комиссар поручил дежурному обеспечить телефонный разговор с ним, указав свое местоположение.

Положив трубку, Цанава привычно закурил. Звонок телефона раздался как раз, когда он потушил папиросу.

– Слушаю, Соколовский!

– Доброй ночи, Василий Данилович!

– И тебе, Лаврентий Фомич! Хотя даже ночи сейчас перестали быть добрыми.

– Согласен. Я тоже звоню тебе не для пожелания спокойной ночи. Скажи-ка мне, Василий Данилович, вы с Иваном Степановичем ничего не думали по поводу Константина Константиновича, а?

– К-хм... А откуда ты знаешь? Хотя глупый вопрос. Был разговор по его поводу, есть одна идея, но она пока что ею и остается. Я так понимаю, суть ее вы знаете. Может, завтра Иван Степанович примет решение.

– Знаю. Поэтому, уважаемый Василий Данилович, я прошу, я настоятельно рекомендую идею изложить в приказе. На бумаге со всеми соответствующими подписями и печатями. Делай как хочешь, но чтоб был на бумаге. И срок в ней должен стоять не позднее 18 часов 5 октября. Если этого не будет сделано, то я, в свою очередь, сделаю все от меня зависящее, чтобы в истории Западного фронта появился второй эпизод подобный истории с генералом Климовских.

– Что, так все серьезно?

– Серьезней не бывает! Ты в курсе, что противник сегодня захватил обе переправы через Днепр восточнее Холм – Жирков?

– Н-нет! Там же дивизии Резервного фронта!

– А их пытались отправить южнее, в полосу Резервного фронта. Потом отменили, а позиции занять снова они не успели. Ты вот что! Ты все войска Резервного в нашем тылу подчиняй себе, в смысле Западному фронту. Только чтобы они подчинились, приказы нужны. Письменные.

– Ты понимаешь, что ты говоришь? Я бодаться с Семеном Михайловичем не буду! Ты в стороне останешься, с тебя и взятки гладки, ответишь вроде того «была оперативная информация», а мне что делать? Любая его неудача будет списана на меня. Н-е-т! Устные отдавать буду, подписывать ничего не буду.

– Ладно! Черт с тобой! Буду один крутиться, как смогу. Но про приказ, о котором говорили в самом начале, не забывай! Я лично его буду встречать пятого в 18 часов. И если... ну, ты знаешь.

Полевой учебно-тренировочный лагерь

Уже в полноценной темноте прибыли в полевой лагерь. Встретил их снова тот самый боец с перевязанной шеей. Только бинт в темноте белел чистотой. Так как их группу приписали к особому отделу, то включили и в боевой расчет, привлекая к несению караульной службы.

Секундами спустя хлопнула входная дверь казармы, и с крыльца спустился майор Воиотинов.

– Товарищ комиссар... – начал он докладывать, приложив ладонь к козырьку фуражки.

– Потом, все потом, – оборвал его Цанава и, повернувшись к Трофимову, добавил: – Я зайду к вам, попозже.

И направился к казарме, сопровождаемый майором и Виктором, несущим в руках чемодан с книгами и сумку с ноутбуком.

В этот момент навстречу им уже спешила вся компания попаданцев с Ларисой Трофимовой во главе.

– Так... там... в багажнике... ужин, – показывая рукой себе за спину, в перерывах между поцелуями, смог пробормотать Трофимов.

– К-хм... жизнь-то налаживается. Как раз после баньки, – удовлетворенно хмыкнул Богомолов, вытаскивая из пакета коньяк и ощупывая горячую упаковку курицы-гриль.

Пока шли до помещения, женщины одолели вопросами, звонил ли он родственникам, что сказал, что ответили. Потом последовала бурная реакция женской половины, узнавшей, что Алексей отделался практически дежурными фразами, вместо того чтобы вдумчиво объяснить родственникам ситуацию. На встречный вопрос Алексея, как это они себе представляют, дамы промолчали.

Цанава, войдя в помещение, числившееся чем-то вроде кабинета, бросил шляпу на стол и, не раздеваясь, сел за него. Воистинов добавил огня в керосиновой лампе и, получив утвердительный кивок комиссара, сел напротив.

– Филипп Васильевич! Времени нет! Доставай блокнот, пиши, что нужно сделать, – и достал из кармана свои записи.

Минут через сорок комиссар, так и не зайдя к попаданцам, уехал.

После того как в ночной дали затихли звуки двигателей «эмки» комиссара и полуторки сопровождения, в помещение, где при свете керосиновой лампы вкусно ужинали попаданцы, вошел майор. Молча взял протянутый пластиковый стаканчик с коньяком, выпил и так же молча поставил стаканчик на стол.

– Неплохо! – после паузы проговорил он, заметив, что вся компания смотрит на него в ожидании известий о своей судьбе. – В общем так! Завтра весь день вы находитесь еще здесь. В ночь выдвигаетесь к так называемому порталу. Колонну поведу либо я, либо лейтенант Иванов. Там останавливаемся, если я буду там, доведу дальнейший порядок действий. Если нет, ждете меня. Но! Товарищ Трофимов остается здесь! То есть не совсем здесь. Завтра придет группа, назначенная комиссаром, и в сопровождении этой группы он едет в Москву.

Повисла тишина. Откровенно говоря, Алексей предполагал нечто подобное. Но считал, что, скорее всего, «контактером» с руководством СССР будет Андрей Гладкий. Но комиссар видел другой вариант действий.

Отказаться он не мог. Это было бы предательством своей собственной природы. А в его возрасте так менять себя было уже просто невозможно.

– Отдыхайте! – закончил свою речь майор и вышел из комнаты.

В тишине допили коньяк и молча расползлись по нарам, шуруша сеном.

Поразмыслив в ночной тишине, Алексей пришел к мнению о справедливости выбора. Именно из-за него они все тут оказались. И если он как бы морально был готов к чему-то подобному, являясь почитателем жанра попаданцев, то остальные его товарищи были обычными людьми, озабоченными реальными проблемами. Придя к этому выводу, он успокоился и, улегшись поудобнее, погладил волосы жены, уткнувшейся ему в плечо. Рубашка на плече стала мокрой.

Уже ближе к утру Цанава отправил объемную телефонограмму Берии, в которой охарактеризовал положение на фронте, значительно отличающееся от того, что докладывали в Москву штабы Западного и Резервного фронтов. Ссылаясь на свежие разведданные, изложил планы гитлеровского командования на ближайшие дни и в целом развития ситуации на участке советско-германского фронта от Орла до Калинина.

Сообщил об отправке утром 4 октября в Москву сверхценного источника в сопровождении сотрудников особого отдела Западного фронта. В ней же он просил разрешения прибыть с личным докладом к наркому 5–6 октября. Ввиду перемещения штаба фронта на восток предлагал поддерживать связь с ним через областное управление НКВД в Вязьме.

Район Вязьмы

Утром 4 октября начали претворяться в жизнь мероприятия из блокнота комиссара третьего ранга Цанавы.

Шестнадцатый пограничный полк охраны тыла получил назначение занять оборону в районе станции Александрино, фронтом на север, перекрывая автомобильную и железную дороги направлением Сычевка – Вязьма.

Восемьдесят седьмой пограничный полк занимал инженерные сооружения тыловой линии обороны, прикрывая противотанковый ров, между Хмелитой и деревней Марьино.

Двести пятьдесят второй пограничный полк перебрасывался в район деревни Островки на большаке Знаменка – Вязьма. Все командиры полков получили письменные приказы, подписанные начальником войск НКВД по охране тыла Западного фронта полковником Сухаревым. В приказах было особо отмечено право командиров полков подчинять себе своей властью всех военнослужащих и части, находящиеся в указанных районах. Утром по обвинению в предательстве был арестован начальник штаба 19-й Армии генерал-майор Малышкин Василий Федорович.

Д. Мархоткино. Штаб 24-й Армии Резервного фронта

Майор Воистинов с охранением прибыл в штаб 24-й Армии Резервного фронта, находившийся в Мархоткино, северо-восточнее Ельни.

Первым делом нашел своего коллегу – начальника особого отдела армии бригадного комиссара Можина Андрея Павловича. Попросил его представить командующему и присутствовать при разговоре.

Закончив с формальностями, майор Воистинов приступил к делу, ради которого он прибыл в армию соседнего фронта.

– Константин Иванович! У меня есть письмо от начальника особого отдела Западного фронта комиссара государственной безопасности третьего ранга Цанавы. Прошу вас ознакомиться.

И он протянул генералу конверт, запечатанный сургучной печатью.

Генерал хмыкнул, осмотрел печать и, повернувшись к свету, вскрыл конверт. Закончив читать, он повернулся к обоим особистам.

– То, что слева у нас уже нет соседа, для нас не новость. Но! Приказа на отход из штаба фронта я не получал. И в такой ситуации верить на слово я не могу. Будет приказ, начну отход. Не будет – армия будет сражаться до последней возможности. И я разделю ее судьбу. Что касается особого поручения, о котором пишет товарищ Цанава, то пока меня не сняли с командования армией, я могу выполнять приказы только своего командования. И товарищ комиссар отдать приказ мне не может. Не тот момент.

– Жаль. Хотелось по-хорошему договориться. Видите ли, я обязан в любом случае вывезти вас. Вы действительно нужны сейчас в другом месте.

– Ну, ничем вам помочь не могу. У каждого из нас свои обязанности.

– Это вы верно заметили!

Воистинов вновь открыл командирскую сумку и достал новый пакет.

– А это уже вам, Андрей Павлович.

Можин принял пакет и, разорвав его, принялся читать.

– Постановление. Об аресте, – произнес он, глядя на командующего, – оформлено по всей форме.

– Чушь! Вы не имеете права! Двадцать четвертая армия подчиняется другому фронту, – вспылил генерал.

– Да! Не имеем. Но это вы можете обжаловать. Потом. А сейчас мы будем исполнять приказ, – ответил Воистинов.

– В чем меня обвиняют?

– Все как обычно, в предательстве. Ряд лиц, арестованных за пособничество врагу, назвали вашу фамилию.

– Ну, это же просто чудовищная ложь! Я – генерал войск НКВД.

– Я знаю. Вы сможете доказать свою невиновность, но для этого вам придется проехать с нами. Сдайте оружие!

Можин виновато смотрел на командующего, не в силах тому помочь. Фамилия Цанавы была достаточно известна в их организации, и противиться в такой момент его воле было чистым самоубийством.

Помедлив, Ракутин вытащил из кобуры пистолет и протянул его Можину, а не Воистинову. Тот принял и передал его по назначению.

Ракутин начал расстегивать портупею.

– Не нужно, Константин Иванович! – остановил его майор. – Не будем сеять панику среди ваших подчиненных. Достаточно пистолета.

И положил пистолет в командирскую сумку.

– лейтенант! – позвал он своего подчиненного. – Проводите товарища генерала в машину и дождитесь меня.

Генерал и сопровождающий вышли из помещения.

– Андрей Павлович! Еще две просьбы. Обеспечь, чтобы личные вещи генерала тоже собрали и отнесли в машину. Есть у него ординарец? Пусть едет тоже с ним. И пригласи сюда начальника штаба, срочно!

Начштаба появился в сопровождении Можина минут через пять.

– Генерал-майор Кондратьев?

Дождавшись утвердительного ответа, майор продолжил:

– В связи с обстоятельствами, вы с этого момента исполняете обязанности командующего 24-й Армией.

Генерал метнул вопросительный взгляд на Можина, тот утвердительно кивнул.

– Смотрите! – майор вынул из сумки и расстелил карту на столе. – Восточнее вас на север движется 15-я пехотная дивизия противника, уже отрезавшая вам возможность отхода на восток. У вас остается только один путь – на северо-восток. Но завтра немцы перекроют и эту дорогу. У вас есть меньше суток, чтобы организовать отход в район Семлева. Вы же уже были в окружении, Александр Кондратьевич, знаете, как там происходит, когда враг появляется в тылу. Паника, бегство, плен и все такое! Так вот у вас есть еще время всего этого избежать. Но нужно поторопиться! И помните! Родине нужны бойцы под Семлевым и Вязьмой, а не пленные красноармейцы под Ельней. Глупо, конечно, я как бы занимаюсь подстрекательством к бегству, но иного выхода сейчас нет. К тому же я надеюсь, вы сумеете организовать отход, а не бегство. До свидания! Надеюсь, не в последний раз встречаемся!

Козырнув, Воистинов вышел.

Машины ожидали его. Генерал сидел на заднем сиденье его «эмки». Рядом сидел сопровождавший его лейтенант. В кузове полупортупеи сидел мрачный старшина-пограничник.

– Пересядь вперед! – скомандовал майор, открывая дверь машины.

Лейтенант пересел, майор занял его место и, захлопнув дверь за собой, продолжил:

– Прежде чем тронемся в путь, Константин Иванович, распишитесь вот тут о неразглашении. Ну, вы знаете весь набор карт и так далее в этом документе. Стандартная форма. Хотя информация будет совсем не стандартная.

Ракутин молча подписал и отвернулся, угрюмо смотря в окно машины.

– Ну, вот и славно! – проговорил майор, убирая листок с подписью в свою сумку.

– Вы пистолет-то возьмите. Мне он ни к чему, – протянул вынутый из той же сумки ТТ генералу.

Ракутин взял, засунул его в кобуру и, непонимающе смотря на майора, произнес:

– Я ничего не понимаю! Пистолет вернули! Я видел, мои вещи ординарец принес. И сам сидит в полutorке с вашими бойцами. Что, черт возьми, происходит? Что за маскарад?

– Вы правы! Маскарад и есть. Мы же сначала хотели по-хорошему договориться. Но, скажу откровенно, надежда на подобный исход у нас была невелика. Поэтому пришлось вот так! С превышением должностных полномочий. Понимаете, опоздай вы лично, ваш штаб и войска вашей армии, с которыми еще есть связь, на одни сутки с отступлением к Семлеву, и ни вас, ни большей части ваших войск не будет. Смерть или плен – вот перспектива. А приказа из штаба фронта вы в любом случае не дождались бы. Штаб Резервного фронта на данный момент совершенно не знает и не контролирует обстановку. Войска же ваши совсем не будут лишними под Вязмой, куда будут стягиваться армии и дивизии обоих фронтов. И генерал Ракутин нам нужен живым. Вы задействованы в совершенно секретной операции. Конкретно ее суть и ваши задачи пояснит комиссар. Сейчас мы едем к нему.

Г. Вязьма. Штаб войск охраны тыла Западного фронта

А в это время комиссар Цанава сидел в штабе войск охраны тыла Западного фронта в Вязьме. И сейчас в этот кабинет, где находились он и начальник войск полковник Сухарев, заходили и рассаживались за столом комендант города генерал-майор Никитин, комендант станции Вязьма, начальник управления НКВД по Смоленской области, начальник Вяземского района ПВО.

Дождавшись, когда все рассядутся, комиссар начал совещание.

– Здравствуйте! Для тех, кто меня не знает, представляюсь. Я – начальник особого отдела Западного фронта комиссар государственной безопасности третьего ранга Цанава Лаврентий Фомич. Собрал я вас тут по очень веской причине.

Ситуация на фронте, довожу это только для вас, катастрофическая. Противник вчера захватил мосты в верховьях Днепра и закрепился на плацдармах. На юге в полосе Резервного фронта противник захватил Спас-Деменск. Если не предпринять экстраординарных мер, ориентировочно вечером шестого – утром седьмого наступлением от Хмелиты и Темкино враг захватит Вязьму. И закроет в котле части и соединения Западного и Резервного фронтов, которые сегодня еще сражаются под Ельней и Ярцевым. Взятие врагом Вязьмы – смерть для десятков тысяч красноармейцев и командиров. Вот такая перспектива!

Завтра сюда прибудет командующий 16-й Армией генерал-лейтенант Рокоссовский. Ему командованием фронта приказано оборонять Вязьму и даны соответствующие полномочия. Но это завтра! А пока старший начальник здесь я.

Для нас дорог каждый час. Поэтому я ставлю задачи, уточняем частности и начинаем выполнять. Немедленно! Мы с полковником Сухаревым уже предприняли определенные шаги в этом направлении, все три полка охраны тыла сейчас перемещаются или уже занимают позиции на опасных направлениях – под Хмелитой, севернее Касни и на большаке Вязьма – Знаменка.

– Начнем с вас! – и Цанава указал на начальника управления НКВД по Смоленской области. – Доведите информацию по обстановке до руководства областного партхозактива, обеспечьте охрану и чтобы сегодня же они эвакуировались в тыл. Как минимум в Можайск! Нам они здесь помочь ничем не могут, а создавать нервную обстановку нам не нужно. Это первое!

Второе! Сформируйте из сотрудников стрелковый батальон. Пока он будет в резерве на усмотрение Рокоссовского. Ну, и не ослабляйте борьбу с ракетчиками и шпионами. С вами пока все!

Теперь – железная дорога. Надеюсь, на направление Вязьма – Брянск эшелоны уже не отправляете?

– Да! По железнодорожной связи от наших работников пришло сообщение, что дорога немцами уже перехвачена.

– Тогда еще: с завтрашнего дня прекратить отправление поездов на Сычевку и на Калугу. Все поезда в эти направления разгружать на Вяземском узле. Максимально увеличить вывоз материальных ресурсов, подвижного состава и беженцев на Москву. До восьмого октября! Ориентировочно восьмого октября немцы подойдут к Гжатску, и дорога будет перерезана. Вот письменный приказ вам на эти действия за моей подписью.

Комиссар передал пакет коменданту станции Вязьма.

– Товарищ Никитин! Вам необходимо совместно с комендантом станции подобрать места и обеспечить техникой и людьми разгрузку подходящих с Москвы эшелонов. В ближайшие дни мы будем лишены какого-либо подвоза, а отступившим к Вязьме войскам нужно будет и что-то поесть, и чем-то стрелять. Организуйте население в помощь!

Ваш запасный стрелковый полк отправьте в район Александрино. Он поступает в подчинение командиру пограничного полка, занимающего там оборону. Вот приказ вам.

– Теперь самое сложное! Товарищ полковник! – Цанава обратился к начальнику ПВО Вязьмы. – Доложите нам, какие силы у вас находятся в подчинении в Вязьме и окрестностях.

– Седьмая зенитная бригада, Смоленский и Вяземский бригадные района ПВО, 111-й отдельный зенитный дивизион.

– Сколько орудий?

– Около ста девяноста орудий, не считая крупнокалиберных пулеметов и счетверенных пулеметных установок.

– Я понимаю, что у вас свое командование! Я понимаю, что главной вашей задачей является защита станции фронтового обеспечения железнодорожного узла Вязьма! Но! Немцы сюда придут не с неба, а по земле. Без ваших орудий наши жиденькие, на сегодняшний день, заслоны рубежи не удержат. На сегодня нужны как минимум три дивизиона зенитных пушек, это под Хмелитой, в Александрино и на большаке на Знаменку. Завтра еще один, на Жижале, на дороге Вязьма – Темкино. Далее сказать не могу, это уже решать будет Рокоссовский.

– Вы правильно, товарищ комиссар третьего ранга, сказали, мой главный объект – железнодорожный узел! И защиту его я ослаблять не имею права!

– Знаю! Поэтому и вам отдаю письменный приказ.

– Я сообщу о нем своему командованию.

– И это понятно! Но предупредите их, приказ, отменяющий мой, тоже должен быть письменным. Чтобы можно было потом предметно беседовать с лицами, его подписавшими. После сдачи Вязьмы. А главное, я думаю, раньше чем через сутки такой приказ в Вязьму не прибывает. Эти сутки ваши пушки уже будут стоять на позициях в нужных нам местах. А завтра прибывает генерал Рокоссовский, и прибывает он без войск, всего лишь со штабом своей армии, и наверняка мой приказ продублирует. И его снова можно будет отменить только вашему командованию. Но, я думаю, к тому моменту вопрос будет решен уже в Москве. Получите приказ!

Район Семлева. Полевой учебно-тренировочный лагерь

Часов в 10 утра на базу прибыла на автомашинах рота особого отдела фронта. Таким образом, в лагере уже базировалось две роты, вооруженные легким стрелковым оружием. В составе колонны была «эмка» и броневедомость. Командир роты, осуществлявшей охрану погранцев, назвал его БА-20. Из «эмки» выбрали двое сотрудников НКВД, сразу направившиеся к старшему на объекте лейтенанту Иванову. Показали ему документы, и лейтенант, обернувшись, подозвал к себе Трофимова.

– Вот, Алексей Федорович, познакомьтесь! Товарищи приехали за вами. Они будут сопровождать вас в Москву.

Трофимов автоматически ответил привычным «Очень приятно!», пожал руки представившихся, тут же забыв их фамилии. Была у него такая особенность – имена и фамилии запоминать только со второго раза.

– Вы готовы?

– Нищему собраться – только подпоясаться. Разрешите с женой и друзьями попрощаться?

– Это можно. И не надо так пессимистично. Не на всю жизнь прощаетесь, – рассмеялись сопровождающие.

Алексей подошел, обнял и поцеловал жену. Пожал руки мужчинам и получил церемониальные поцелуи в щеку от их жен. Затягивать прощание не стал, повернулся и направился к машине. Уже тронувшись в путь, старший пояснил, что все документы на него, Трофимова, у него с собой, в портфеле. Он похлопал по кожаной сумке. Их задача доставить его в определенное место и ждать там Цанаву, который должен прибыть в Москву 6 октября. Он же привезет с собой все имущество, переданное Трофимовым. Порядок дальнейших действий определит уже комиссар. Бронеавтомобиль, кстати, был выделен для их сопровождения. Для охраны тела Трофимова. Что ему изрядно польстило.

Да! Езда на автомобилях сороковых годов, да по военным дорогам, это не на комфортабельном джипе по асфальту! Пока выбрались на Минское шоссе, синяков на боках Трофимов набил немало. Состояние шоссе было вполне приличным, все же его недавно только построили. Да и машин весом по 40 тонн, способных продавливать асфальт, здесь еще не существовало. Местами на полотне дороги виднелись засыпанные воронки, и вдоль трассы лежали обгоревшие остовы автомобилей. Но в целом скорость движения и комфорт выросли. Около полудня доехали до поворота на Гжатск. Во времена Трофимова на этом перекрестке как раз располагался пост ГИБДД. А сейчас там был оборудован КПП со шлагбаумом и двумя дзотами. У шлагбаума стояли два бойца и командир в зеленых фуражках. Перед шлагбаумом скопились несколько автомобилей и подвод с беженцами – женщинами, детьми и стариками.

Их колонна объехала очередь и остановилась, старший группы пошел с документами к старшему поста. Трофимов, который уже некоторое время ощущал давление в мочевом пузыре, высказал пожелание добежать до кустиков. Второй сопровождающий пошел было с ним, но тут увидел, что к тем же кустикам устремился командир экипажа бронеавтомобиля. Он окликнул его и попросил присмотреть за Трофимовым. Оба заскочили в кусты, и только собрались приступить к исполнению желания, как откуда-то со стороны возник жужжащий звук. Трофимов не придавал этому значения. А зря! Потому что секундой позже неожиданно был сбит с ног.

– Да ты, б...ь, совсем о...л, что ли? – прокричал он, упав на землю. Ответить ему не успели. Все перекрыл грохот взрыва. Точнее, двух. Второй уже не был таким громким, наверно, по причине того, что Трофимов оглох от первого. Оглох настолько, что даже не услышал, когда ему предложили встать с земли. Тогда его просто толкнули и знаками показали, что можно встать. Выглянув из-за кустов, Трофимов забыл, зачем сюда приходил.

На месте их машины дымилась воронка, бронеавтомобиль сдавал задом, съезжая с дороги и вламываясь в придорожный кустарник. Ни командира пограничника, ни обоих сопровождающих не было. Их не было вообще! На дороге лежали убитые и раненые. Между ними металась выжившие. Бились в агонии умирающие лошади. Все кричали. Трофимов плохо слышал, но видел это. Остро пахло тротилом, кровью и чем-то еще, что вызывало ужас.

Подбежали бойцы из дзотов, начали помогать раненым. Трофимов с экипажем бронеавтомобиля тоже приняли в этом участие. Через полчаса из Гжатска прибыла санитарная машина. Раненых начали грузить в нее. Еще через полчаса слух к Трофимову начал возвращаться. Одновременно наступило и осознание ситуации. Старший их команды, знавший, куда

нужно привезти Трофимова и все документы, хоть как-то объясняющие, кто он есть, погибли. Точнее, попросту исчезли при прямом попадании авиабомбы. Командир броневедомости, сержант, ничего не знал. Его задача была сопровождать и, в случае необходимости, защищать машину с сотрудниками НКВД. Таким образом Трофимов в Москве был никто и звали его никак. Появилась мысль отмазаться от поездки в Москву, и Трофимов начал ее думать. Объяснив ситуацию буквально на пальцах командиру броневедомости, Трофимову особого труда не составило уговорить его вернуться в Вязьму. Тот ничего другого просто предложить не мог, поэтому согласился с этим планом.

В итоге Трофимов, забравшись в броневедомость, забился в угол и затих, раздумывая над своим положением. Откровенно, в броневедомости было тесновато. Хорошо еще этот экипаж состоял из двух человек. Было бы их трое, было бы совсем худо. В Вязьму прибыли после трех часов дня. Трофимов в своей пограничной одежде из-под брони даже не выглядывал. Сержант, расспросив первый же патруль, узнал место расположения НКВД. Город он не знал. Поэтому пришлось Трофимову подсказывать маршрут движения. Благо названия улиц в городе не менялось. Подъехав туда, обнаружили там нервную суету. Грузились машины, строились и куда-то уходили подразделения, металась посылыня. В общем, всем было не до неизвестного броневика. Сержант попытался уточнить у дежурного, где находится комиссар третьего ранга. Дежурный этого не знал. Сказал, что утром был в городе, проводил совещание, а потом уехал.

Сержант выказал желание вернуться в свое подразделение. На что Трофимов возразил, что задание еще не выполнено. Сержант предложил передать Трофимова тому же дежурному НКВД. Раз сотрудники НКВД его везли, пусть они и разбираются. Трофимову пришлось сделать важный вид и объяснить сержанту, что он настолько ценен, что даже не всем сотрудникам НКВД можно его показывать. Поэтому раз случилась такая неудача с доставкой такого ценного человека, как он, в Москву, значит, нужно вернуть его на место, откуда взяли.

Дело уже шло к вечеру, поэтому сержант согласился, и они поехали в лагерь. Приехали туда в сумерках, но – увьи! – лагерь был пуст. Сержант сильно расстроился, но Трофимов убедил его, что знает, куда все переместились.

Снова в дорогу! Проехали Семлево. На улицах многолюдно. Большинство военные, но много и беженцев. Далее, двигаясь в сторону Хватова Завода и проезжая Колодезное, увидели впереди взлетающие ракеты и очереди трассеров. Остановились, заглушили мотор. Впереди шел бой. Сержант предлагал либо объехать это место другим маршрутом, либо вернуться в Семлево, опасаясь неизвестности. Трофимов, чувствуя сердцем, что там сейчас его жена и друзья, настаивал двигаться на помощь. Вздыхнув, сержант согласился, сразу заняв место пулеметчика. Тронулись. Трофимов выпросил у сержанта наган. Никогда не держал и тем более не стрелял из него, но все когда-нибудь происходит в первый раз. Выслушал короткий инструктаж по правилам пользования наганом.

При подъезде к деревне Малое Жуково на берегу Кореи увидели в тусклом свете светомаскировочных фар стоящую на дороге колонну грузовиков. От колонны вышел боец, жестом приказывая остановиться. Остановились. Оказалось, это именно та колонна, которая шла из лагеря к порталу. В Жуково охранение колонны наткнулось на разведподразделение немцев, невесть как забравшееся в наш тыл. Они там расположились на ночлег, и тут неожиданно появилась советская колонна. Роты спешили и сейчас атакуют деревню. Немцы отбиваются. Подробности водитель, оставленный охранять машины, не знает.

– Вперед! – Трофимовым овладел азарт, плюс его пугала неизвестность с женой и друзьями.

– Я тут командир! – насутился сержант.

– Товарищ сержант! Перед вами старший лейтенант войск госбезопасности! И не важно, что мои документы погибли. Звания меня никто не лишал. Поэтому сейчас я тут командую.

Сержант хотел возразить, но в итоге махнул рукой и снова забрался на место пулеметчика.

– Вперед! – повторил команду Трофимов.

Прибытие броневедомобиля решило исход боя. Немцев все равно бы одолели, но потерь было бы больше.

Но! Ни жены, ни друзей здесь не оказалось. Когда начался бой, лейтенант Иванов машины поападанцев под охраной двух полуторок и взвода пограничников увел к порталу другой дорогой. Они пересекли поле, севернее вышли на дорогу и далее по маршруту Большое Петрово – Папоротное через Путьково двинулись на Хватов Завод. Роты, закончив бой, должны были следовать туда же.

Было взято пятнадцать пленных, в большей степени раненых. Пришлось их брать с собой. Предварительно, на всякий случай, связав и завязав глаза. Хотя была ночь, но на всякий случай.

Район д. Хватов Завод

Колонну на подступах к порталу остановил пост охраны. Оознавшись, продолжили движение. Слева от портала под деревьями в темноте угадывалась палатка, от которой к колонне подходили люди. Но Алексея интересовало другое, он увидел свой родной «Таракан» и двинулся к нему. Вроде меньше суток назад расстались с женой и друзьями, а кажется, это было так давно. Этот день вместил в себя так много событий! Уже подходя, в неясных бликах света он разглядел фигурку жены. Созорничал, зашел сзади и закрыл ее глаза ладонями. Но все испортил Саша Сараев.

– Леша! Ты тут откуда?

– Оттуда! – пришлось открыться Алексею, отвечая на поцелуй мгновенно повернувшейся жены. Его окружили друзья, радостно хлопая по плечам и спине.

– Кто это тут? Товарищ Трофимов? – неожиданно раздался голос. И после секундной паузы: – Объяснитесь, почему вы здесь?

Сзади от палатки подошел Воистинов и какой-то незнакомый военный, которого в темноте Алексей не разглядел.

– И вам добрый вечер, Филипп Васильевич! Даже хорошо, что вы подошли именно сейчас, меньше придется рассказывать.

И Трофимов пересказал сегодняшние приключения.

– Значит, Федор Ермолаевич погиб, – констатировал майор. И тут же, обернувшись, пояснил военному, стоявшему за его плечом: – Старший батальонный комиссар Ермолаев, заместитель начальника особого отдела Западного фронта. Комиссар поручал ему доставить товарища Трофимова в Москву. Но вот... так получилось.

Военный молча кивнул.

– Простите, я вас не представил. Вот, товарищ генерал-майор, это и есть те люди, назвавшиеся поападанцами. А это генерал-майор Ракутин Константин Иванович.

– О как! Товарищ комиссар не по-детски зажигает! Сразу как просек ситуацию, начал менять историю! – не выдержал и перешел на сленг начала XXI-го века Трофимов.

И тут же начал пояснять свои эмоции.

– Друзья! Разрешите вам представить легендарного человека! Командующий 24-й Армией Резервного фронта генерал-майор Ракутин. Армия штурмовала и брала Ельню. Первые гвардейские дивизии Красной, затем Советской Армии, – это его дивизии. Но не это вызвало мои такие бурные эмоции! Дело в том, что при прорыве в район Семлева остатков армии и штаба Константин Иванович в нашей истории героически погиб. И его могилу сумели отыскать только, кажется, в 2010 году. И вот теперь он здесь, а значит, будет жив.

– Вот как! – озадаченно произнес в ответ генерал.

– Вообще-то эту информацию я хотел сообщить позже, при знакомстве всех причастных к деталям нашего плана, – недовольно заметил Воистинов.

Но его замечание уже никто не слушал, попаданцы один за другим представлялись Ракутину, не забывая его поздравить. Тот, почему-то смущаясь, благодарил в ответ и пожимал руки.

– Так! Товарищи Трофимов, Гладкий, Богомолов и товарищ генерал! Прошу у всех остальных прощения, но нам нужно серьезно поговорить. Давайте отойдем в сторону.

Посвящение в план комиссара заняло минут пятнадцать. Этот план был составлен комиссаром на основе информации, которую дал ему Трофимов. Алексей просто, так сказать, по полочкам разложил, кто есть кто его друзья и их возможности на сегодняшний день, исходя из интересов сложившейся ситуации. Получив от друзей необходимые пояснения и уяснив тонкие моменты предстоящих шагов, майор в конце обратился уже к Трофимову, сильно расстроив его при этом:

– Ваши товарищи и ваша жена сейчас уедут, а нам, Алексей Федорович, придется остаться. Завтра с утра отвезу вас к комиссару. Пусть решает, что с вами дальше делать. А сейчас прощайтесь. Остальных я никого не задерживаю. Работаем по нашему плану.

И майор ушел в темноту, туда, где позвякивали лопаты, слышались негромкие голоса и иногда вспыхивали огоньки папирос.

Трофимов, снова расстроенный, вместе со всеми двинулся к своей машине, но его остановил Андрей.

– Алексей Федорович! Ты ж еще не в курсе, какой подвиг твоя жена совершила!

– А что случилось?

– Понимаешь, едем мы. Ночь! Ни хрена не видно из-за огромного капота твоего «Таракана». Противотуманки светят там, где-то внизу. Тут впереди стрельба. Остановились. Личный состав спешился. Мы тоже фары погасили, двигатель заглушили, а куда бежать, не знаем. И оружия нет! В этот момент я натурально почувствовал себя голым. Хотя б какой-нибудь «макаров» под рукой иметь, и то уже спокойнее было бы. Минут через пять Иванов подошел, объяснил ситуацию и дал команду выдвигаться полем на другую дорогу. А впереди стрельба уже в полный рост! Свернули, едем! Дозорная машина ушла метров на двести вперед. Едем по ее следу. И вдруг впереди прямо на колею стоят двое деток. И рядом кто-то лежит. Она останавливается, выскакивает из машины и бегом к этим детям. А повыше так, над полем, трассеры небо полосуют. Мы от деревни, где бой идет, ну может метров двести – триста. Я тоже за ней. Подбегаем, стоят мальчик и девочка. Годика по три-четыре, не больше. Смотрят на нас и пытаются женщину поднять. Лара хватает обоих детишек под мышки и бегом к машине. Я проверил женщину, жива, но без сознания. Поташил ее тоже к машине. Откуда они тут в поле, не пойму. Загрузились, я с детьми на коленках на переднем сиденье. Тут Сергей с Ольгой подбежали. Сергей и Лара вытащили аптечки. Инну мою и меня отправили к Сергею в машину, а Ольга с раненой женщиной сзади в твоей расположилась. Она ее бинтовать начала. У нее сквозное ранение предплечья.

Меня в этом поразило поведение твоей жены. Ни секунды сомнения! Остановилась и сразу бегом к детям. Я даже и понять не успел, чисто автоматически за ней побежал.

Так что твоя машина сейчас санитарной является. Как раз как ты подошел, мы решили опустить сиденья задние, наломать еловых веток, застелить тряпкой, которая у тебя сзади в багажнике постелена, и положить туда раненую.

Пока Андрей рассказывал, дошли до машины. Дверь багажника «Таракана» была поднята, и в нем при неяркой подсветке салона Алексей увидел лежащую женщину и суетящихся возле нее Ольгу и девушку-санитарку одной из рот. Трофимов поздоровался и спросил, где его жена.

– Она у нашей машины. С детьми, – ответив на приветствие, подсказала Ольга.

Действительно, у машины Богомолова, тихонько переговариваясь, стояли Лариса и Инна. Инна была без куртки, зябко охватив себя руками. Андрей тут же снял и накинул на ее плечи свою.

Трофимов чмокнул Инну в подставленную щеку и поцеловал жену.

– Что тут? – уточнил он, кивнув на виднеющиеся в салоне автомобиля детские головы.

– Да сами не знаем, то ли замерзли, то ли от страха трясутся. Инна, вон, куртку отдала, закутала их, а все равно дрожат. И молчат. Ты прости, нам нужно скорей уезжать, их мать крови много потеряла, нужно хирургу показать, да и холодно уже, салон машины остывает.

Они отошли поговорить. Через несколько минут к машинам подошли Воистинов, Ракутин, Иванов и незнакомый крепкий боец с вещмешком за плечами и чемоданом в руке.

– Я надеюсь, ты завтра приедешь к нам. В любом случае береги себя! Мы тебя все будем ждать, – заторопилась Лариса, целуя мужа.

– Так! Внимание! Сейчас едут все... сами знаете кто. Кроме Трофимова!

Тут майор обратился к Богомолову:

– С вами поедет товарищ генерал и его ординарец старшина.

И он указал на бойца с чемоданом.

– Надеюсь, найдете, где разместиться?

– Разберемся! – откликнулся Богомолов.

– Хорошо! Дальше по плану. Я решу вопрос с Трофимовым и вечером, не позже двадцати одного, буду здесь. Будьте так любезны забрать меня отсюда!

– Безусловно! Товарищ генерал-майор и товарищ старшина! Пистолеты спрячьте, кобуры снимите с ремней. Не будем усугублять, – включился в разговор Гладкий.

Через пять минут в глубине портала моргнули и пропали стопы идущего последним в короткой колонне «Урала» Саша Сараева. Трофимов тяжело вздохнул. За последние сутки он уже во второй раз прощался с женой перед шагом в неизвестность.

5 октября 1941 г.

Район д. Хватов Завод

Разбудили Трофимова на рассвете. Ночь он провел в небольшой палатке, где кроме него обитали Воистинов, Иванов и оба командира рот. Откровенно было тесновато. Предполагалось, что эта палатка будет на троих максимум, людей оказалось пятеро. Хорошо еще командиры рот поделили ночь пополам, контролируя несение караульной службы и строительство огневых точек и укрытий. Но Трофимов тесноты не заметил. Как и ночи, кажется, только закрыл глаза, и вот уже утро. Плеснув в лицо холодной водой из протекающего неподалеку ручья, поплелся к «эмке». У машины свежий и бодрый майор давал ценные указания остающемуся старшим на объекте Иванову. Алексей поздоровался и полез на заднее сиденье машины, в душе надеясь еще поспать, несмотря на дорожные условия.

Но! Выезд не состоялся! Буквально за минуту до отъезда к машине торопливо подошел командир роты охраны и доложил, что секрет, выставленный возле деревни, доложил, что в нее вошла колонна немецкой техники. Немцев было около роты. Но в составе группы было четыре бронетранспортера, три противотанковых пушки и две малокалиберные зенитки. Это кроме десятка мотоциклов с колясками, вооруженных ручными пулеметами.

Воистинов выругался. Цанова категорически запретил ему раскрывать местоположение портала. В бой вступать было нельзя. Да и исход его был непредсказуем. Численное превосходство двух рот пограничников с лихвой компенсировалось немецким преимуществом в вооружении. Трофимов и Воистинов сошлись во мнении, что оборона Резервного фронта рухнула окончательно и через открытую брешь в тыл советских войск хлынули мобильные разведподразделения противника. Что полностью совпадало с информацией, данной Трофимовым еще на первой беседе. Именно 5 октября немцы возьмут Юхнов и Знаменку.

Решили ждать, в надежде что немцев не заинтересует этот медвежий угол и они уйдут из деревни. Но, судя по результатам докладов наблюдателей, именно по этой причине немцы сюда рано утром и приехали. Потому что, заняв деревню и подготовив ее к обороне, выслали по дорогам из нее мотоциклистов. Их тоже вполне устраивал «медвежий угол».

Объехать деревню незаметно было невозможно. Оставалось надеяться, что информация о появлении немцев в деревне станет известна в Семлеве или Вязьме и там найдут силы и средства, чтобы освободить ее.

Г. Вязьма. Штаб войск охраны тыла Западного фронта

В это время комиссар, находясь в штабе войск охраны тыла, вместе с полковником Сухаревым принимал первые доклады командиров полков, занявших предписанные рубежи.

Командир 87-го полка докладывал, что полк занял оборону за противотанковым рвом, перекрыв дорогу Хмелита – Вязьма. Опираясь на приказ комиссара, командир полка подчинил себе полк 248-й стрелковой дивизии, совершавший марш на днепровский рубеж. Этот полк занял позицию на правом фланге, у деревни Семеновское, также за противотанковым рвом, прикрыв дорогу Хмелита – ст. Касня. Была установлена связь со штабом этой дивизии, ведущей бой северо-западнее.

Оборонительных сооружений за противотанковым рвом, кроме землянок бывших его строителей и недостроенных дзотов, не было. Полки окапывались. Ночью на рубеж прибыл и занял оборону за пехотными позициями, с возможностью борьбы в том числе и с танками, зенитный дивизион. Полоса обороны на данный момент составляет немногим более десяти километров.

В районы западнее и северо-восточнее Хмелиты отправлены разведгруппы, с целью поиска и отправки на оборонительный рубеж подразделений и частей советских войск, потерявших в ходе боев управление. Разведгруппой полка найден штаб 242-й стрелковой дивизии. Дивизия пробивается в район Хмелиты.

Из района деревни Крюково в семи километрах севернее Хмелиты на оборонительный рубеж выводятся остатки 143-й танковой бригады. Уцелевшие танки бригады, семь Т-34 и восемь Т-26, планируется использовать как оперативный резерв.

Устанавливается местоположение штаба и частей 140-й дивизии.

Шестнадцатый и запасный стрелковый полки заняли оборону на рубеже ст. Александрино – Торбеево – Высокое. Ширина обороняемого участка составила около пятнадцати километров. Между левым флангом позиции западнее д. Высокое и правым флангом оборонительной позиции севернее Семеновского существует неприкрытый участок шириной в семь километров.

На этот участок выводится стрелковый полк 220-й дивизии, проводивший погрузку в эшелоны на станции Касня и подчиненный себе командиром 16-го пограничного полка. Зенитный дивизион занимает позиции на правом фланге, перекрывая автомобильную и железную дорогу направления Сычевка – Вязьма.

Двести пятьдесят второй полк занял оборону двумя ротами в районе деревни Безымянное, перекрыв дорогу Знаменка – Вязьма. Там же занимает оборону одна батарея зенитного дивизиона. Одним батальоном прикрыл правый фланг позиции, заняв оборону на рубеже отм. 237,2 – д. Кузнецово – д. Давыдково. Одна рота заняла предместье железнодорожного моста через Угру у деревни Сенютино. За позициями батальона заняли оборону две батареи зенитчиков. Один батальон еще накануне выдвинулся к мосту через реку Угра около райцентра Знаменка и занял позицию на ее северном берегу. Мосты у Знаменки и Сенютина заминированы. Одна рота находится в резерве командира полка в д. Слобода.

Комендант станции отменил движение на Калугу. На станции Вязьма и перегонах к ней от Сычевки были остановлены эшелоны, перевозившие части 220-й дивизии. В сторону Калуги

успели уехать штаб дивизии, батальон связи, стрелковый полк и подразделения обеспечения. Еще один стрелковый полк остался в районе Сычевки. Цанова приказом подчинил себе артполк, зенитный и противотанковый дивизионы. И сейчас они направлялись в обратном направлении до станции Касня, где переходили в подчинение командира 16-го погранполка.

В окрестностях Вязьмы всю ночь активно разгружались поезда с топливом, продовольствием, боеприпасами. Сложней всего было с топливом. Под него использовали все свободные емкости. Их забирали со всех предприятий города.

Примерно в 11 часов поступило сообщение из Семлева. Вражеские разведподразделения были отмечены в районе Хватова Завода. Райцентр смог выделить сводную роту милиции и комендатуры. Штаб 32-й Армии, расположенный неподалеку, в деревне Беломир, выделил одну роту из батальона охраны штаба. Но по последним сведениям, в районе Хватова Завода находится усиленная рота с тяжелым вооружением, и комендант Семлева просит Вяземский гарнизон оказать помощь.

Решено было отправить на помощь милицейский батальон на автомашинах, усиленный двумя взводами броневедомостей и легких танков.

Комиссар не на шутку встревожился, не обнаружат ли немцы объект. Поэтому с батальоном с задачей уточнить ситуацию на месте отправился один из его подчиненных.

Район д. Хватов Завод

Часов в одиннадцать к порталу приехали семья Богомоловых с незнакомым человеком, которого они представили доктором, и Сараев. Ольга и доктор привезли кучу лекарств и перевязочного материала и вместе с санитарями сразу же занялись перевязкой и лечением, возможным в этих условиях. Надо сказать, лагерь у портала был разбит на две части, палатка с ранеными находилась на стороне XXI-го века. С этой же стороны было выставлено несколько секретов со строжайшим приказом: не стрелять ни в коем случае. Остальной личный состав находился со стороны 41-го года и сейчас занимал оборону. Ввиду появления поблизости немцев, на другую сторону к раненым перенесли и приготовление пищи. Вот тут очень выручил Саша Сараев. Он выпросил у команды поисковиков ротную кухню, которую те приобрели в 90-е годы по случаю, и использовали в многочисленных экспедициях по области и не только. Кроме того, все попаданцы скинулись, и он же на оптовой базе взял несколько мешков макарон, несколько ящиков тушенки, соль, сахар, майонез, сгущенки, кетчуп, чай. На хлебозаводе купили полторы сотни буханок хлеба. И сейчас Богомолов с Сараевым организовывали приготовление обеда, обучая ротных поваров пользованию кухни и незнакомых им приправ. Но личному составу в данный момент было не до обедов.

Воистинов через бинокль напряженно вглядывался в происходящее в окрестностях Хватова Завода. Еще утром, около десяти часов, на дороге со стороны Семлева вспыхнула стрельба, которая то затихала, то вновь оживлялась. Но надежды на скорое оставление деревни немцами не прибавляла. Потому как не приближалась. Видимо, силы, высланные из Семлева, были недостаточными, чтобы решить проблему. Однако через час загрохотало уже со стороны Юшкова. Немцы всерьез забеспокоились, на улицах деревни мелькали группы пехоты, автомашины с орудиями и броневики, спешащие на северную околицу. С места, откуда наблюдал за происходящим майор, была видна лишь часть картины боя, но он смог определить, что деревню атакует подразделение милиции при поддержке легких танков. Таким образом, для отхода у немцев оставалась лишь проселочная дорога на восток, в сторону железной дороги Вязьма – Брянск, проходящая в метрах двухстах севернее объекта. В подлеске, в сторону деревни и этой дороги, как раз занимали позиции основные силы двух рот особистов.

Подошел выспавшийся Трофимов, вытащил из футляра свой личный двенадцатикратный бинокль.

– М-да... Сорок первый год. Немцы в обороне сильны, как никто. Даже если наши их и заламают, то произойдет это не быстро. Если фрицы не надумают уйти сами. Товарищ майор! Может, нам помочь? Посмотрите, с тыла они удара не ожидают. С нашей стороны один пулемет дежурит и отделение пехоты.

– Нельзя! У меня приказ! Объект не раскрывать. Однако... Иванов! – окликнул он своего подчиненного и, когда тот приблизился, произнес: – Позови-ка мне старшего команды диверсантов!

Когда старший прибыл и доложил, спросил:

– Группа кроме личного оружия захватила что-нибудь с базы?

Старший помялся и нехотя сказал:

– Есть кое-что, товарищ майор. Мы ж не знали, куда и с какой задачей нас отправят.

– Мины, взрывчатка есть?

– Немного есть.

– Тогда пока там бой идет, заминируйте вот эту дорогу. Другой дороги для немцев тут для отступления нет.

– Есть только три противотанковых.

– Вот их и поставьте. Немцы точно не пешком побегут.

– Если противопехотки есть, ставьте на обочинах неподалеку от противотанковых. Пехота будет или спешиваться, или обходить подбитую технику, нарвется, – вставил фразу Трофимов.

Старший окинул его взглядом, который Трофимов не понял, то ли заинтересовался, то ли «твоих советов не хватало». Вообще вся их группа держалась особняком. Трофимов даже не знал их звания.

А уж командир был самым нелюдимым из них.

– Слушаюсь! – козырнул он майору и отправился организовывать мероприятие.

– Товарищ майор! Сегодня ведь пятое октября.

– Да, я не забыл.

– Я тоже. И еще я помню, что завтра, шестого октября, под Знаменкой погибнет Первая экспериментальная батарея реактивных минометов капитана Флерова. И он погибнет тоже.

– И ты предлагаешь...

– Ну, а чего парни без дела сидят? И развеются, и хороших людей спасут.

– Ладно! Обсудим.

Райцентр Семлево

В полдень Цанава отправился в Семлево. В череде событий, решений и поступков комиссара в последние сутки эта поездка была весьма значимой.

Перед отъездом пришло сообщение из 252-го полка. Батальон, обороняющий предместье на северном берегу Угры, завязал перестрелку с немецкими мотоциклистами, занявшими Знаменку.

Примерно в 16 часов на Старой Смоленской дороге у Семлева со стороны Дорогобужа появилась автоколонна. Перед въездом в райцентр она была остановлена постом бойцов НКВД. Старший поста подошел к машине, которую ему указали как автомашину командира дивизии.

– Комбриг Заикин? – уточнил он, глядя на командира в салоне и, получив подтверждение, в свою очередь представился. – Вас ожидает начальник особого отдела Западного фронта комиссар третьего ранга Цанава. Мне поручено проводить вас, – продолжил он.

Заикин приказал ординарцу уступить место лейтенанту, и машина тронулась.

– Товарищ комиссар третьего ранга! Комбриг... – начал доклад и прервал его по знаку Цанавы комбриг, войдя в помещение, где его ожидал комиссар.

– Здравствуйте, Иван Васильевич! Присаживайтесь. Закурите? – комиссар пододвинул открытую пачку папирос.

– Спасибо, у меня свои, – полез комбриг в карман.

Закурили. Комбриг ждал объяснения возникшей ситуации. А Цанава молча и внимательно смотрел на Заикина. Повисла неловкая пауза.

– Иван Васильевич, – прервал молчание комиссар, гася окурки в пепельнице, – мне известно, что вы получили приказ на переброску дивизии в район Юхнова.

Комбриг пожал плечами. Особой тайны в пункте назначения он не видел, но и подтверждать ему не хотелось из-за нежелания поддакивать человеку из организации, которую многие недолюбливали и боялись.

– Так вот! – продолжил Цанава. – Юхнов уже взят немцами. Более того, за мост через Угру у Знаменки в полдень начался бой. Мост нами заминирован, и когда возникнет угроза его захвата, будет взорван. Таким образом, задачу вы выполнить не можете.

– Как вариант, можно пробиться в Юхнов через Темкино, – ответил Заикин.

– Смысл? Вы колонной выйдете на подготовленные боевые позиции немцев и погубите дивизию.

– У меня приказ! Я обязан его выполнить.

– Приказ опоздал. Как минимум на сутки.

– И тем не менее!

– Этот разговор я затеял не для того, чтобы поколебать вашу веру в уставы. Более того, я очень рассчитываю как минимум на то, что вы как раз и будете их исполнять. Это к тому, что вот мой письменный приказ о переподчинении вашей дивизии и отмене предыдущего приказа как не соответствующего складывающейся обстановке. Что вы должны делать в данной ситуации, вам известно из устава. Но я хочу большего! Я хочу, чтобы вы далее действовали не по принуждению и букве устава, а по убеждению в необходимости действовать именно так, а не иначе. Смотрите! – И Цанава разложил на столе карту. Следующие десять минут он вводил комдива в курс оперативной обстановки на 5 октября.

– Поэтому в приказе вашей дивизии указан рубеж обороны Бариново – станция Жижала – деревня Новиково – Верхнее Болваново – Красиное. Ожидаемое время подхода передовых подразделений противника – первая половина завтрашнего дня. Поэтому вам нужно поторопиться. Там со вчерашнего дня занял оборону зенитный дивизион. Мы выделяем вашей дивизии для перевозки частей дополнительно автобат. Ну, и вы свои средства задействуете. Когда придете, установите связь с командармом-16 генералом Рокоссовским.

Прощались они уже вполне на дружелюбной ноте. Но приказ комиссара комбриг убрал в командирскую сумку.

Уже глядя через окно движущейся в Вязьму машины на опускающиеся на осенние переделки Смоленщины сумерки, Цанава с удовлетворением отметил, что сделал максимум из того, что мог. Только что он обеспечил прикрытие города со стороны Темкино полноценной дивизией в пятнадцать тысяч бойцов. И пусть сейчас вечером там будет только один стрелковый полк с противотанковым дивизионом, есть надежда, что в течение ночи общими усилиями они смогут перебросить из Дорогобужа всю дивизию.

А у него осталось еще одно важное дело – встреча с Рокоссовским.

Район д. Хватов Завод

Немцы начали отступать из Хватова Завода около пятнадцати часов. Именно в это время случилось ожидаемое Трофимовым. На объект через портал прибыли Ракутин, Гладкий и Дегтярев. Полковник ФСО Дегтярев. Однокашник по училищу Трофимова и Гладкого, продолжавший еще служить. А значит, план, вчерне придуманный совместно с Цанавой в части действий в XXI-м веке, начал претворяться в жизнь.

Дмитрий был одет в гражданку. И совсем не для полевого выхода. Он, видите ли, по поручению заместителя директора ФСО прибыл проверить фантастическую информацию. А попал на войну. Трофимов успел познакомиться его с майором Воистиновым, когда на проселок из деревни выскочил десяток мотоциклистов. Все залегли, Дегтярев, увидев в бинокль немцев, так же безропотно выполнил команду «Ложись!», забыв про одежду. Человек, сопровождавший Дегтярева и снимавший все подряд, поднял камеру на вытянутой руке и продолжил процесс съемки лежа. Следом за мотоциклистами выкатились грузовики с прицепленными пушками и зенитками. Прикрывали отход броневика. Мотоциклисты беспрепятственно проехали по дороге напротив позиций рот, охранявших объект. Первым подорвался грузовик, набитый пехотой. Взрывом противотанковой мины разворотило кабину, убив водителя и пассажира, осколками посеколо тент. Пехота выпрыгивала через задний борт, разбегаясь по сторонам. Захлопали взрывы противопехотных мин, сопровождающиеся криками боли. Вторая машина обогнула подорванную, перевалила через кювет, стараясь объезжать раненых, которых оттаскивали с дороги уцелевшие. Где-то впереди, там, куда уехали мотоциклисты, загрохотали очереди нескольких пулеметов и разрывы гранат.

– А молодец старший! И задачу выполнил, и засаду устроил, и объект не раскрыл! – восхитился Трофимов.

Воистинов не ответил, напряженно наблюдая за дорогой. Второй грузовик подорвался метров через пятьдесят. Повторилось в точности все происшедшее с первой машиной.

Со связью у немцев всегда было неплохо. Поняв, что враг и впереди, три броневика устремились в голову колонны. Обогнув по полю горящие машины и вставшую колонну, они вынуждены были вновь выйти на проселок, дорогу пересекал овраг. Броневик, шедший первым, подорвался уже на подъеме из оврага и перегородил путь. В этот момент на поле, севернее дороги, выкатились три пушечных броневых автомобиля и четыре танка. За ними виднелась цепь пехоты в темных шинелях. И со стороны деревни появилась пехота в разномастной форме. Немцы кинулись занимать оборону вдоль леса, собираясь сражаться. Расчеты принялись отцеплять пушки и зенитные автоматы.

Трофимов выжидающе посмотрел на майора. Наверняка в душе того сейчас шла борьба между требованием приказа и пониманием того, что если сейчас не вмешаться, нашим придется заплатить в этом безвестном бою у никому не известной деревушки дополнительно жизнями десятков человек. Но внешне этого заметно не было, и Трофимов тревожился за то, что произойдет сейчас. Потому что готовился крикнуть «Огонь!», прекрасно понимая, что именно этой команды ждут полторы сотни бойцов, сжимающих в руках оружие и уже нашедших в прицелах свои цели. И он бы отдал эту команду, наплевав на все последствия, но это сделал сам майор. И в ту же секунду безмолвный лес ударил в спину врага сотнями пуль. Бой закончился буквально через десяток секунд. Последними погибли экипажи немецких бронетранспортеров, расстрелянные бронегруппой.

– Иванов! Ко мне! – И, указав на попаданцев: – Срочно! Их на ту сторону! Ни их, ни портал, из чужих никто не должен видеть! Я пойду на дорогу. Мне нужно остановить эти подразделения и отправить их отсюда. Всем! Никого не допускать к объекту! Вплоть до применения оружия! – прокричал он, поднявшись и направляясь к дороге.

Минское шоссе. Западнее г. Вязьма

Генерал Рокоссовский был мрачен. Колонна его штаба со штабной артбатареей двигалась по Минскому шоссе в Вязьму. Война шла четвертый месяц, и четвертый раз его судьба делала крутой поворот. В июне он во главе 9-го мехкорпуса, который по сути таковым был лишь на бумаге, сражался с немцами на Украине в составе Юго-Западного фронта. За эти бои был награжден четвертым орденом Красного Знамени. В июле в экстренном порядке, вместо озвученного назначения командармом-4, вынужден был возглавить оперативную группу войск

под Ярцевым и удерживать фронт. Только эту «оперативную группу» он должен был собрать сам из числа разбитых и отступающих войск. И он не оплошал. В августе войска его группы были реорганизованы в 16-ю армию. Он получил звание генерал-лейтенанта.

И вот начало октября, немцы начали очередную и ожидаемую наступательную операцию. И снова его срывают с места и бросают в неизвестность.

«Командармам-16 и 20. Рокоссовскому и Ершакову.

Командарму-16 Рокоссовскому немедленно приказываю участок 16-й Армии с войсками передать командарму-20 Ершакову. Самому с управлением армией и необходимыми средствами связи прибыть форсированным маршем не позднее утра 06.10 в Вязьму.

В состав 16-й Армии будут включены в районе Вязьмы 50 сд (19А), 73 сд (20А), 112 сд (16А), 38 сд (16А), 229 сд (20А), 147 тбр (резерв ЗФ), дивизион РС, полк ПТО и полк АРГК. Задача армии – задержать наступление противника на Вязьму, наступающего с юга из района Спас-Деменска, и не пропустить его севернее рубежа Путьково – Крутые – Дрожжино, имея в виду – созданной группировкой (т. е. 16-й Армией) в дальнейшем перейти в наступление в направлении Юхнов.

Получение исполнение донести. Конев, Булганин, Соколовский. 04.10.41».

Он передал войска своей армии командарму-20 Ершакову и убыл к новому месту назначения. Приказ, полученный им, был настолько обтекаем и не определен, что мог значить все, что угодно. Из него ясно было лишь две вещи: место – город Вязьма, и состав его новой 16-й Армии. Предполагаемый состав. Потому что на месте, в Вязьме, этих дивизий еще не было. Походные колонны этих дивизий только сегодня начнут трехдневный марш к месту назначения. Две дивизии из состава его бывшей армии. Приказ на марш комдивам он отдавал сам. Но это не меняет расстояния, которое им нужно преодолеть. Приказ не давал никаких сведений о противнике. И это означало одно – информацией о том, что происходит у соседа слева, штаб фронта в полной мере не обладает, но по косвенным признакам опасается худшего и спешно пытается прикрыть ключевую позицию в своем тылу. И если это по каким-то причинам не удастся, и враг возьмет Вязьму, когда армии фронта еще дерутся значительно западнее города, их участь будет предрешена. И ответственным за эту катастрофу может быть назначен он.

Г. Вязьма. Штаб 16-й Армии

На повороте с Минского шоссе в Вязьму в районе Юрково колонну остановил моторизованный патруль, который ожидал именно его штаб. Патруль сопровождал колонну к новому месту расположения штаба. Оказывается, комендант города уже подобрал подходящее место его дислокации и оборудовал в пределах своих возможностей. И, главное, к нему уже были протянуты линии связи. Это сильно обрадовало его начальника связи армии. И лишь немного улучшило настроение командарма. Буквально через минуту, докладом о том, что в этом штабе его дожидается начальник особого отдела фронта Цанава, его испортило еще сильнее. У него не было личной предубежденности относительно комиссара госбезопасности, но в целом к его ведомству братских чувств он не испытывал. Это мягко говоря. Более двух лет, проведенных им в стенах этого ведомства, избавляли от остатков любви к человечеству вообще и к людям в форме НКВД в частности. Но вариантов избежать встречи с руководителем этой организации он не имел. Поэтому вздохнул и пошел в штаб, в душе предполагая, что его будут в очередной раз призывать к любви к Родине и верности идеалам марксизма-ленинизма, подкрепляя аргументы всевозможными карами.

Цанава встретил его, сидя во главе большого стола, за которым, наверно, до войны проводились совещания в организации, здание которой стало теперь штабом. На столе была расстелена карта и дымилась окурками пепельница.

В дверях Рокоссовский вскинул руку к козырьку, но комиссар оборвал доклад взмахом руки.

– Здравствуйте, товарищ Рокоссовский! Присаживайтесь. Нам нужно с вами серьезно поговорить.

«Началось!» – с тоской подумал генерал, здороваясь в ответ и направляясь к одному из стульев за столом.

– Что-то вы не в духе. Наверно, переживаете, опять командование в какое-то дерьмо сует. Ничего неизвестно, где наши, где немцы? Все войско – это то, что с вами. А спрашивать будут, как и положено, с армии. А тут еще особист мораль читать собрался. Не так ли?

Рокоссовский промолчал. Возражать и убеждать в обратном не хотелось, а соглашаться было неудобно.

– И все же придется. Придется мне вам напомнить, что для вас лично и для судьбы фронта значит этот город. Товарищ Конев – молодой комфронта. Не смог отстоять свое мнение и противостоять давлению Генштаба. Не все у нас генералы, как Жуков. Почти нет таких. По крайней мере, мне на данный период они неизвестны. Поэтому ошибся комфронта Конев с распределением своих сил. И когда понял, что его фронт ожидает разгром, он сделал единственное, что мог сделать в этой ситуации. Он снял с фронта своего лучшего командарма и отправил его оборонять позицию, которая может спасти фронт. Вот такое вам доверие, Константин Константинович. Судьба фронта в ваших руках. И командованию важно, чтобы вы сражались за Вязьму, как за Москву. Потому что если армии Западного фронта погибнут здесь, дальше к Москве войск нет. Поэтому в вашем сердце не должно быть малодушия.

Рокоссовский встал.

– Я сделаю все, что в моих силах.

– Верю! И со своей стороны окажу, пусть и небольшую в масштабах этой битвы, помощь. Смотрите!

Комиссар встал и, взяв карандаш, наклонился над картой.

– Противник сегодня взял Юхнов. Его разведка отметилась в Знаменке. Завтра 10-я танковая дивизия начнет марш от Юхнова через Темкино на Вязьму. Далее, немцы еще третьего октября захватили переправы в верховьях Днепра. И опять же завтра из района северо-западнее Хмелиты двинется на Вязьму 7-я танковая дивизия. Севернее ее на Сычевку двигается 6-я танковая. 8 октября будет атакован и, скорей всего, захвачен Гжатск.

Что у нас? Вот здесь, западнее Жижала, развертывается 29-я стрелковая дивизия. Бывшая дивизия народного ополчения Бауманского района Москвы. Не надо морщиться, Константин Константинович! Понятно – боевого опыта у дивизии нет. Но сформирована она еще в июле – так что, можно сказать, боевое слаживание, пусть и не на фронте, прошла. И еще хочу заметить – это единственная, наверное, дивизия у тебя будет штатом в пятнадцать тысяч! В дивизии даже танковый батальон имеется. Правда, танки – Т-40, но против пехоты сойдут. В усиление ей передан зенитный дивизион. Далее, мост через Угру у Знаменки и железнодорожный пока удерживаются силами пограничного полка охраны тыла, основные позиции которого расположены вот здесь.

Между Хмелитой и Ломами за противотанковым рвом заняли оборону 87-й полк охраны тыла, полк 248-й дивизии, остатки 143-й танковой бригады и зенитный дивизион. Весь день командир погранполка активно подчинял и стягивал все силы, части и подразделения, обнаруженные им в этом районе. Ожидается подход частей 242-й, 140-й, 248-й дивизий.

Восточнее, на рубеже станция Александрино – Высокое оборону занимают 16-й погранполк, части 220-й дивизии, 203-й запасный полк, зенитный дивизион. Ожидается выход на этот рубеж остатков 18-й дивизии.

Завтра, как вам известно, в город придут два полка 50-й дивизии и 700-й противотанковый дивизион. Штаб фронта выделил для их доставки автобат.

Далее, что касается гарнизона города, вам доложит комендант Вязьмы генерал-майор Никитин.

У меня будет просьба к вам, я подчинил части своим приказом. Практически самовольно. Полномочий от комфронта у меня на это не было. У вас же есть приказ оборонять район Вязьмы, и на основании этого приказа вы можете подчинить их себе достаточно законно. Будьте так добры, продублируйте мой приказ.

Ну, вот вроде и все! Я сделал все, что смог и успел. Теперь все в ваших руках. Я сейчас уезжаю в Москву и приложу все силы, чтобы командарм-16 генерал-лейтенант Рокоссовский Константин Константинович возглавил все войска, которые сумеют отойти в район Вязьмы уже согласно приказу из Москвы. Я верю в вас! И... не подведите меня.

Все это Рокоссовский слушал с нарастающим чувством удивления. Он не вдумывался в информацию, которую давал Цанава, улавливая лишь основное. На его глазах рушился шаблон такого генерала-энкавэдэшника, обуянного страстью поиска врагов народа. Он автоматически пожал протянутую на прощание руку комиссара, все еще находясь под впечатлением разрушенного стереотипа. Уже в дверях Цанава, обернувшись, добил его фразой:

– Да! Совсем забыл! Седьмого октября выпадет первый снег. Значит, в ближайшее время маневренные возможности немцев очень сильно сократятся. Имейте это в виду!

И ушел, хлопнув обитой дерматином дверью.

Из штаба Рокоссовского он заехал в областное управление НКВД. Там его ждало требование наркома немедленно позвонить ему в любое время суток. Разговор состоялся короткий. Берия передал сообщение Цанавы на самый верх. Однако ввиду невероятности информации, он ее передал только после проверки через другие источники. И только после этого доложил Верховному. Тот тоже поставил ее под сомнение, и ее снова проверяли. Уже через Генштаб. Сейчас принимаются в срочном порядке все возможные меры. Группа особого отдела фронта в Москву не прибыла. Поэтому Цанаве надлежит прибыть в наркомат не позднее утра 6 октября.

Выходя из здания и садясь в машину, комиссар испытывал досаду. Потеряли целый день! Хотя ему было понятно, по-другому и быть не могло. Все в рамках требований. Развединформация такого характера обязательно проверяется и должна подтверждаться из других источников. Еще грызли сомнения, куда пропала его группа? Главное, что с Источником? Утешало то, что в его машине лежали материалы, собранные в будущем. Это тоже было бесценной информацией.

Район д. Хватов Завод

На дороге все обошлось. Первым, кто подошел к Воистинову, выпрыгнув из броневика, был один из заместителей Цанавы. Обменявшись информацией и удостоверившись, что объекту ничего не угрожает, он приказал отвести подразделения, штурмовавшие деревню, в поле. Впрочем, не всех. Часть людей из батальона милиции собрали все трофеи, загрузив в целевшие машины, и, по убедительной просьбе Воистинова, заодно вывезли убитых немцев подальше от места боя. Нюхать разлагающиеся трупы всю осень, а потом, возможно, и весну, майор не хотел. А он был уверен, что по крайней мере ближайшие месяцы его судьба будет связана с этим местом.

От поездки в Вязьму пришлось отказаться, полковник Дегтярев настаивал на необходимости встречи как минимум со своим руководством Воистинова и Ракутина, справедливо указывая на возможность установления личности не только генерала, но и Воистинова с помощью архивов НКВД – КГБ и почерковедческой экспертизы. И, соответственно, доказательство того, что все происходящее не бутафория. Майор приказал лейтенанту Иванову, когда здесь все утихнет, обеспечить доставку Трофимова в Вязьму и передать его комиссару. Если этого сделать будет невозможно, вернуться на объект.

В сумерках в район Знаменки отправилась группа разведчиков-диверсантов. Перед выходом старший группы поинтересовался у Трофимова, как выглядят эти самые «катюши». Трофимов дал пояснения.

Г. Вязьма. Штаб 16-й Армии

В этот вечер Рокоссовский успел провести совещание со всеми командирами частей Вяземского гарнизона. Присутствовал даже командир 43-й смешанной авиадивизии генерал-майор Захаров. Дивизия числилась только на бумаге, все полтора десятка разнотипных истребителей и бомбардировщиков, ранее базировавшихся на разных аэродромах, были собраны под Вязьмой, на аэродроме «Двоевка».

В городе и окрестностях находилось четыре постоянных склада боеприпасов и множество временных, куда выгружались прибывающие эшелоны. Имелись запасы топлива, продовольствия, медикаментов, и они увеличивались с каждым часом. Рокоссовский дополнил приказ прекратить отправку эшелонов с грузами кроме Брянска и Калуги также на Сычевку и Ярцево.

Поздним вечером обзвонил группы войск, занимающие оборону на дальних подступах к городу. Пограничники, контролирующие большак Знаменка – Вязьма и мосты через Угру, доложили, что противник присутствует на южном берегу реки только моторизованной разведкой. Серьезных попыток захватить мосты не предпринимает. Собрано около трех тысяч бойцов и командиров, из состава выходящих из окружений частей Резервного фронта. Из них формируется стрелковый полк. Требуются боеприпасы для обеспечения этого полка. В город автотранспортом полка отправлены раненые из числа окруженцев.

Комбриг Заикин доложил, что дивизия оборону на рубеже реки Жижала занимает. На позициях находится уже два стрелковых полка, противотанковый дивизион, два зенитных дивизиона. Части окапываются.

Рокоссовский для снабжения указал ему ближайший склад боеприпасов в Пыжовке, до которого от позиций дивизии было около двадцати километров.

На большаке Холм – Жирковский – Вязьма, юго-восточнее Хмелиты продолжали укреплять оборону 87-й погранполк, остатки 143-й танковой бригады, полк 248-й дивизии. В течение дня на позиции вышли остатки полков 248-й дивизии. Пограничниками задержано множество бойцов-одиночек и мелких подразделений, идущих в тыл, общим количеством около двух тысяч человек. Все они направлены на пополнение частей 248-й дивизии. Расстреляно восемь паникеров и агентов врага, засланных под видом отступающих бойцов в тыл Красной Армии. Установлена связь с 242-й дивизией 30-й Армии.

На северном направлении продолжают укреплять позиции запасной полк, пограничники и части 220-й дивизии. По докладу командира пограничного полка, вечером на рубеж начали выходить подразделения 18-й стрелковой дивизии. Этот участок Рокоссовский считал наиболее уязвимым. Тот был самым протяженным, и оборона не опиралась на инженерные заграждения Ржевско-Вяземской оборонительной линии, проходившей западнее и севернее позиции. Но в данный момент усилить его было нечем. Радовало, что командир пограничного полка остановил несколько эшелонов на перегоне Новодугино – Касня и подчинил себе несколько подразделений разных частей Резервного фронта, следовавших на юг. Таким образом увеличив численность группировки почти на две тысячи человек. Им также требовались боеприпасы.

Для доставки боеприпасов Рокоссовский задействовал автомашины городского гарнизона и зенитчиков.

Он с надеждой ждал утра. Два полка и дивизион противотанкистов ему были нужны как воздух. Но еще важнее ему нужны были автомашины автобата. Нужно было максимально ускорить доставку частей из-под Ярцева. У него еще оставалось одно абсолютно неприкрытое направление. Это северо-восток – на Гжатск.

Кстати, Гжатск!

Он вспомнил слова комиссара и решил максимально использовать эту информацию.

Был у него в штабе один майор. Числился штабным, но должностью тяготился. А вот когда Рокоссовский и его штаб летом формировали под Ярцевым сводную группу, этот майор показал себя умелым командиром, способным сплотить людей, повести их и выполнить задачу, проявляя при этом разумную инициативу и не боясь взять на себя ответственность. Рокоссовский оценил эти качества и представил майора к ордену Красного Знамени. Майор награду получил и просился из штаба в боевые части. Но Рокоссовский тогда почему-то его не отпустил. Как чувствовал, что он ему понадобится.

Когда вызванный майор прибыл, Рокоссовский оглядел его и сказал:

– Наступил момент, когда пришло твое время, майор. Смотри! – он указал карандашом на карте точку. – Это Гжатск! По развединформации, восьмого октября к городу подойдет дивизия СС «Райх». Удержать город у нас сил нет. Но и сдавать без боя нельзя. Противник подойдет к городу с юга, с Юхновского большака. Твоя задача! Прибыть в город, на основании моего приказа возглавить его оборону. Приказ сейчас будет готов. Подготовить позиции для обороны города с юга. Разрешаю с завтрашнего дня останавливать все поезда, идущие на запад, и использовать все ресурсы, которые они будут перевозить. Действовать будешь самостоятельно. Когда возможности обороны иссякнут, отводи войска на Можайский или Волоколамский рубеж. По срокам задачу не ставлю, не знаю, что за силы и средства у тебя будут. Сколько сможешь, столько и держись! Каждый час, выигранный тобой, увеличивает шансы и у нас здесь под Вязьмой, и у войск под Москвой, которые, я уверен, сейчас начнут собираться на Можайском рубеже.

Уже поздно вечером, перебирая в памяти, что он сделал и не забыл ли чего, он вспомнил один существенный момент.

Поднял трубку и попросил телефонистку соединить его с первым секретарем обкома партии, на что телефонистка ответила, что обком эвакуировался в Можайск несколько часов назад. Положив трубку, тяжело вздохнул – вот теперь уж точно он один будет за все в ответе.

Вечером этого же дня в Вязьму приехал Трофимов в сопровождении лейтенанта ГБ Иванова. Дежурный по управлению НКВД сообщил им, что комиссар убыл или в Москву, или в штаб фронта. Штаб Западного фронта находится севернее Гжатска, но по информации, имеющейся у него, в ближайшие сутки или даже часы он переместится в район Можайска.

Задание оказалось невыполненным. Иванов и Трофимов вернулись к порталу.

5 октября 2016 г.

Район Вязьмы

В «Таракане» Трофимовых кроме Ларисы разместились Инна и Ольга. Ольга села сзади, чтобы быть поближе к раненой. Между ней и раненой женщиной посадили детей. Пока стояли у портала, успели их немного покормить тем, что оставалось еще у самих попавших. Дети, почти сразу как тронулись, заснули. Их накрыли курткой. В машине Богомолова разместились Гладкий и Ракутин. Старшина ординарец сел в «Урал» к Саше Сараеву.

Колонна прошла портал, и во всех трех машинах зазвучали на все лады падающими эсэм-эсками мобильники. Несмотря на глубокую ночь, минутой позже пошли звонки от абонентов, получивших сообщение о появлении их в сети. Лариса, находясь за рулем машины, ответила только дочерям, после чего выключила телефон. Ольга и Инна не были стеснены подобными обстоятельствами, поэтому могли позволить себе более содержательные беседы, уходя от объяснения причин своего исчезновения. Андрей Гладкий заранее предупредил об этом всех коллег-попавших.

Минут через пятнадцать в себя пришла раненая. Ольга поинтересовалась ее состоянием и представила присутствующих в машине. Незнакомка назвалась Верой и негромко поблагодарила женщин, сердцем чувствуя, что они ей и ее детям свои. И ей не нужно бояться за себя и, главное, за детей, которые спали рядом с ней, заботливо накрытые пятнистыми куртками.

Машина ярким светом фар пронзала черную осеннюю ночь, глотая колесами километры незнакомой асфальтовой дороги, а внутри было тепло и негромко играла незнакомая музыка. И кошмар, который случился буквально пару часов назад, стал казаться далеким и совсем не из ее жизни. Они остановились на ночлег у одинокой старушки на окраине деревни, через которую она с детьми шла в Вязьму в надежде сесть на любой поезд и уехать подальше на восток от грохота догоняющего их фронта. От Москвы до Горького путь ей казался уже не таким страшным и сложным. Кошмар случился, когда на пороге дома внезапно появился солдат в шинели мышинного цвета с незнакомым автоматом в руках, и лающим немецким языком приказал всем выйти на улицу. А там уже всю хозяйничали солдаты в такой же форме. Кто-то тащил кур, где-то визжала свинья, надрывалась лаем чья-то собака, замолчавшая после хлопка выстрела. Вера, схватив детей за руки и выйдя из дома, сразу же бросилась за сараи и спряталась в высокой, давно не кошенной, сухой траве. Дальше было поле, где спрятаться или незаметно перебежать днем было просто невозможно. Если бы их начали искать, нашли бы непременно. Вера рассчитывала в траве дожидаться темноты и уйти из деревни. Но им не повезло. Недалеко от места, где они спрятались, немцы начали готовить огневую позицию. Было холодно, верхняя одежда осталась в избе. Хотя та и не была зимней, и даже осенней ее можно было назвать с натяжкой, но сейчас и она, и дети оказались практически раздетыми. Она прижала детей к себе, стараясь их согреть, и шепотом уговаривала их молчать и не выдать себя. Ночь бы они не выдержали и или замерзли бы, или погибли бы, пытаясь выбраться из сухостоя, предательски трещающего при любом движении. Но через некоторое время после наступления темноты, когда, казалось, они окончательно замерзли и силы покидали их, на дороге со стороны Семлева показались фары многочисленной автоколонны. Еще через минуты немцам стало откровенно не до шорохов за спиной. Начался бой. И Вера решила, что это их единственный шанс. Все же опасаясь, она с детьми практически ползком, с трудом двигая замерзшими и затекшими от многочасовой неподвижности руками и ногами, выбралась из травы и двинулась в поле, подальше от немцев и от разгорающегося боя, расплосовавшего темное небо пулеметными трассами. Уже отойдя, как ей казалось, на приличное расстояние, она осмелела и поднялась во весь рост, таща детей за руки. Они еще отбежали на некоторое расстояние, когда в небе вспыхнула осветительная ракета, и секундами позже что-то рвануло ее левую руку, и она, еще не отошедшая от длительного сидения в неподвижности и на холоде, не удержалась на ногах и упала. И это спасло ее жизнь. Уже падая, она почувствовала и услышала свист пролетающих над ними пуль. Еще не понимая, что с ней случилось, она возблагодарила Бога за то, что ее дети слишком малы и стрелок целился только в нее, видя в мерцающем свете падающей ракеты лишь силуэт взрослого человека. Секундами позже, на уже ее лежащую, накатила боль в левой руке, и одновременно она почувствовала, как по той потекло что-то теплое и закапало на землю. Она поняла, что случилось, но прежде чем осмотреть себя, окликнула детей и ощутила их, удостоверившись, что их не зацепило.

Зажав свободной рукой рану на левом предплечье, она, уже не имея возможности тащить детей за руки, голосом погнала их дальше от деревни.

Где-то впереди поперек направления их движения, слева от дороги, по которой пришла колонна, двигалось несколько машин. Вера понимала, что раз кто-то вступил в бой с немцами, это свои. И это спасение ее и детей. Главное – детей. Поэтому она не остановилась даже для того, чтобы какими-то лоскутами одежды перетянуть рану. Они бежали по полю, и она молила всех богов дать ей возможность добежать и не упасть. И одновременно срывающимся от бега голосом говорила детям, чтобы они бежали к этим машинам, даже если она упадет. И ни в коем случае не останавливались.

Они не успели. Последний из трех грузовиков прошел, когда им оставалось метров пятьдесят. Вера пыталась кричать, но силы уже покидали ее. Бойцы, силуэты которых она видела в кузовах, ее не увидели и не услышали.

От отчаяния она заплакала, когда увидела, что вслед этим грузовикам едут еще машины. Собрав остатки сил, уже на одной воле она добежала с детьми до колеи прошедшей колонны, и тут сознание покинуло ее.

Придя сейчас в себя и поняв, что ее рана кем-то заботливо и умело перевязана, дети спят рядом с ней, осознав, что они вместе в этой странной машине, в которой так уютно, тепло и мягко, слыша незнакомую музыку, в компании незнакомых, странно выглядевших, но говорящих по-русски женщин, от которых просто осязаемо текут потоки любви, заботы и участия к ней и ее детям, она успокоилась, вспоминая все происшедшее с ней страшным кошмаром, и уснула теперь уже спокойным сном. Почти как дома.

Перед тем как разъехаться по домам и квартирам, заскочили в ночной мини-маркет. Гости из прошлого, став в свою очередь попаданцами, остались сидеть в машинах на стоянке, продолжая, как и в дороге, рассматривать новый для них мир через стекла машин. После магазина договорились о своих действиях на завтрашний день. Кроме этого Ольга уговорила приехать в дом к Трофимовым своего коллегу-хирурга, который осмотрел раненую женщину. После чего высказал все, что он думает о своих некоторых товарищах по работе и всех присутствующих, при этом, как настоящий интеллигент в присутствии дам, сумев обойтись вполне литературными аналогами загибов на великом и могучем. По поводу состояния раненой высказался о необходимости переливания крови и вообще с обязанностью поставить компетентные органы в известность из-за огнестрельного ранения. Успокоил его лишь Андрей Гладкий, предъявив доктору удостоверение и заверив, что утром все разрешится, в том числе и вопрос с раненой. Доктор еще поворчал и пообещал завтра же, если товарищ полковник решит вопрос в рамках закона, заняться раненой. А сейчас перечислил Ольге, что нужно купить в ночной аптеке и сделать немедленно. Ольга с мужем повезли доктора домой и на обратном пути должны были привезти необходимые медикаменты. И выполнить все, что прописал доктор.

В это время на кухне срочно готовился ужин на столь немалую компанию. На ночь у Трофимовых, кроме самой хозяйки и семьи Гладких, оставались генерал Ракутин и Вера с детьми. Старшина был отправлен на ночлег к Сараеву, который жил на этой же улице. Одновременно с приготовлением ужина активно использовалась ванная комната. Первыми мыли детей, следующей в очереди была Инна, далее Лариса и потом совместными усилиями они смогли помыть Веру. Проблем с переодеванием детей не было никаких, в доме Трофимовых хранились все уже вышедшие из пользования вещи внуков, таких же двойняшек. Сложнее было с Верой, но и ей подобрали вещи младшей дочери, с которой Вера была примерно одного роста. Вещи были практически новыми, просто, по мнению дочери, вышли из моды.

Андрей опекал генерала. Он не стал изобретать ничего нового, нашел в интернете и поставил сначала хронику парада 7 ноября 1941 года, потом 24 июня 1945-го и 9 мая 2015-го. Сработало безотказно. Константин Иванович даже забыл про свое постоянное желание курить. В целом время для них пролетело незаметно, и когда они все же завершили просмотр продолжительным перекуром на веранде, подошла их очередь принимать водные процедуры. К чести генерала, как и положено военному, в его тревожном чемодане нашлась свежая смена белья. После банного дня загруженными работой оказались обе стиральные машинки. Последние вызвали крайний интерес не только Веры, ради этого даже вставшей с постели, но и генерал с интересом наблюдал за процессом стирки.

Дети поели первыми, и их отнесли в спальню на второй этаж. Остальные свежевывмытые, а мужчины и свежевывбритые и благоухающие разными оттенками одеколонов, разместились в кухне за столом на поздний ужин. Вера тоже пришла за стол. В красивом платье выше колен. Чего она сильно стеснялась. Тем не менее ужин под бутылочку коньяка для снятия стресса прошел на ура.

В девять утра, как и договаривались, Лариса Трофимова повезла Андрея в местный отдел ФСБ. Ольга Богомолова провела процедуры Вере. Дети осваивали залежи игрушек в доме Тро-

фимовых. Ракутин и присоединившийся старшина смотрели подборку фильмов о войне. Александр Сараев, решив вопрос отгулами на работе, на своем «Урале», захватив Сергея Богомолова и собранные семьями деньги, двинул на оптовые базы и аптеки. Кроме этого, и для чего, собственно, ему нужен был грузовик, он собирался позаимствовать на время у знакомого поисковика приобретенную им за совершенно смешные деньги во времена развала СССР и вывода войск из Европы полевую кухню. Поисковики использовали ее в особо крупных походах. Но сейчас был не сезон, и она была свободна. В данной ситуации, сложившейся с двумя ротами у портала, когда греть воду для обслуживания раненых и готовить пищу для почти двух сотен человек приходилось на кострах, это был крайне удачный вариант.

Андрей вышел из машины у здания, к которому его привезла Лариса, оглядел его и уверенно двинулся ко входу. Нажав кнопку звонка, он посмотрел в зрачок камеры, висевшей над входной дверью. Вторая камера смотрела на него из удаления справа от входа.

– Слушаю вас, – раздался немного искаженный динамиком голос.

– Я – полковник ФСО в запасе Гладкий, – Андрей развернул перед объективом камеры удостоверение, – мне срочно требуется оперативная связь с секретариатом ФСО по крайне важному и конфиденциальному делу.

– Одну минуту! – динамик отключился. Оператор созванивался с руководителем подразделения.

Двумя минутами позже раздался щелчок электрозамка, и голос в динамике продублировал:

– Входите!

Андрей вошел в помещение, обменялся приветствиями с дежурным, очно предъявил свое удостоверение, дежурный внес его данные в журнал и показал дверь помещения, где стоял телефон правительственной связи.

– Полковник Дегтярев! – еще бодрым с утра голосом ответила Андрею трубка аппарата.

– Доброе утро, Дмитрий! И оно может для тебя стать еще добрей, если ты внимательно и до конца выслушаешь меня.

– Здравствуй, Андрей! Ну, давай, удиви меня.

Андрей достаточно подробно описал все происшедшее с их компанией в последние дни.

– В общем, Дмитрий, нужен выход на самый верх. И вариант через тебя мы с Алексеем посчитали наиболее быстрым, – закончил повествование Гладкий.

– Андрей! Ты взрослый человек, ты зачем мне позвонил? – после небольшой паузы переспросил Дмитрий замолчавшего Гладкого. – Ну, как бы я давно уже не мальчик. И ты, кстати, тоже. Поэтому я и не понимаю смысла твоего звонка.

– То есть ты не поверил?

– Ну а сам-то как думаешь? Это тебе терять уже нечего, ты – пенсионер. А мне хотелось бы еще послужить. И пересказ сказок начальству вряд ли будет этому способствовать.

– Дмитрий! И я о том же! Желая, чтобы ты продолжил службу как минимум, а возможно, и получил бы повышение. Но видишь ли, в чем дело, вариант, что ты откажешься помочь, мы с Алексеем рассматривали. И у нас есть запасной. Он, скажем так, более длинный, а для нас сейчас важен каждый день и час, но если ты откажешься категорически, нам придется задействовать его. В нашей компании есть человек, бывший армейский офицер. Его однокашники сейчас служат в Генштабе. Придется тогда обращаться к ним. Представляешь, срабатывает этот вариант, а он сработает, потому что тут поблизости есть просто часть МО и есть часть ГРУ ГШ, один звонок из Москвы, и они уже через час доложат о факте, подтверждая нашу информацию. А дальше все просто, опускаю все, что будут делать с порталом армейцы, заостряю твое внимание на нашей компании. Нас перетрясут до трусов и даже в них пороются, и тогда выплывет этот наш с тобой разговор, и это будет вставлено в виде фитиля самому директору

службы. И тогда здравствуй, пенсия, Дмитрий! Хорошо, если ты просто уйдешь на пенсию. Могут ведь и усугубить.

Теперь молчал Дмитрий.

– Андрей! Ты бьешь под дых. Ты не оставляешь мне вариантов, – после длительной паузы произнес Дегтярев.

– Ну, почему же? Я их вижу как минимум два: ты делаешь, что я прошу, или не делаешь. Но учти, времени на подумать нет, или «да», или «нет», но сейчас.

– Хорошо! Я доложу заму директора. У тебя номер не изменился? Перезвоню на него.

– И еще просьба, Дмитрий, с нами с той стороны приехала молодая женщина с двумя детьми. Она ранена. Ничего страшного, ранение в мягкие ткани на предплечье, но серьезная кровопотеря. Мы привезли хирурга, он ее осмотрел, но в органы по нашей просьбе не сообщил. Сам понимаешь, его действия подпадают под Уголовный кодекс, а везти ее в больницу вообще не вариант. Как бы легализовать ее лечение без расширения причастных к этой теме? Короче говоря, надо пробить разрешение этому доктору продолжить то, что он уже начал.

– Ну, если получится с главным, это уже не сложно. Дай фамилию и где работает.

Гладкий продиктовал по бумажке фамилию, должность и телефон хирурга.

После чего Дегтярев положил трубку.

Гладкий вышел из помещения, поблагодарил дежурного за помощь и, выйдя за двери здания, с удовольствием закурил, смотря на осеннее солнышко. За зданием стоящего напротив вокзала перекрикивались электровозы. День начался неплохо!

Звонок на мобильный раздался через сорок минут. Андрей в это время с Ларисой был в гипермаркете, дома ждала многочисленная «семья».

– Андрей, давай адрес, где вы располагаетесь. Я приеду сам. С доктором вопрос решен, ему перезвонят местные товарищи.

Андрей назвал адрес Трофимовых, и Дегтярев отбился.

Вернувшись к Трофимовым и разгрузившись на кухне, Гладкий, после перекура в компании генерала и ординарца, снова полез в Интернет. Поставил новым попаданцам фильм «На войне как на войне». Этот фильм накануне рекомендовал Трофимов, заявляя, что это его любимый фильм про войну. У Андрея любимым фильмом о войне был другим, но он справедливо рассудил, что до приезда Дегтярева вряд ли более двух часов и другой, более длинный фильм, они посмотреть не успеют. Дегтярев появился в половине первого. Приехал он на микроавтобусе «Мерседес» с наглухо затонированными стеклами и фэсэошными номерами. В автобусе кроме Дмитрия был водитель и еще один человек, представившийся майором с незапоминающейся фамилией и такой же внешностью. Андрей поздоровался со всеми и пригласил Дмитрия в дом. Вместе с ним пошел и сопровождающий. В доме Андрей представил прибывших всем присутствующим, после чего они впятером остались в зале.

– Товарищ генерал-майор! Разрешите ваше удостоверение, – обратился Дегтярев к Ракутину.

– Пожалуйста, – ответил генерал, протягивая его Дегтяреву, – и, в свою очередь, разрешите ознакомиться с вашим.

Дегтярев, приняв удостоверение генерала, передал его майору и, достав свое, протянул его Ракутину. Майор придирчиво рассмотрел генеральское удостоверение, вернул Дегтяреву и, кивнув, добавил:

– Соответствует!

Удостоверение Дегтярева смотрел генерал и старшина. Причем старшина явно понимал толк в этом деле. Непрост старшина! Но столкнувшись с совершенно другим уровнем изготовления соответствующих документов, молча вернул удостоверение генералу, неопределенно пожав плечами.

Дальнейшее знакомство было прервано женщинами приглашением за стол. Время обеда. Позвали и водителя, но тот наотрез отказался оставлять машину без присмотра. Сделали и отнесли ему бутерброды и кофе.

Район д. Хватов Завод

После обеда на машине ФСО выехали к portalу. Всю дорогу с генералом под запись на диктофон беседовал майор. Дегтярев был номинально старшим в этой группе. Он должен был всего лишь подтвердить, что те, кто их вызвал, таковыми и являются на самом деле. А вот майор был как раз специалистом в подобных делах, и Дегтярев в этих вопросах безоговорочно уступал первенство младшему по званию. По-видимому, этот момент был оговорен еще в Москве.

То, что они прибыли на объект, Дегтярев понял, когда Гладкий приказал остановить машину. Для него это была всего лишь старая брошенная дорога, уходящая в лесной массив с разбитого проселка, по которому они и до этого места доехали с трудом. Водитель автобуса с сомнением смотрел на то, что в российской глубинке называлось дорогами, и приказ, пусть даже незнакомого полковника в отставке, воспринял с облегчением, прекрасно отдавая себе отчет, что даже сюда они добрались благодаря большому везению. Он остановил машину и обернулся к Дегтяреву, глядя вопросительно. Тот кивком подтвердил решение Гладкого.

– Не бойсь! – успокоил водителя Андрей. – Тут сейчас «Урал» имеется. Он утром сюда выехал. Видишь следы? – И он указал на свежие колеи больших колес вездехода. Проехали еще метров сто, и Гладкий дал знак остановиться.

– Сейчас выходим все! Кроме водителя. Мы с товарищем генералом идем впереди. Вы метрах в десяти позади, – продолжил он.

Выдвинулись в указанном порядке по раскисшей осенней земле вдоль колеи к лесу.

– Стой! – раздалась негромкая команда из разросшегося по опушке подлеска, когда до него осталось метров пятнадцать. Человека, отдавшего приказ, они рассмотреть не смогли. Голос как бы шел из ниоткуда.

– Генерал-майор Ракутин! Вызовите старшего!

Ждать пришлось минут десять. Появился лейтенант пограничник в сопровождении автоматчика. Оpozнав генерала, отдал честь и доложил по форме. После чего сопроводил группу к portalу. У portalа, который и Дегтярев и майор смогли в свете дня рассмотреть, лишь когда им его указали, кипела жизнь. Действительно, там был «Урал» с манипулятором, недалеко от него стояла полевая кухня, вокруг которой сустились два повара, и им что-то, оживленно жестикулируя, поясняли двое гражданских, один из которых был одет в современный камуфляж, а другой в спецодежду какой-то организации. Из палатки, стоявшей у леса, вышла медсестра с контейнером для стерилизации медицинструмента. Но в целом людей было мало. Майор все снимал на камеру. Далее они прошли через портал и стали свидетелями реального боя между немецкой разведкой и советскими подразделениями РККА и милиции. Если и оставались какие-то сомнения у Дегтярева и сопровождающего его майора в реальности происходящего, то бой, развернувшийся на их глазах, развеял их полностью. Андрей с удовлетворением отметил, что Дегтярев откровенно воспрял духом и ожил. Видимо, действительно на кону стояла его служба. Когда бой был закончен и ситуация с сохранением секретности объекта была решена, Гладкий представил Дегтярева и его спутника майору ГБ Воистинову.

После представления друг другу Дегтярев, не откладывая в долгий ящик, заявил Ракутину и Воистинову о необходимости ехать в Москву. Немедленно!

Воистинов был готов к такому повороту, поэтому, поставив задачу своему подчиненному и забрав чемодан из палатки, через десять минут подошел к ожидающей его машине.

Генерала попросили сесть впереди, после чего, подняв между передними сиденьями и остальным салоном тонированное стекло, всю обратную дорогу расспрашивали майора госбезопасности. Филипп Васильевич, прекрасно понимая смысл этой процедуры, охотно отвечал.

Заехали к Трофимовым. Дегтярев отзвонился руководству и получил приказ немедленно выезжать в Москву. Отказавшись от ужина и забрав старшину, в районе восемнадцати часов выехали. По договоренности, семья Гладких должна была уехать в Удельную, где они жили, завтра утром. Дегтярев предупредил, чтобы Андрей держал телефон при себе, наверняка и его вызовут.

Майор, задавший Ракутину и Воистинову все положенные в данной ситуации вопросы, сел к водителю. Дегтярев, расположившись с попаданцами в салоне, дремал, а те, изредка обмениваясь мнениями, всю дорогу смотрели в темные окна. Машины в обе стороны Минского шоссе в эти часы шли сплошным потоком, кто-то старался добраться до ночи до своих жилищ, а дальнбойщики старались доехать до наиболее, с их точки зрения, предпочтительных стоянок.

Где-то в Подмоскowie

Через три часа перед автобусом распахнулись ворота спецобъекта в ближнем Подмоскowie, представляющего собой дачное поместье обычного российского олигарха с высоким забором, множеством телекамер и охраной ЧОПа.

Внутри все было гораздо серьезней. Объект охранялся спецподразделением ФСО, способным отразить атаку даже пехотной роты с тяжелым оружием. Вооружение и снаряжение бойцов позволяло продержаться час, в течение которого должна была подойти помощь.

Их ждали. Нет, директор ФСО не встретил посланцев из прошлого у крыльца. В данный момент он даже еще не знал о происходящем. И красную ковровую дорожку не постелили. Тем не менее путников в пространстве и времени встретили, проводили до их комнат и, после того как они привели себя в порядок, пригласили в гостиную на ужин. Дегтярев и его спутник на ужине отсутствовали. Они сейчас докладывали заместителю директора ФСО о результатах поездки и знакомили с аудио- и видеозаписями. На ужин они пошли через час. Покидать объект им было запрещено, и к утру нужно было представить подробные письменные отчеты. А их руководитель, захватив с собой материалы, срочно убыл на доклад к директору. С Ракутиным и Воистиновым были продолжены беседы уже более компетентными в этих вопросах людьми. И с использованием полиграфа. В этой организации по определению служили и работали крайне недоверчивые люди.

6 октября 1941 г.

Район д. Хватов Завод

Лейтенанта Иванова разбудили на рассвете. Точнее, еще было темно, но на часах было около шести утра. Вечером после поездки с Трофимовым и безуспешной попытки отправить его в Москву они вернулись к порталу. Обоим зверски хотелось есть. Ранний скудный завтрак, не подкрепленный обедом, давно растворился в их организмах. Но долг превыше всего! Сначала Иванов выслушал доклад командира, отвечавшего за охрану и оборону объекта. Тут все обошлось без происшествий. После него зашли обе ротные медсестры. По их докладу состояние раненых было удовлетворительное, Ольга Владимировна Богомоллова привезла достаточно перевязочного материала и медикаментов, большая часть которых им была неизвестна. Однако приехавший с ней хирург провел осмотр всех раненых и под запись дал рекомендации по лечению. Кроме того, прямо в палатке провел несколько хирургических операций, по его словам, «под местной анестезией», удалив пули и осколки. К счастью, тяжелых раненых в ротах не было. В данный момент времени опасений за жизнь раненых нет. В общем, хоть это лейтенанта порадовало.

Ужин еще поправил настроение, солидная порция макарон с тушенкой по-флотски, незнакомый Иванову кетчуп, сладкий чай из интересных пакетиков и давно забытый белый хлеб с маслом. Боец из роты охраны, не переставая, восторгался новой ротной кухней, которую привезли им утром вместе с продуктами. Лейтенант попросил бойца передать повару благодарность за ужин и вышел покурить из палатки. Трофимов не курил, и, хотя он не возмущался табачным дымом, лейтенант не стал ему этим докучать. За стенами палатки его встретил резкий порывистый ветер, бросающий в лицо горсти дождевых брызг, от которых невозможно было укрыться. Быстро, в несколько затяжек докурив папиросу, пожалев в душе бойцов, которые сейчас находятся в секретах и стоят на постах, Иванов отправился спать.

Будивший его комроты охраны был взволнован.

– Что? Немцы? – переспросил его Иванов.

– Нет. Там это... один из тех, кого мы охраняли. Полковник Гладкий. С ним человек, который с ним же сегодня приезжал, и с которым уехал товарищ майор. Так вот они вернулись. И не одни. Там еще с десятков броневиков.

– Где они? – переспросил окончательно проснувшийся лейтенант, толкая спящего Трофимова.

Через десять минут они вышли из портала в 2016 году и дошли до проселочной дороги. В предрассветном сумраке им предстала следующая картина: на проселке стоял пограничник с автоматом. Слева и справа в кустарнике замерли на позициях в готовности открыть огонь бойцы прикрытия. Перед часовым стояли Дегтярев и Гладкий, за ними уже на съезде, повернув с дороги на колею к порталу стоял «тигр», рядом у открытой двери виднелась фигура бойца в полном современном обвесе. В люке на крыше «тигра» угадывался пулеметчик. За ними, на дороге растянулась колонна «тайфунов» с заглушенными двигателями.

– Свои! – обрадованно воскликнул Трофимов. Иванов все же сделал еще несколько шагов и, удостоверившись в личности Дегтярева и Гладкого, дал пограничникам команду «отбой».

– Ну, здравствуйте снова! Ненадолго мы вас оставили! – обнимаясь с Трофимовым, говорил Гладкий.

– Так! Представляюсь! – пожимая руки Иванову и комроты пограничников, сразу заявил Дегтярев. – Я назначен комендантом этого объекта.

Перехватив короткие взгляды лейтенанта Иванова и командира пограничников, Дегтярев успокаивающе поднял руки.

– Не беспокойтесь! На ваши права и обязанности я не покушаюсь. Мне приказано обеспечить охрану и оборону объекта со стороны 2016 года. Со стороны 1941 года это же обеспечиваете вы. Но вы всегда можете рассчитывать на нашу помощь. Познакомьтесь с командиром роты спецназначения ФСО, подчиненные которого обеспечат выполнение приказа. И решите все вопросы взаимодействия. Надеюсь, понятно, что эта территория – Российской Федерации, а с той стороны – территория СССР. А портал является границей не только наших времен, но и государств, где имеют преимущества законы каждого из них на своей территории. Одновременно и нам, и вам поставлена задача обеспечить секретность этого объекта. Чем мы и займемся.

Возражений не было, и, закончив говорить, Дегтярев не сумел подавить зевоту. Ночь оказалась бессонной. Сон в «тигре» не в счет, все же это боевая машина, и удобств в ней для сна гораздо меньше, нежели на любимом Дмитрием диване в зале его квартиры, где так хорошо засыпалось под бормотание телевизора.

Не успел он вчера написать отчет о поездке в Вязьму, как поступил новый приказ. Директор, посмотрев видеоматериалы и прослушав записи бесед с Ракутиным и Воистиновым, принял решение немедленно взять объект под охрану. Для этого срочно были подняты несколько групп силовой поддержки ФСО. Их объединили в роту, поручив командование ею одному из наиболее опытных командиров групп. Рота получила задачу обеспечить охрану и оборону

совершенно секретного объекта как от проникновения на объект развед- и диверсионных групп вероятного противника, так и вообще от любого постороннего. Старшим на объекте был назначен незнакомый новоиспеченному ротному полковник из секретариата службы. Который, как указывалось, уже был на объекте. Именно он порекомендовал брать все, что можно, не исключая возможность появления у вероятного противника танков и авиации. Задача вызвала крайнее удивление комроты, но его практически фантастическая заявка по обеспечению оружием и снаряжением была выполнена почти на сто процентов. То, чего попросту не нашлось на складах их организации, обещано было доставить на объект в течение ближайших суток. А узнав район, куда он должен выдвинуться и где ему предстоит выполнять задачу, ротный впал в ступор. Двести километров от МКАД! Что за противник с танками и самолетами?

Но реальность превзошла все мыслимые предположения, и вот сейчас он знакомился со своими коллегами, с которыми ему придется взаимодействовать и выполнять приказ, совершенно схожий с тем, что получили и они.

Психика кадрового военного любого силового ведомства сильно отличается от того, что показывают, например, в американских фильмах, где главный герой и его товарищи, как правило, комплексуют, фонтанируют эмоциями и вообще всеми способами показывают зрителю, как это непросто – выполнить задачу. Так вот, в реальности все это оставляется «на потом». Сначала главное – выполнить приказ, а уж потом можно будет покопаться во впечатлениях и порассуждать о происходящем. Поэтому два комроты, из 2016-го и 1941 года, не отвлекаясь, быстро договорились по всем вопросам совместного выполнения задачи. Комроты пограничников даже вздохнул облегченно. Мало того что приходилось обеспечивать секретами обе стороны портала, что требовало практически в два раза больше людей, так с этой стороны существовала сложность в виде запрета не только на применение оружия, но и раскрытия перед жителями этой местности. Теперь эта задача снималась.

Пока договаривались, Иванов и комроты не отвлекались от темы. Однако когда все было обговорено и каждый из ротных отдал приказ одним снять посты, а другим выставить, они не удержались и начали задавать вопросы по оружию и снаряжению как командира, так и его бойцов. Пограничники, передавшие свои посты диковинным бойцам, тоже остались с этой стороны портала. Они, остановившись в стороне и достав папиросы и кисеты, молча наблюдали за развертыванием лагеря новых союзников. К ним присоединились не занятые вновь прибывшие бойцы, и уже через минуты оттуда потянуло табачным дымом и послышался смех. Минут через пятнадцать, после того как знакомство состоялось, комроты ФСО отдал распоряжение о развертывании полевого лагеря. Загудели двигатели машин, и они, повинуясь командам, стали занимать назначенные им места. Бойцы начали оборудовать позиции, достали палатки, загудела форсунка полевой кухни.

Было решено оставить палатки с ранеными бойцами и кухню на этой стороне. Командир прибывшей роты пообещал оказать всемерную помощь медсестрам пограничников. Кухню оставили, чтобы не демаскировать объект с той стороны. Командир роты ФСО также предложил усилить посты пограничников техническими средствами, но для этого его людям пришлось бы нести службу с обеих сторон. Иванов поразмыслив, отказался. На подобные действия ему нужна была санкция Воистинова. Однако он заверил ротного из будущего, что если объект будет атакован, от помощи потомков они не откажутся.

Знаменский район

Третий день батарее капитана Флерова настойчиво искала путь на восток. Хотя батареей ее уже было сложно назвать. Имевшая в июле в своем составе семь пусковых установок БМ-13 из положенных по штату девяти, к началу октября она насчитывала только четыре установки. Две машины пошли на формирование нового дивизиона реактивных минометов, одна была потеряна в ходе бесчисленных маршей. В настоящее время всего лишь одна машина была заря-

жена последним боекомплектом. Колонна батареи пробиралась проселками, все больше отклоняясь от Варшавского шоссе на северо-восток, в сторону Вязьмы. Все более-менее приличные дороги были заняты немцами. Флеров не мог утверждать, что батарея попала в окружение, но чувствовал, что с каждым часом вероятность этого возрастает. По шоссе сплошной лентой двигались на Москву танки, артиллерия, пехота, перемежаемые обозами. На примыкающих дорогах мелькали моторизованные патрули и разведчики. И нужно было постараться, чтобы спасти батарею. «Катюши» были секретным оружием. Эффективным и ценным. Его нужно было сберечь или не допустить попадания в руки врага. Поэтому все установки были заминированы и должны были быть во что бы то ни стало взорваны при угрозе захвата. Но пока имелся шанс вырваться из окружения, им нужно было воспользоваться. Судя по карте, которая лежала на коленях крайне уставшего капитана, если райцентр Знаменка еще не занят врагом, появлялся шанс прорваться по одной из трех дорог на восток. Точнее, либо по грунтовке на Темкино, либо по автодороге на Юхнов или Вязьму. Есть немцы в Знаменке или нет, должна была установить разведка – автомашина обеспечения ЗиС-5 с разведчиками в кузове, которая двигалась в паре километров впереди. Часов в 11 колонна прошла деревню Желанья, когда метров за двести впереди из леса на дорогу, размахивая высоко поднятым оружием, вышел человек в маскхалате. Колонна остановилась, и бойцы привычно заняли круговую оборону. Человек демонстративно взял оружие на ремень и двинулся к колонне. Дойдя до первой машины, он остановился и громко представился: «Сержант ГУГБ НКВД Павлов! Мне нужен капитан Флеров!»

Флеров, находившийся от сержанта метрах в тридцати, решил, что в данной ситуации он рискует не более того, что и раньше. Если это переодетый враг, в одиночку он взять его не сможет, а если эта ситуация часть плана по захвату батареи, то его бойцы к этому готовы и установки взорвать успеют. Ну, а он... верный ТТ всегда под рукой.

- Я капитан Флеров! – поднявшись, представился он.
- Разрешите вызвать своего командира?
- Вызывайте!
- Одну минуту! Я снимаю с плеча оружие!

Незнакомец повернулся спиной к Флерову, медленно и аккуратно, чтобы те, кто держал в этот момент его на мушке, восприняли эти действия правильно, снял с плеча ППД. После чего поднял его на вытянутой руке и три раза махнул им.

Через минуту на дороге, примерно на том месте, где они увидели сержанта, показались две фигуры, идущие по направлению к колонне.

– Младший лейтенант госбезопасности Измайлов! – представился через пять минут шедший первым. Его спутник и ожидавший их сержант заняли в отдалении позиции за спиной командира, внимательно следя за артиллеристами.

- Капитан Флеров! Вот мое удостоверение! Попрошу представить ваше.
- Простите, на задания мы ходим без документов.
- И на основании чего я должен вам верить? Где гарантия, что вы не переодетый диверсант?
- Вам придется поверить мне на слово.
- А если я этого не сделаю? Заставите? Сомневаюсь, что это у вас получится. Мы тоже тут не на прогулке.

Флеров обвел взглядом своих бойцов, рассредоточившихся и настороженно следящих за незнакомцами в маскхалатах.

– Тогда вам лучше не выходить из окружения. Вам всем! Лучше тогда погибнуть от рук врага. Мое командование знает, куда, к кому и зачем мы посланы.

Если кто-то из вашей батареи выйдет к своим, ему придется рассказать все, что тут произошло. Дальше рассказывать?

Лейтенант говорил громко, чтобы его слышали все, кто был поблизости.
Флеров задумался.

- Хорошо! В чем состоит ваше задание?
- Вывести вашу батарею из окружения.
- А мы точно в окружении?
- Точней не бывает! Вот смотрите!

Лейтенант достал из-за пазухи карту и разложил ее на капоте ближайшего автомобиля.

– Итак! Впереди Знаменка. Мост с этой стороны реки контролируют немецкие мотоциклисты. Численность около роты. С той стороны окопались наши. По нашим оценкам, не менее двух рот. Поэтому в этом месте паритет, ни немцы, ни наши атаковать не могут. Хотя наши и не пытаются. По-видимому, у них задача держать мост. В самой Знаменке немцы, но сколько их, мы определить не смогли. Судя по движению, где-то дальше по дороге на Юхнов есть еще немцы. Времени для полноценной разведки недостаточно, мы тут только с утра. Так вот получается, ни через мост на Вязьму, ни через Знаменку на Темкино вам не прорваться. А Юхнов немцы взяли вчера.

Флеров с сожалением смотрел на карту – сбылись его самые худшие опасения.

Дальнейший разговор прервал возвратившийся ЗиС разведчиков. Старший группы, с недоверием поглядывая на незнакомых бойцов, подошел к капитану и, получив разрешение, доложил о результатах разведки. Они были неутешительны и подтверждали слова чекиста, в Знаменке были немцы, и со стороны моста периодически доносилась пулеметная стрельба.

– Ну, и как вы собираетесь выполнять свою задачу? – нехотя уточнил Флеров у лейтенанта.

– Вот тут на карте обозначен брод, у Великополя. Немцев там нет. На той стороне выставлено боевое охранение, стрелковое отделение с пулеметом от подразделения, что держит Знаменский мост. Общались с ними утром. Брод проверили, глубина примерно полметра, может чуть больше, дно твердое, спуск пологий. Если машины пройдут, дальше проселками на Вязьму. Там наши.

- Должны пройти. Надо смотреть.
- Тогда поехали. Только у леска моих парней подберите.
- Хорошо! По машинам!

Пока бойца занимали свои места, Флеров указал маршрут разведчикам и предупредил их, чтобы они забрали чекистов.

Через двадцать минут колонна собралась у брода. Пятерка разведчиков ГБ и трое из артиллерийской разведки перешли реку и скрылись в зарослях на другом берегу. Они должны были проверить обстановку в Великополе. Флеров вышел из машины и с удовольствием посмотрел на низкое хмурое небо. Отсутствие немецкой авиации в небе серьезно облегчало жизнь.

Разведчики уже промеряли брод, ставя вешки по его краям.

– Послушай лейтенант, – обратился он к командиру чекистов, – а откуда вы узнали, что батарея будет ехать именно здесь и в это время? Вчера я еще сам не знал маршрут движения.

– Такая у нас работа, – пожал плечами, уходя от ответа, тот.

– Ну да! Ну да! – понимая, что другого ему и не скажут, задумчиво произнес Флеров. – Вот еще что! У меня остался боекомплект на один залп. Не хотелось бы его возить.

– Понял.

Лейтенант свистнул, и от группы разведчиков отделился один из его бойцов.

Командир объяснил ему задачу. Боец подумал, потом высказался:

– Кухня. Видели мы, где стоит кухня у них. Как раз во время завтрака. С роту фрицев там одновременно было. А примерно через час у них по распорядку обед.

– Понял! – подхватил капитан и подозвал своих разведчиков. Через десять минут развернулись и ушли обратно по дороге к Знаменке одна пусковая и два ЗиСа обеспечения с двумя десятками прикрытия.

– Надо позицию подготовить. Вдруг немцев на хвосте приведут.

Лейтенант указал на косогор, мимо которого шла дорога к броду.

Капитан согласно кивнул и дал команду одному взводу занять позиции, прикрывая брод. Лейтенант добавил ко взводу своих оставшихся четверых бойцов.

Переправа началась. Машины в основном переезжали реку самостоятельно, но бойцы стояли в воде, помогая преодолеть препятствие. Через час почти вся техника уже была на том берегу, когда восточнее в нескольких километрах завыл залп «катюши».

Через полчаса все три машины вылетели к броду. Боевая машина сразу двинулась к воде. С остальных спешили разведчики и, развернувшись цепью, залегли, прикрывая переправу вместе с заслоном на косогоре.

К Флерову и Измайлову подбежал командир установки.

– Товарищ командир! Задание выполнено! Роту гитлеровцев накрыли во время обеда. Большая часть либо ранены, либо убиты. Позицию покинули по нормативу. Погони не было.

– Товарищ сержант! Объявляю благодарность расчету!

– Служим Советскому Союзу! – за весь расчет ответил сержант.

Через пятнадцать минут последний боец заслона перешел Угру, и колонна двинулась дальше на Дроздово и далее на Бельдюгино.

В Бельдюгино группа Измайлова спешила. Младший лейтенант попрощался с Флеровым, пожелав им хорошей дороги, хмурого неба и побольше боеприпасов. На предложение ехать с ними, Измайлов пожал руку капитана и ответил, что они уходят на базу.

Район г. Вязьма

Через час, не доезжая Давыдково, колонна была остановлена перед бродом у безвестной речушки. С той стороны виднелся дзот и взводный опорный пункт. Позиция была оборудована недавно, но тщательно замаскирована. Остановил колонну лейтенант-пограничник. Выяснив, кто, откуда и зачем, он заявил, что приказом командарма-16, отвечающего за оборону Вязьмы, все части, подразделения, группы и одиночные бойцы переходят в подчинение частей армии. Поэтому батарею проводят до КП полка, где и примут решение, куда отправляться дальше. После чего в первую машину сел боец-пограничник и повел колонну к штабу полка в деревню Слобода.

Прибывшей к батарее комполка обрадовался. И даже не расстроился, услышав, что боезапас отсутствует. Сказал, что в Вязьме наверняка что-нибудь найдется. И нашлось! Но недолго радовался комполка. Тыловики, выяснив, зачем пограничникам понадобился боезапас для «катюш», доложили эту информацию начштаба армии. И тот тут же принял решение, где батарея нужнее. Машины обеспечения пошли в Вязьму за боеприпасами и топливом, а батарея получила задачу через три часа прибыть в район деревни Логвино в распоряжение комдива 29-й стрелковой дивизии, обороняющейся на рубеже реки Жижала.

Г. Вязьма. Штаб 16-й Армии

Ночью Рокоссовскому позвонил Сталин. Дежурный по штабу с испуганным лицом растолкал командарма в четвертом часу утра.

Сталин ровным бесстрастным голосом поздоровался и попросил доложить обстановку на фронте. Рокоссовский сразу оговорился, что всей полнотой информации не обладает, поэтому высказал предположения, основанные на косвенных признаках. Сталин помолчал. По-видимому, у него оставалась надежда, что не все так плохо. После паузы он поинтересовался, какими силами располагает штаб 16-й Армии и что планирует предпринять в данной обста-

новке. Рокоссовский доложил. Сталин снова замолчал, что-то решая про себя. После паузы он проинформировал генерала, что под Москвой складывается катастрофическая ситуация, Государственный Комитет Обороны и Генштаб Красной Армии принимают все меры, чтобы ликвидировать опасность столице, но очень многое зависит от того, сможет ли и насколько Красная Армия задержать врага под Вязьмой. Есть мнение подчинить все отступающие к Вязьме войска Рокоссовскому, и он хотел бы знать, сможет ли товарищ Рокоссовский оправдать доверие партии, правительства и советского народа. Рокоссовский заявил, что сделает все, что в его силах и сверх того, чтобы быть достойным такого доверия, если и не разбить гитлеровцев под Вязьмой, то заставить их заплатить большой кровью за этот город. Сталин поблагодарил его и напоследок сказал, что приказ о наделении командарма-16 всеми необходимыми полномочиями будет подписан сегодня же и он верит, что товарищ Рокоссовский, как настоящий коммунист и командир Красной Армии, выполнит свой долг.

Рокоссовский держал еще некоторое время замолкшую трубку возле уха, пока не убедился, что разговор окончен. Вытерев платком вспотевший лоб, сел за стол. Сон пропал, и генерал, развернув карту, углубился в нее, пытаясь просчитать шаги противника, когда он наткнется на позиции его немногочисленных войск. Точнее, он прикидывал, с какой стороны немцы предпочтут обойти его заслоны, потому что сплошной линии обороны у его войск во многих местах не было. И куда отправить полки 50-й стрелковой дивизии и 700-го противотанкового полка, которые должны были по расчетам штаба прибыть в Вязьму утром шестого числа.

Автоколонна с полками 50-й дивизии, полком ПТО прибыла около 10 часов утра. Командование дивизии и артполка сразу было направлено в штаб армии, где ему была поставлена задача, а полки в сопровождении командиров штаба армии сразу двинулись на рубежи обороны. Эта дивизия, усиленная полком ПТО, должна была занять и оборонять рубеж н. п. Пишиково – Высокое шириной 8 км по прямой. Еще ранее туда же был отправлен 471 кап, прибывший в Вязьму в шесть утра. Таким образом, Рокоссовский закрыл брешь между сводной группой, оборонявшейся в районе Хмелита – Семеновское и группой, занявшей оборону слева-справа от дороги Вязьма – Сычевка.

Восемьдесят седьмой пограничный полк, усиленный зенитным дивизионом, оборонял рубеж, прикрытый противотанковым рвом на участке дорога Вязьма – Холм – Жирки – искл. Пишиково шириной около 8 км. Западнее на рубеже от большака Вязьма – Холм – Жирки до речушки Червенка тоже за противотанковым рвом занимал оборону полк 248-й дивизии. В районе Марьино – Дробыши – Шубинка располагался резерв, состоявший из 143-й танковой бригады и формируемых подразделений из отходящих в район Хмелиты частей. Командовал этой сводной группой силой до дивизии командир 87-го полка. Теперь его правый фланг должна была прикрыть 50-я дивизия.

На северном направлении уже окопались части 220-й и 18-й дивизий, 16-го погранполка. Командование этой группой Рокоссовский оставил за подполковником Верещагиным – командиром полка пограничников, считая, что комдиву-18 нужно прийти в себя после сокрушительного поражения дивизии. Запасному полку утром командарм приказал совершить тридцатикилометровый марш и занять оборону северо-восточнее Вязьмы на рубеже Подъялки – Федоровское – Максимково. Туда же был отправлен истребительный батальон комсомольцев Вязьмы и один зенитный дивизион. Командовать этим участком был назначен комендант Вязьмы генерал-майор Никитин. Бывший комендант, так как с расквартированием в городе штаба 16-й Армии вопросы комендантской службы перешли в ведение штаба.

Двести пятьдесят второй пограничный полк полковника Тишаева за двое суток по численности уже походил на дивизию. На позиции полка вышло около шести тысяч бойцов и командиров. Шли поодиночке, группами и целыми подразделениями. Все из частей Резервного фронта. Тяжелое вооружение отсутствовало, тем не менее из бойцов и командиров были сфор-

мированы подразделения двух полков. Для организации и управления этими частями штаб армии выделил несколько командиров. Называться эти войска стали Южной сводной группой. Пограничники и один из вновь сформированных полков готовились обороняться на рубеже Давыдково – Кузнецово – Островки – Тетерино – Цинеево шириной 12 километров. Второй свежесформированный полк занимал очаговую оборону опорными пунктами на рубеже в 12 километров от правого берега реки Вороновки в районе Красино и далее по левому берегу Угры до Станино – Дмитровка – Жулино. Этот полк закрывал собой разрыв между позицией на большаке Вязьма – Знаменка и оборонительным рубежом 29-й дивизии на реке Жижала.

Все части на своих участках обороны активно занимались минированием предполья и танкодоступных направлений. С обеспечением минами и боеприпасами проблем не было. Приказ Рокоссовского о разгрузке всех эшелонов, идущих через Вязьму, в окрестностях города выполнялся. И ввиду того что наступление немцев началось четыре дня назад, как раз пошли эшелоны с заказанными в первые дни боеприпасами. Номенклатура была широчайшей, от патронов к стрелковому оружию до артиллерийских снарядов калибра 203 мм и реактивных снарядов для «катюш». Все сгружалось на грунт и при первой же возможности вывозилось в части. Опять же, в распоряжении штаба армии оказался автотранспорт, перевозивший одновременно три стрелковых полка и подразделения усиления. Поэтому проблем с доставкой боеприпасов не было.

Примерно в полдень с разницей в один час поступили доклады с участков обороны в районе Хмелиты и на реке Жижала о боестолкновениях с моторизованной разведкой немцев. Немцы, напоравшись на оборону на большаках и понеся потери, последовательно начали прощупывать дороги и местность слева и справа от главного направления. По докладам Рокоссовский сделал вывод о подходе к рубежам обороны передовых отрядов войск противника численностью до усиленного батальона. Это значило, что к вечеру подойдут основные силы врага. Вспомнив информацию Цанавы, которая только что подтвердилась временем появления немецкой разведки, Рокоссовский мог с уверенностью назвать номера немецких танковых дивизий, которые завтра утром будут атаковать его войска. Генерал надеялся, что завтрашний день его войска смогут продержаться на занятых рубежах. И еще он рассчитывал на подход 229-й, 73-й стрелковых дивизий, артполка РГК и дивизиона реактивных минометов.

Почти одновременно с докладами командиров участков прибыл делегат связи из Москвы, доставивший пакет с приказом о назначении его командующим обороной Вязьмы и предписанием подчинения всех войск в этом районе штабу 16-й Армии.

К вечеру Рокоссовский получил приятное известие. На позиции группы полковника Тишаева вышла батарея реактивных минометов Резервного фронта. Правда, боевых установок в ней было всего лишь четыре штуки, но это была самая знаменитая и опытная батарея. Рокоссовский распорядился перебросить ее в расположение 29-й дивизии. Завтра снаряды «катюш» там будут очень к месту.

Г. Москва

Цанава прибыл в Москву после полуночи. Невозможность пользоваться нормальными фарами и возрастающее по мере приближения к Москве количество контрольно-пропускных пунктов на Минском шоссе серьезно замедлили путь. Берия вкратце выслушал его пояснения, пролистал книги и с большим интересом отнесся к прибору под названием «ноутбук». Книги и ноутбук убедили его в необходимости срочной встречи с Верховным Главнокомандующим, и он позвонил в Кремль. Поскребышев ответил, что Верховный собирается ложиться спать, и он доложит о просьбе принять генерального комиссара только при действительно важной причине. Берия подтвердил серьезность и срочность информации, которую ему необходимо доложить. Выехали вдвоем. Цанава захватил весь свой ценный груз.

В кабинет Сталина прошел Берия, оставив Цанаву с багажом в приемной. Через пять минут вызвали и его. Сталин говорил мало. В основном слушал, переключал книги, рассматривая обложки и перелистывая страницы. С интересом, стоя за спиной Цанавы, смотрел на экран ноутбука. Цанаву, от волнения боясь что-то сделать не так, каждую операцию на клавиатуре ноутбука проверял по шпаргалке, которую записал под диктовку Трофимова. И повторил то, что сделал Трофимов – поставил на просмотр ролик парада 7 ноября 1941 года. Потом 24 июня 1945 года, и завершил парадом 2015 года. Весь просмотр прошел в тишине. После того как видео закончилось, Сталин встал, раскурил трубку и минут десять молча ходил по ковровой дорожке, сосредоточенно раздумывая. После чего санкционировал решения и инициативы комиссара третьего ранга. Подтвердил, что все необходимые решения и действия относительно событий на фронте будут приняты сегодня же. Что касается прохода или, как его называют потомки, портала, это требует тщательного осмысления и только после этого принятия решений. Распорядился в кратчайший срок обеспечить связь с подразделениями, охраняющими портал, с генералом Ракутиным и майором Воистиновым. После чего попросил оставить ему книги, а если понадобится этот самый ноутбук, он вызовет Цанаву.

Сталин вызвал его и Берия в 14 часов.

6 октября 2016 г.

Г. Москва

– У кого какие мнения имеются? – поинтересовался президент у своего ближайшего окружения, когда за генералом Ракутиным и его спутником закрылась дверь.

– А какова уверенность, что это не игра наших заклятых друзей?

– Дмитрий Викторович? – президент обратился к директору ФСО, предлагая тому ответить на этот вопрос.

– Не вдаваясь в подробности, скажу, что люди, которых вы сейчас видели и слушали, на девяносто девять и более процентов являются теми, кем и называются. Сегодня и они, и мы практически не спали. Специалисты службы сделали все возможное, чтобы за этот промежуток времени проверить генерала Ракутина и майора Воистинова. Далее, на объекте «Портал» были сотрудники службы, откуда они и привезли вышеназванных товарищей. И попали туда как раз в момент боя между подразделениями Красной Армии и разведподразделением вермахта, и записали на видео. Господин президент просмотрел этот материал, предлагаю его посмотреть всем. После чего я продолжу.

Когда просмотр закончился и шум от обсуждения увиденного и вообще происходящего утих, Кочнев постучал ручкой по стакану из-под минеральной воды.

– Итак! Продолжаю! Ночью, когда появилась уверенность в реальности происходящего, мной было приказано из групп силового обеспечения сформировать роту и перебросить ее к порталу. Что и было выполнено. В данный момент, согласно докладу полковника Дегтярева, назначенного мною старшим в этой операции, именно он был на объекте первым нашим сотрудником, рота заняла позиции у портала. С нашей стороны! Нажимать на... на так называемых предков, ну если нас называть потомками, не стали. Хотя устно договорились в случае необходимости оказать всемерную помощь предкам, в том числе и на той стороне. Пока на данный момент в рамках моих полномочий все.

После чего начался достаточно оживленный обмен мнениями.

Президент выслушал мнение всех присутствующих и подвел итог:

– Первое! Необходимо обеспечить секретность объекта и всего связанного с ним. Александр Васильевич! Это ваш вопрос.

Второе. Мы получили необъяснимое с научной точки зрения открытие. Поэтому нужно подобрать профильную группу ученых, которая займется изучением этого феномена. Закрытую группу!

Третье! Непосредственная охрана и оборона объекта, как совершенно секретного, остается на ФСО. Дмитрий Викторович! Подготовьте предложения. И еще очень не маловажный вопрос – обеспечение связи с советским руководством. Проработайте и это.

Четвертое! Нужно решить вопрос с обороной объекта с другой стороны. Я могу ошибиться немного, но твердо помню из курса истории, военной в том числе, что район Вязьмы немцами был занят. Поэтому нужно получить разрешение от советского правительства на ввод наших подразделений на их территорию. Валерий Васильевич! Какие силы и средства мы можем использовать в столь неоднозначной ситуации?

– Предлагаю использовать 45-ю бригаду спецназа ВДВ из «Кубинки» и 15-ю мотострелковую миротворческую. Личный состав проверенный. И «Кубинка» от района, где им предстоит выполнять задачу, недалеко. Можно быть уверенными, не подведут. Но нужно усилить артиллерией, инженерными и противовоздушными подразделениями.

– Принимается! Тогда переходим к следующему пункту.

Пятое! Вам же. Разберитесь в подробностях, что происходило в этом районе в 1941 году. Вообще поднимите все возможные материалы по Великой Отечественной войне. Хотя бы в рамках осени 1941 – весны 1942 года. Конкретно в числах, датах, наименованиях и так далее. И наши предложения исходя из знаний и возможностей.

Шестое! Снова Валерий Васильевич! Соберите всю информацию по складам длительного хранения. Что у нас там есть залежавшегося? Того, что даже утилизировать дороже, чем хранить. Я имею в виду оружие, технику и снаряжение, относящиеся к периоду Великой Отечественной войны. Судя по роликам боев в Донбассе, на Украине на базах еще хранились противотанковые ружья. Я думаю, и у нас найдется нечто подобное. И немало. Для нас это уже давно не актуально, а вот предкам, особенно в 1941 году, будет очень неплохим подспорьем.

Седьмое! Сергей Викторович! Готовь кандидатуры, в случае установления нормальных отношений будем соответствовать протоколу.

Восьмое. Нашей аналитической службе подготовить информацию, чем, в каких объемах и по каким ценам мы сможем торговать с предками. Война в любом случае закончится, а портал, я надеюсь, останется. Грех не воспользоваться уникальной возможностью.

Есть какие-либо вопросы или уточнения?

– Владимир Владимирович! Это ж коммунисты! Более того – большевики!

– Да! А еще это наши предки. Уж не знаю, точно они или это какой-то параллельный мир, но они очень похожи именно на наших предков. А не помочь своим – грех во всех смыслах. Коммунисты? Так я тоже был коммунистом. И вы, наверно, тоже. Сергей Кожугетович! Ты до какого поста в партии дорос?

– По партийной линии – второй секретарь горкома.

– И? Рогов не выросло. Хвоста тоже. Мы все вышли оттуда. И чем коммунисты хуже наших партнеров из-за океана, с которыми мы обмениваемся любезными улыбками? С которыми торгуем, а они только и ждут момента, когда мы отвернемся и они смогут вонзить нам нож в спину. Сталин – тиран? Возможно. Я не разделяю многих его методов, с помощью которых он управлял страной. Но факт остается фактом, он смог победить там, где вся Европа сдалась. Он обеспечил нам такое положение в мире, которое нам, фактически просравшим страну, позволяет иметь свое мнение. А на это способны сегодня далеко не многие!

И неизвестно, что о нас скажут наши потомки! Может, еще и могилы сровняют. Хотя нам сейчас представляется, что мы поступаем верно.

Поэтому я не вижу препятствий и для оказания помощи, и для взаимовыгодной торговли. В конце концов, мы же нашли силы и средства помочь Сирии. А здесь нам сам бог велел.

Если возражений больше нет, тогда, представители силовых ведомств, встречаемся здесь же в 10 часов. С готовыми планами!

Вечером этого же дня состоялась дополнительная встреча президента с начальником Генерального штаба генералом армии Герасимовым Валерием Васильевичем.

– Владимир Владимирович, я готов доложить по запасам... ммм... оружия времен Великой Отечественной войны. Хочу сразу оговориться! В памятные 90-е годы наши бизнесмены пролоббировали в Министерстве обороны приказ об утилизации техники со складов длительного хранения. Откровенно говоря, это было нетрудно сделать. На территории Российской Федерации скопилось огромное количество современной на тот момент техники и вооружения, оставшихся после вывода наших войск сначала из-за рубежей СССР, а потом сокращения Вооруженных сил. Технику просто некуда было девать! Поэтому вполне естественным было решение освободить для нее площади, занятые уже безнадежно устаревшими образцами. Часть наших... мм... бизнесменов сумела получить эту технику практически бесплатно в рамках статьи расходов Министерства на утилизацию, включая вывоз ее на заводы для переплавки. Но бюджет этой статьи был не велик. Поэтому почистили склады в европейской части России. Это сумела сделать категория наиболее, так сказать, удачливых бизнесменов. Вторая категория – менее удачливая, не имеющая связей в МО, но дружащая с руководством РЖД. Эти вынуждены были понести определенные затраты на перевозку, но все же остались в прибыли. И последняя категория бизнесменов – это те, которые вынуждены были транспортировать технику только за свой счет. Они добрали все, что по каким-либо причинам осталось от первых двух групп. И далее их интерес к базам длительного хранения ограничился дальностью перевозок и, соответственно, стоимостью, при которых прибыль от переплавки была еще возможна. Таким образом, часть баз в Сибири и на Дальнем Востоке оказались нетронутыми. Это то, на что мы можем рассчитывать. Всего на складах осталось несколько десятков танков ИС-2, в основном из укрепрайонов, и еще меньшее количество ИС-3. В неплохом состоянии послевоенные тяжелые танки Т-10. Их несколько сотен. И примерно столько же Т-44. Нашлось с десятков «забытых» Т-34 и два десятка СУ-100. Далее, артиллерийские системы. Ну, тут все достаточно неплохо. Запасы имеются. Даже в Сирию недавно партию отправили. Так что потребности при формировании запланированных частей закроем. Есть сложности с тягачами, но они идентичны танковым проблемам. Со стрелковым оружием и боеприпасами к нему также все в порядке. С бронетранспортерами тоже неплохо. БТР-152 использовался во внутренних войсках вплоть до начала 90-х годов, поэтому их осталось еще несколько сотен. Нашлось несколько десятков БТР-40 и чуть больше сотни БТР-50.

Гораздо хуже с реактивными системами залпового огня. В наличии сотня установок БМ-13 «Катюша». Остались на хранении от расформированных частей войсковой ПВО. Они использовались в качестве пусковых установок мишеней. Нашлось несколько десятков так же «забытых» БМ-14.

Тут две проблемы. Первая: установки БМ-13 смонтированы на базе ЗиЛ-131. Пока мы будем снабжать бензином, проблем не будет. Но для того, чтобы перевести на бензин того времени, придется двигатели дорабатывать. Это касается не только установок БМ-13, но всей основной массы автотранспорта.

А у нас это ЗиЛ-131, ГАЗ-66, УАЗы разных модификаций. Очень немного ЗиЛ-157, ГАЗ-64, ГАЗ-69, для которых топливо того времени в принципе приемлемо. Переделка не слишком сложна, но количество! Второе гораздо хуже. Крайне небольшой запас боеприпасов на эти две системы, примерно до 50 боекомплектов. Это одно! И тут же боеприпасы превзошли все возможные сроки хранения. Количество не сработавших взрывателей, пороховых двигателей и боеголовок, возможно, будет крайне велико. Но это установить можно только опытным путем. В этой связи возникает проблема, что не разорвавшиеся снаряды достанутся немцам. То же самое в отношении неуправляемых авиационных ракет системы С-5. Они сняты с вооружения к середине 80-х. И с тех пор остатки лежат на складах.

– Опасения понятны! Но ведь что мы собираемся продавать СССР в дальнейшем? Согласно вашим же предложениям, технику и оружие уже точно послевоенное. Которое для нас также сейчас является практически балластом. Но оно уж точно гораздо эффективнее, секретнее и так далее, нежели перечисленное вами. По расчетам ваших аналитиков, через сколько при благоприятном развитии событий Красная Армия освободит район портала?

– Три-четыре месяца. И в той истории этот район немцы удержали с трудом. В основном по причине крайне неудачных действий Красной Армии. Сейчас точно не удержат.

– Поэтому нет особой разницы, сейчас или через три месяца, в любом случае немцы не успеют сделать ничего серьезного. А СССР с нашей помощью сможет запустить производство боеприпасов и возможной в их условиях техники. Мы ведь не только оружием будем помогать, главный наш товар – информация и технологии. Кстати, насчет технологий. Все, что связано с модернизацией и развитием техники и оружия эпохи Великой Отечественной, необходимо подготовить, и как только появится устойчивая связь с Москвой, передать советскому руководству. У вас есть еще что?

– Да! Техника без малого тридцать лет не обслуживалась и на данный момент требует расконсервации и восстановительного ремонта. Своими силами предки с этим вряд ли справятся. Личный состав баз хранения в лучшем случае сможет заставить технику двигаться, чтобы погрузить в эшелоны. Есть предложение сформировать и отправить на ту сторону передвижной танкоремонтный завод. Это позволит восстановить боеспособность техники в кратчайшие сроки.

– Согласен. Продолжайте работать.

Г. Вязьма

Алексей Трофимов попал домой в районе 10 часов утра. По дороге домой позвонил жене. Лариса обрадовалась его столь быстрому возвращению. Коротко ввела его в курс дел: она не знает, куда звонили из ФСО, ее начальству или выше, но претензий на ее отсутствие начальник не предъявил. Только странно и внимательно смотрел на нее, когда она клала на его стол заявление на отгулы задним числом. Предупредила, что дома на хозяйстве Вера с детьми, поэтому дома в трусах не ходить, носки не разбрасывать, на Веру не заглядываться, и вообще, пора и ему на работу выходить. Обсудили эти вопросы и посмеялись. Алексей тоже был рад, что его поездка в Москву 41-го года сорвалась. Нет, он не боялся, но понимал, что вряд ли он сможет быть полезнее тех материалов, что передал Цанаве. К тому же был убежден, что в ближайшее время уровень отношений между Москвой 41-го года и Москвой 2016-го поднимется неизмеримо выше возможностей и знаний какого-то старшего лейтенанта запаса. В свою очередь, он был готов быть полезным здесь среди тех, кого он знал и с кем его свела судьба. И сейчас, и за годы жизни. По приезде Алексей сначала зашел в вольер к Арчибальду и подвергся всему арсеналу выражения радости пса по поводу возвращения хозяина. Потом поднялся домой через гараж. С порога услышал голоса играющих где-то на втором этаже детей. Из кухни доносился звук включенного телевизора, скворчание и запах блинов. Он снял обувь, повесил куртку на вешалку и заглянул на кухню. У плиты стояла достаточно высокая стройная брюнетка с тонкими чертами лица. Выглядела она, несмотря на перебинтованную руку и бледное лицо, достаточно сносно.

– Здравствуйте, Вера!

Она резко повернулась к нему при первых звуках речи, и в ее карих глазах застыл испуг.

«Во, блин! Напугал! Она еще от войны не отошла. И наверняка входная дверь закрыта, а то, что можно войти через гараж, она не знает», – пронеслось у него в мозгу.

– Меня зовут Алексей. Я муж Ларисы. Мы с вами виделись... точнее, я вас видел в тот вечер, когда вы были ранены. Но вы были без сознания и меня видеть не могли. А в дом я зашел через гараж. И да, ваше имя мне сказала жена. Я ей звонил по телефону.

- Здравствуйте!
 - Как ваша рука?
 - Побаливает, но уже вполне терпимо. Я даже уже немного ею двигать могу. Спасибо Ольге Владимировне и доктору.
 - Наверно, ночью мешает?
 - Да. Спать приходится или на спине, или на одном боку. Если во сне переворачиваюсь и задеваю ее, сразу просыпаюсь от боли.
 - Знакомо! Нет! Не по причине ранения, мне не довелось воевать в своей жизни. Для меня война, так же как и для вас, первая. Спортивные травмы! Как дети?
 - Хорошо! Играют. Они столько и таких игрушек даже представить себе не могли.
 - Ну да! Детская психика пластичная. Это и хорошо. Кстати, как деток зовут?
 - Ваня и Маша.
 - О как! Иван да Марья! Красиво! А вы, значит, решили блинов испечь?
 - Да, Лариса Владимировна научила, как плитой пользоваться. Вот пробую.
 - Ладно, я не буду мешать вам, пойду ванну приготовлю, там не до этого было.
- Через час они вчетвером пили чай с вареньем и блинами. После чая Алексей предложил детям посмотреть мультики и поставил им на компьютере «Ну, погоди!», а сам позвонил своему начальству, Александру Сараеву, предупредив, что на работу выйдет завтра.

7 октября 1941 г.

Г. Вязьма. Штаб 16-й Армии

Рокоссовский ночью ставил задачу командиру 73-й стрелковой дивизии, подошедшей к городу. Для этого пришлось приехать в госпиталь, где лежал раненый командир дивизии полковник Акимов. В создавшихся условиях он посчитал необходимым быть во главе дивизии, несмотря на ранение ног и невозможность ходить. В данный момент комдив выписывался из госпиталя и по готовности КП дивизии собирался убыть на него.

Дивизия была укомплектована практически по штату. И это командарма радовало. Рокоссовский назначил этой дивизии рубеж развертывания севернее Бариновор. Кунавка – д. Петровка восточнее озера Улицкое. Таким образом закрывалась брешь между левым флангом 29 сд и позицией запасного полка на Минском шоссе северо-восточнее Вязьмы. Ширина рубежа обороны дивизии составляла около 20 километров. Что было много. Облегчало задачу дивизии крайне трудно проходимая для техники местность. То есть оборона должна была строиться очаговая – укрепленными опорными пунктами на немногочисленных дорогах. Огорчало то, что до рубежа, который предстояло занять и оборонять, дивизии еще нужно было пройти 12–27 километров. Единственное, что можно было предпринять в этой ситуации, это выделить автотранспорт, который перебросил на рубеж хотя бы один стрелковый полк вместе с противотанковым и зенитными дивизионами. Остальные силы дивизии должны были прибыть в течение всего дня 7 октября.

Одной головной болью стало меньше. Еще такая же дыра в обороне города зияла на направлении юго-запад – запад, как раз между железной дорогой Вязьма – Брянск и минским шоссе. Войск даже на прикрытие дорог отдельными заслонами не было. Теплилась надежда на все увеличивающееся количество отступающих войск, которых немцы выжимали в район Вязьмы. Но все могло пойти прахом, ворвались немцы с юго-западного направления сейчас. Остановить их было нечем. Резервов не было! Оставалось уповать на русское «авось» и на достоверность разведсводок летчиков Захарова, утверждавших, что немцы только подходят к Угре с этого направления и не основными силами, а разведкой. Основные их силы идут южнее Вязьмы через Юхнов на Москву. А с запада гремит беспрестанно, по Старой Смоленской дороге и Минскому шоссе на Вязьму отступает 20-я Армия Ершакова, севернее шоссе – 19-я Армия Лукина.

Рокоссовский рассчитывал, что не позднее завтрашнего дня эти войска выйдут на линию райцентр Семлево – станция Семлево – Хмелита, и уже можно будет организовывать взаимодействие с подходящими дивизиями армий. По информации Цанавы, соединения Лукина, Болдина, Вишневого должны были подойти к р. Бебря севернее трассы Москва – Минск 9 октября. Из их войск нужно было строить оборону фронтом на запад – северо-запад. Пока конкретики в этом вопросе не было. Неизвестен был ни количественный, ни качественный состав соединений этих армий. Данные, которыми располагал штаб 16-й Армии, на это время скорей всего устарели. Войска вели бои и отступали, сколько и чего дойдет до Вязьмы, можно будет узнать лишь по их прибытии. Однако уже сегодня Рокоссовский намеревался отправить делегатов связи с копиями приказов к командующим 19-й, 20-й, 32-й Армиями.

В ночь с 6 на 7 октября пограничники и разведка 248-й дивизии вывела с западных берегов Днепра и Вязьмы остатки 248-й, 140-й, 242-й стрелковых дивизий. Установлена связь со 152-й и остатками 251-й стрелковой дивизии, которые находились под командованием замкомандующего фронтом генерал-лейтенанта Болдина.

На участке Пищиково – Высокое части 140-й и 242-й стрелковых дивизий, едва заняв рубеж, во второй половине дня отразили попытки сбить их с занимаемых позиций разведкой немцев. Тем не менее немцами было установлено, что перед ними занимают позиции части только что прибывшие и еще не обеспеченные в инженерном отношении. Поэтому в районе 16 часов этот участок обороны подвергся атаке с массированным применением танков. Атаку удалось отбить только с помощью подошедшего резерва танков 143-й бригады и пехоты, доставленной на броне танков.

Танкисты бригады, действуя из засад, выбили прорывающиеся через пехоту немецкие танки. К тому же начало уже темнеть, а немцы ночью старались не воевать. Но было понятно, что завтрашний день на этом направлении будет очень тяжелым.

Почти одновременно атакованы были позиции 248-й дивизии западнее большака Хмелита – Вязьма. Но тут немцам крайне не повезло с местностью, мало того что на направлении их наступления был противотанковый ров, который был прикрыт пехотой, противотанковыми и зенитными пушками, так и местность просто изобиловала множеством мелких речушек и болот. Однако было понятно, самое большее, на что можно было рассчитывать Рокоссовскому на этом направлении, это то, что его войска смогут продержаться еще день на этом рубеже. Может быть. И это можно будет считать маленьким чудом.

Но в целом Рокоссовский не обольщался. На северном фланге немцы пробьют брешь, поэтому нужно думать, на какой новый рубеж отводить войска и где строить новую оборонительную линию, выигрывая время.

Но для этого войскам на северном фланге обороны нужно продержаться еще завтрашний день и только в ночь с седьмого на восьмое, оторвавшись от противника, отступить на рубеж реки Вазузы. Одновременно придется отводить и войска на правом фланге северного участка Александрино – Высокое на рубеж Семово – Горлово – Касня – Ефремово.

Утром прибыл 471 пап ргк. Рокоссовский сразу же его отправил в район Хмелиты.

И этим же утром в районе Семлево появились остатки 24-й Армии Резервного фронта под командованием начштаба армии генерал-майора Кондратьева. Рокоссовский посыльным передал ему приказ Ставки и по телефону поставил задачу занять оборону фронтом на запад по берегу Осьмы, перекрывая возможность движения противника по Старой Смоленской дороге и Ельнинскому большаку, по которому и отступала эта армия. По факту армией она числилась лишь на бумаге. В наличии был штаб армии, штабы нескольких дивизий с весьма немногочисленными остатками боевых подразделений и всевозможные тылы – от полковых до армейских.

По пятам за ней шла немецкая пехотная дивизия. Рокоссовский выдвинул в помощь Кондратьеву милицейский батальон и два дивизиона зенитчиков. Кроме этого, через делегата связи передал приказ командирам 229-й и 38-й дивизий о временном переподчинении послед-

них штабу 24-й Армии, до прибытия командарма-20 Ершакова. Но даже при развертывании этих сил он не мог полностью закрыть участок от Минской трассы через оба Семлева до Михалей для смыкания с флангом его войск на знаменском большаке. Оставалось надеяться на подход армий Западного фронта.

Появился противник и на южном направлении. Первым было атаковано подразделение, закрепившееся на левом берегу у железнодорожного моста. Причем атаковал противник с западного направления. Через реку ему оказывало помощь фланговым огнем несколько пулеметов. И минуты спустя немцы атаковали позиции наших войск прямо через мост. Командир подразделения поступил строго по инструкции – подорвал мост и, отбив атаку, отошел на основные позиции в район Михалей. Мост через Угру у Знаменки противник, по-видимому, все же надеялся получить в исправном состоянии. Поэтому в районе моста никаких атак не предпринимал. Передовыми отрядами немцы сбили заслоны на бродах, у деревень Великополье, Лепехи и Баталы, обходя позиции батальона, прикрывавшего мост, с флангов. Контратака переправившихся групп противника не увенчалась успехом. С другой стороны реки на наступавшие подразделения батальона прикрытия моста было оказано сильное огневое воздействие. Однако и немцы при отсутствии бронетехники и довольно жидкой артиллерийской поддержке, одной пехотой не смогли сбить батальон с предмостных укреплений. По документам убитого офицера было выяснено, что атаковало наш батальон подразделение 252-й пехотной дивизии. По итогам боестолкновений командир батальона сделал вывод, что атаковавшие их гитлеровцы были передовым отрядом дивизии, имевшим задачу обеспечить захват моста. После доклада о бое, командованием было принято решение отвести батальон, не имевший тяжелого вооружения, к основным силам на рубеж Тетерино – Цынеево.

Аэродром «Двоевка»

Ночью командиру 43-й смешанной авиадивизии генералу Захарову спать тоже не пришлось. Еще днем по связи пришла шифровка, что ранним утром на аэродром «Двоевка» прибывает спецборт, который одновременно будет лидером для двадцати четырех самолетов И-16 из 11 и 171 иапов, передаваемых в состав его дивизии в качестве усиления. Поэтому остаток дня и ночь ушли на подготовку к размещению самолетов. К счастью, получилось как в поговорке: не было счастья, да несчастье помогло. Хотя комдив, помня слова Рокоссовского о том, что 7 октября пойдет снег, а следом за ним придет распутица, и собрал остатки своих полков на аэродроме «Двоевка», единственном в его дивизии имевшем бетонную ВПП, мест для новых самолетов оставалось еще с запасом. «Хозяин» аэродрома 33 иап на 6 октября в своем составе имел всего лишь шесть самолетов ЛаГГ-3. Остальные полки имели примерно такой же численный состав. Захаров осознал опасность уничтожения его самолетов, базирующихся на одном аэродроме. Это с одной стороны. С другой – он прекрасно понимал, что противнику давно известны все аэродромы советской авиации в районе Вязьмы. Плюс численный состав дивизии не достигал штата предвоенного полка. А бетонная ВПП давала возможность его летчикам в меньшей степени зависеть от погоды.

Про пополнение он тоже все понимал. Поступил приказ командующему Московской зоной ПВО выделить энное количество истребителей для 43 сад. И разве нормальный командир в такой ситуации отдаст лучшее? Да никогда! И Захаров бы так же поступил. Ведь задачи с командира, передавшего самолеты, никто снимать не будет. Они останутся. Поэтому в 43-ю дивизию пошли «старички» И-16, а «миги», «лаги» и «яки» остались в своих частях. Получается, и задачу командир выполнил, и боеспособность не сильно понизил. Но Георгий Нефедович не расстраивался! В его положении любой помощи нужно было радоваться. Что И-16? В их условиях, когда от аэродрома до позиций частей, обороняющих город, от 15 до 40 километров, и главным врагом становится не авиация, а танки и пехота, когда облачность прижимает все к земле, недостатки И-16 если и не дают преимущества, то становятся малозначительными.

А его маневренность по горизонту делает его крайне опасным, как для немецких истребителей, так и наземных войск. Техсостава имелось пять комплектов, так что комдив был уверен, что в ближайшие ночи все «ишаки» получат направляющие для эрсов. Которых на складах имелось в достатке.

Когда последний самолет сел и его покатили в замаскированное укрытие, Захаров позвонил в штаб 16-й Армии и доложил о прибытии подкрепления. Не успел он положить трубку, как на КП аэродрома вошел комиссар третьего ранга Цанава, одетый в зимний десантный комбинезон и шапку-ушанку.

– Товарищ ко... – вытянулся генерал.

– Полковник Абашидзе! – прервал его комиссар. – Вы, – он указал на генерала пальцем, – теперь знаете меня только как полковника Абашидзе.

– Слушаюсь, товарищ... э... полковник!

– Я прибыл на транспортном. Мне нужна ваша помощь, генерал. Меня и двадцать моих бойцов необходимо в кратчайший срок перебросить в район деревни Хватов Завод. То есть нужны автомашины.

– Слушаюсь!

И Захаров по телефону распорядился выделить из состава БАО машины и подогнать их к КП. Через полчаса под рев моторов взлетающих самолетов от аэродрома на юг двинулась колонна из трех полуторок.

Район д. Хватов Завод

Через два часа колонна пробилась проселочными дорогами до указанной деревни. Не доезжая до деревни, полковник и его сопровождение остановили машины и, загрузившись объемными тюками, растворились в лесу. Машины повернули назад, а через час таинственная группа, обойдя вне видимости деревню, была остановлена секретом охраны портала. Еще через пятнадцать минут в сопровождении лейтенанта Иванова вся группа следовала к portalу. Прямо на ходу комиссар ввел лейтенанта в курс дела.

– Я назначен представителем Ставки Верховного Главнокомандования на объекте. Меня интересует, где сейчас Ракутин и Воистинов?

– Они прибыли сегодня на рассвете из Москвы и сейчас находятся на той стороне. Туда второй день прибывают подразделения.

– Что? Много? Как они себя ведут?

– Нет, вчера тоже утром прибыла рота их осназа. Взяла под охрану подступы к объекту с их стороны. На нашу сторону не переходили. Но уведомили, что если объекту будет угрожать опасность с нашей стороны, они готовы оказать всемерную помощь. А сегодня прибыли еще машины связи и, судя по виду и тому, как реагируют на них те, кто прибыл ранее, целая группа начальников.

– Вам разрешают ходить на ту сторону?

– Да. Никаких препятствий. У нас там стоит кухня и палатка с ранеными. Кстати, их медики занимаются нашими ранеными. Ну, и снабжение... в общем, с сегодняшнего числа обе наши роты и разведгруппа стоят у них на довольствии. Сегодня первый раз завтракали по их нормам.

– Ну и как?

– Я так давно не ел. Обещали еще палатки нормальные привезти.

– А вообще, как они на твой взгляд?

– Волки! Как пояснил товарищ Трофимов, это подразделения силовой поддержки службы охраны высшего руководства. ФСО называется – Федеральная служба охраны. Весь личный состав – офицеры. Извините, но так у них командиры называются. По-старорежимному. Так вот, по повадкам – профессионалы высшей категории. Ну, про оружие вообще

молчу! И бесшумки, и ночные прицелы, и тепловизоры. Я даже слов таких не знал. Это такие приборы, которые позволяют видеть человека по теплу его тела. Калибры оружия от маленького 5,45 до 12,7, и все ручное. Плюс противотанковое оружие и противовоздушное тоже все ручное.

– Хорошо осведомлен!

– Так знакомиться они к нам вчера подходили после обеда. Я не стал мешать, действительно, если немцы нас обнаружат, то две роты со стрелковым оружием им на один зубок. А портал отдавать нельзя. Получается, мы без потомков сами не справимся.

– Ну, сейчас я тоже не детсадовцев привез. И три противотанковых ружья имеется. Хотя ты, лейтенант, прав, это максимум на еще один зуб немцам. Ладно, я в палатку сейчас, вызови генерала и майора, мне нужно с ними срочно переговорить.

Через несколько часов Цанава, забрав «эмку» Воистинова и две полуторки с охраной, убыл в Вязьму.

Г. Вязьма. Штаб 16-й Армии

Ближе к вечеру 7 октября Рокоссовскому доложили, что приехал некто полковник Абашидзе и требует пропустить его к нему. Рокоссовский разрешил провести к нему неизвестного полковника. Неожиданно в помещение вошел одетый в мешковатый зимний комбинезон Цанава. Рокоссовский махнул рукой, отпуская охрану.

– Ну, здравствуй, Константин Константинович! – с порога он бросил Рокоссовскому, пройдя к печке.

– Здравия желаю, товарищ комиссар третьего ранга!

– Абашидзе. Я теперь полковник Абашидзе. Понятно, что это не меняет мою внешность, и тут, в твоём штабе, многие меня знают, но задача твоему особисту уже поставлена, он работает над этим. Но облегчать жизнь своим врагам мы не будем.

Говоря все это, Цанава грел руки на стенке теплой голландки.

– Зима наступает! И это радует! С ее приходом у немцев проблем добавится значительно. Во всех вопросах. А сейчас коротко мне обрисуй ситуацию под Вязьмой.

Карта перед Рокоссовским лежала постоянно, он над ней проводил большую часть времени, поэтому, учитывая информированность комиссара, сумел доложить информацию буквально за пять минут.

– Есть еще одна новость. Хорошая для тебя. Но сначала плохая. Я забираю у тебя пограничные полки.

– Товарищ комиссар! Ну, нельзя сейчас! Эти полки цементируют оборону на очень важных участках. Они вокруг себя собрали уже по стрелковой дивизии из отступающих войск. Но дивизии – это сборные команды, они еще батальонами, полками и дивизиями не стали. Вся оборона на этих участках держится на пограничниках.

– По информации, что я услышал от тебя, воюют сейчас два полка под Хмелитой и на Сычевском направлении. Третий полк в основном занимается организацией отступающих и формированием из них боеспособных частей. Поэтому я пойду тебе навстречу, 87-й полк пока остается у тебя. Но, я подчеркиваю, пока! Я буду следить за этим. Я их не для развлечений забираю и даже не для охраны тыла твоей армии. Они мне нужны для очень важного дела. И вот тут начинается хорошая новость.

Цанава наконец оторвался от печи и, подойдя к карте, обвел круг с центром в деревушке Хватов Завод.

– Вот сюда войска не отправляй. Тут получается примерно двадцать километров по фронту. Запомни! Для тебя и твоего штаба эта зона табу! Но уверяю тебя, немцев там не будет, и они через этот участок не пройдут.

– Туда пограничников поставите?

– Туда! Ну, сам посуди, двадцать километров фронта они тебе закроют.

– Многовато для них, особенно учитывая, что артиллерии у них своей нет. Хотя как пехота выше всяческих похвал.

– Там не только они будут. Так что будь спокоен за этот участок. Давай, приказывай им переместиться в район Хватова Завода. И еще, в ближайшие дни, думаю через два-три дня, оттуда, из этого района, прибдет колонна. Охранять ее будут как раз пограничники. Там будут странные машины и странные люди. Не удивляйся. Тебе придется с ними познакомиться и взаимодействовать. Подчиняться они тебе не будут, но польза от них будет тебе большая. Мне так обещали, и я склонен этим обещаниям верить.

И тут же перед глазами встала картина, которую он застал, выйдя из палатки и садясь в «эмку», которую он на время реквизировал у Воистинова. Из портала выходила техника потомков. Уже встали и развернули антенны подразделения радиотехнической разведки. Бойцы в непривычной зеленой пятнистой форме натягивали на них маскировочные сети. На посты охраны объекта уходили группы спецназовцев. Кроме оружия они несли с собой ящики портативных радиолокационных станций. С каждой такой группой шли один или два пограничника в привычной для его глаза форме. Все это было оговорено в подробностях и показано на той стороне портала. Также он знал, что, начиная с этой ночи, на объект начнут прибывать войска, задачей которых будет защита объекта со стороны его времени. Его же задачей на данный момент была организация взаимодействия со штабом 16-й Армии в Вязьме и Москвой. Чем, собственно, он сейчас и занимался. Шифровка с планом основных мероприятий, предложенных потомками, ушла в Москву во второй половине дня. Как раз перед его отъездом в Вязьму. Ответ он надеялся получить сегодня же.

– Далее, у тебя связь с 19-й, 20-й, 32-й Армиями есть? – продолжил он.

– Есть, и даже с 24-й Резервного фронта есть. Она у меня сейчас обороняется как раз на западном направлении в районе Семлева. Только вот командарма в ней нет. Начальник штаба Кондратьев командует.

– Я в курсе. По моему же приказу его и вывезли.

Рокоссовский вопросительно приподнял брови.

– Так было надо. Он мне нужен в другом месте. А армии там уже нет, сам знаешь. Хорошо, если на дивизию наберется. Так вот! Отправь шифровки всем командармам прибыть в Вязьму... скажем, к 22 часам завтра. К тебе в штаб. Я буду тоже. Будем строить товарищей генералов. И Болдина не забудь! А то он сделает вид, что это его не касается.

Да! И напомни всем, с собой иметь полный расклад по всем своим частям. Где, сколько и чего. А сейчас у нас есть еще одно дело, я думаю, будет правильным усилить нашу оборону еще одним батальоном. Причем неплохим батальоном.

– Где такие раздают?

Цанава посмотрел на часы.

– Он сейчас сюда как раз едет. Как говорится, сам в руки идет, и грех нам этим не воспользоваться. Так! Что у тебя в охране? Батальон?

– Да откуда? Рота наберется. Правда, есть батарея 85-мм зенитных пушек.

– Пушки, Константин Константинович, лучше отдай тем же зенитчикам. Больше толку будет. А охрану мы тебе сформируем. Чуть погода. Хотя... как недавно один человек сказал фразу, «добрым словом и пистолетом можно добиться гораздо большего, нежели просто добрым словом». Очень верное выражение! А иначе нам батальон не отдадут. Шучу, конечно. Куда они денутся?

Через полчаса к штабу подъехала небольшая автоколонна. Из двух машин высадились уже знакомые Рокоссовскому бойцы из охраны Цанавы. Из «эмки» вышел кто-то в генеральской форме и в сопровождении спутников направился в штаб.

– Генерал-майор Собенников. Командующий 43-й Армией, – представился вошедший генерал.

– Генерал-лейтенант Рокоссовский. Командующий 16-й Армией. А это... – ответил Рокоссовский и запнулся, не зная, как в данный момент представить комиссара, но тот сделал это сам:

– Комиссар госбезопасности третьего ранга Цанавы. Представитель Ставки Верховного Главнокомандования. А вы, Петр Петрович, как тут без армии?

– Противник рассек мою армию и окружил ее части, отрезав штаб армии от войск.

– Понятно. И вы, я так понимаю, двигаетесь в направлении штаба фронта?

– Мы вынуждены двигаться в этом направлении, Варшавское шоссе занято врагом. Маршрут через Вязьму остался единственным возможным.

– Вынужден вас огорчить, штаб фронта уже не в районе Гжатска, а за Можайском. Более того, завтра к Гжатску с юга подойдет дивизия СС «Райх». Поэтому вам нужно поторопиться. Ваш штаб обладает полезной для нас информацией?

– Думаю, что нет. Связь с войсками штаб утратил позавчера, и даже на то время мы владели лишь отрывочными сведениями и, как правило, уже устаревшими. К сожалению, это горькая правда. Спасибо за информацию о расположении штаба фронта! Если то, зачем меня просили заехать в штаб 16-й Армии, сказано, то разрешите откланяться.

– Еще один момент. Согласно директиве Генштаба, товарищ Рокоссовский назначен старшим военачальником в районе Вязьмы с правом подчинять себе все войска, находящиеся в этом районе. С текстом директивы желаете ознакомиться?

– Я вам верю. Но вряд ли мой штаб без войск будет полезен.

– Ваш штаб не будет, а вот батальон охраны вам придется оставить здесь.

– Но штабу требуется охрана...

– Дорога на Москву свободна. Пока... В штабе кроме охраны наверняка больше сотни человек, я думаю, этого достаточно, чтобы в крайнем случае противостоять немногочисленной группе парашютистов или диверсантов. А батальон весьма нужен здесь и сейчас.

– Я, так понимаю, это приказ?

– Именно. На основании директивы.

– Хорошо! Куда прибыть батальону?

– Командир батальона пусть сейчас же заедет в штаб, выдадим сопровождающего к месту его расположения.

– Хорошо! Если это все, разрешите откланяться.

– До свидания, Петр Петрович!

Собенников пожал руки комиссару, Рокоссовскому и вышел.

– Ну, спасибо Лаврентий Фомич! Сейчас каждый батальон на вес золота.

– Не за что! Пользуйтесь. У меня еще будут сюрпризы.

На этом они расстались. Охрана комиссара уже подобрала помещение в этом же здании для размещения, и он ушел отдыхать, посетовав перед уходом на несколько бессонных ночей подряд.

Уже ночью радисту Цанавы пришел ответ из Москвы. Ставка утвердила общий план действий в районе объекта и согласилась с предложениями потомков о совместных действиях под Вязьмой. Одновременно было сообщено, что генерал-майор Ракутин назначается представителем СССР в Российской Федерации до установления официальных дипломатических отношений и наделяется всеми необходимыми полномочиями.

7 октября 2016 г.

Район д. Хватов Завод

В эту ночь снова не пришлось спать Ракутину и Воистинову. Точнее, они спали. И достаточно комфортно. Если считать комфортным сон на откинутых мягких сиденьях микроавтобуса. Вечером им была представлена группа ответственных лиц из различных силовых структур Российской Федерации, возглавлял которую личный представитель президента. По поводу фамилии он заявил, что называть ее смысла нет, она все равно не настоящая, и просил называть себя Александром Викторовичем. Наверняка, по мнению Воистинова, также не настоящим именем. Но это было неважно. После представления всех ответственных лиц и знакомства им был доведен план первичных мероприятий, которые начало осуществлять руководство Российской Федерации. И по этому плану Ракутин и Воистинов должны были быть связующим звеном на данный момент, как с подразделениями и войсками РККА, так и с руководством СССР в ближайшей перспективе.

И сейчас все эти люди вместе с помощниками следовали на автомобилях в колонне с одним армейским и двумя мобильными узлами правительственной связи и средствами привязки к объекту, на котором предстояло развернуться межведомственной особой группе.

Прибыли на объект на рассвете. Подразделения приступили к развертыванию и обустройству на местности, а Ракутин и Воистинов, выслушав доклад лейтенанта Иванова, сходили к бойцам рот, несших службу на другой стороне. После осмотра позиций и докладов, они вдвоем отошли в сторону от портала и закурили. Шел легкий снег, северный ветерок еще не пробивал шинельное сукно, но забирался в рукава, и от него зябли пальцы, а шею инстинктивно хотелось спрятать в куцый воротник. Где-то на юго-западе и западе слышалась канонада.

– Да... немцы приближаются.

– Ну, по словам Трофимова, сегодня они должны были взять Вязьму. Интересно, это произошло?

Воистинов оглянулся, повернувшись лицом к ветру.

– Да, интересно. Даже не верится, всего лишь тридцать с небольшим часов нас здесь не было, а такое ощущение, целую жизнь мы отсутствовали. Как тебе вообще? Президент? Его окружение? Те, кто с нами сюда приехал? – Ракутин заинтересованно смотрел на майора.

Воистинов задумался и ответил после паузы:

– Знаешь, мне понравилось, что я не увидел фальши. Да! Они так же, как и мы, были ошеломлены произошедшим. Но очень быстро, особенно это было заметно по их президенту, пришли в себя и отнеслись к этому весьма прагматично. Без излишних эмоций! Этим он мне показался очень похожим на нашего Вождя. По крайней мере, то, что я о нем слышал от людей, общавшихся с ним. И это лучше, чем необоснованные или скоропалительные заверения в дружбе. В нашей службе люди, бросающиеся в объятия, вызывают серьезные опасения в искренности мотивов. По факту мы более заинтересованы в этом контакте, и они повели себя в этой ситуации очень правильно. Что касается работы их спецслужб, все в рамках правил. Чувствуется наша школа. И здесь они действуют достаточно оперативно. Но сегодня для нас главное – связь. По договоренности, сегодня-завтра должен прибыть радист. Будем ждать. Им нужен выход на Москву. Мы, конечно, своей властью можем им разрешить действовать с этой стороны. Хотя, сам понимаешь, захотят, и мы ничего не сможем сделать. Но они хотят все сделать как положено. С санкции высшего руководства СССР.

– Я пришел примерно к таким же выводам. Поэтому да! Будем ждать. Если что-то пойдет не так, придется отправлять группу за линию фронта. Я, кстати, интересовался, могут ли они организовать связь своими силами? Сказали, могут, но без серьезного шифра такую информацию в эфир давать нельзя. Поэтому придется самим соображать.

– Надеюсь, комиссар до Москвы добрался. Так что решение там примут. Я так думаю. Пошли-ка на ту сторону! Мне командир роты охраны объекта обещал дать пострелять из их оружия.

– Так ведь нашумим!

– Ну, во-первых, мне объяснили, что сегодня будет подписан указ президента о передаче земли вокруг объекта под армейский полигон. Население будут срочно выселять. Ну, и вторых, обещали стрельбу с бесшумками. Пошли!

Место для стрельбища подобрали в низине протекающей неподалеку безымянной речушки. Процесс был в самом разгаре, когда появился посыльный, который передал просьбу Иванова срочно прибыть в штабную палатку на ту сторону. С сожалением передав оружие бойцам ФСО, генерал и майор поспешили к portalу.

В палатке их встретил одетый в парадный мундир комиссар Цанава, который с удовольствием пил горячий чай.

Кивнув им обоим в знак приветствия, комиссар не стал слушать доклад, а предложил присоединиться к чаепитию и одновременно ввести его в курс дел, происходящих в данный момент на той стороне. В неформальной, так сказать, обстановке.

Когда Ракутин и Воистинов изложили каждый свое видение происходящего и ответили на множество уточняющих вопросов, комиссар поднялся, подводя итог беседы:

– Ну, что? Пойдемте! Будете меня знакомить.

Пока их коллеги из 2016 года собирались на срочное совещание, комиссар с интересом осматривался, слушая пояснения генерала и майора. Встреча проходила в штабном автобусе потомков. Комиссар немного удивился, на автобус эта громадная машина с большим кунгом совсем не походила. Тем не менее внутри она оказалась как раз подходящей для штабной работы, причем в весьма комфортабельных условиях. На взгляд комиссара. В кунге имелся большой стол из материала, похожего на красное дерево. Возможно, это и было красное дерево, Цанава плохо в этом разбирался. На столе стоял поднос с несколькими бутылками минеральной воды и стаканами. По бокам располагались откидные мягкие кресла серо-голубого цвета. Над креслами, за спинами сидящих людей находились окна, в данный момент закрытые плотными шторами в цвет с креслами. В глубине кунга поперек во всю ширину салона располагалась тумба со множеством ящичков. Над ней висела черная блестящая панель из стекла или пластмассы. Потолок был выполнен из того же материала, что и стол. По центру в виде овала был выполнен вырез, в котором находились два необычных прямоугольных светильника, излучавших мягкий ровный белый свет. Между ними находилось некое устройство, от которого веяло теплым воздухом. По краям овала располагались дополнительные маленькие и яркие светильники, утопленные в потолок. В данный момент все светильники были включены, а кресла заняты. Сидящие в них люди также с интересом смотрели на комиссара.

Во главе стола сидел человек в такой же, как и на всех присутствующих, зеленой мешковатой форме без знаков различия. Он нейтрально поздоровался и указал на три свободных кресла справа от входа. И дождавшись, когда все трое посланцев из 1941 года устроятся, обратился именно к ним.

– Итак! Разрешите представиться: Александр Викторович! Фамилия ни к чему, я человек не публичный. Скорее наоборот. Моя работа – выполнять некие щекотливые поручения президента. Или представлять его интересы в неординарных ситуациях. И если я тут, значит, со своими обязанностями до этого я справлялся. Но даже я был удивлен необычностью задачи, поставленной мне сейчас. Тем не менее мы все, я имею в виду своих современников, здесь собрались для ее решения. Полномочия, выданные мне президентом, дают основания для уверенности в этом. Все, что будет выходить за рамки моих полномочий, немедленно будет докладываться лично Владимиру Владимировичу. Но в нашей ситуации не все зависит только от нас. Я попрошу вас представиться и довести до присутствующих ваши полномочия.

Цанава встал, по привычке одернул мундир и представился.

– Представитель Ставки Верховного Главнокомандования комиссар третьего ранга Цанава Лаврентий Фомич. Имею полномочия представлять интересы СССР в районе объекта.

В случае недостаточности моих полномочий, также имею возможность обратиться напрямую к Верховному Главнокомандующему.

– Тогда я представлю здесь присутствующих товарищей, входящих в наш штаб...

Александр Викторович по очереди стал называть звания, должности присутствующих людей. В основном это были представители силовых ведомств, кроме пары ученых. Один возглавлял секретную группу специалистов по изучению феномена портала, а другой исполнял роль аналитика по науке СССР эпохи Великой Отечественной войны.

Цанава плохо разбирался в аббревиатурах называемых должностей, но про себя отметил, что практически все присутствующие находятся в ранге заместителей ведомств.

Александр Викторович подытожил:

– Я рад тому, что руководители наших стран столь серьезно и одинаково относятся к факту появления связи между нашими мирами. Нам нужно всего лишь объединить все силы и средства для использования этого факта к взаимной пользе. Далее, наш аналитический отдел в эти сутки разработал три варианта действий. С вашим прибытием один автоматически отменяется, и остаются два, которые нужно согласовать. Вот и давайте их рассмотрим, но вначале нам необходима информация о состоянии дел в этом районе. Мы обладаем знаниями, как это происходило тогда. Но судя по присутствию здесь товарища Ракутина, ситуация изменилась. Нам необходимо понять, насколько. Вы можете нас проинформировать?

Александр Викторович кивнул одному из сидящих за столом, и тут же на позади него осветилась темная панель, оказавшаяся экраном. Он отодвинулся влево, и секунды спустя на экране возникла карта окрестностей Вязмы с частично нанесенной обстановкой. Причем масштаб несколько раз изменился, пока Александр Викторович не произнес:

– Достаточно! – и, повернувшись к Цанаве, добавил: – Можете использовать нашу карту.

Тут же перед комиссаром положили небольшой предмет. Сидящий справа человек в двух словах объяснил, как пользоваться «лазерной указкой».

Все это выглядело очень неожиданно и необычно, и Цанава, опасаясь выглядеть смешно, не решился использовать технические новинки.

– Спасибо! Мне удобнее на своей.

Комиссар достал из командирской сумки карту и расселил ее на столе.

– Данные на вечер вчерашнего дня. Получены из штаба 16-й Армии Рокоссовского.

Через два часа по каналу правительственной связи состоялся телефонный разговор.

– Здравствуйте, Владимир Владимирович! У нас все по плану. Сегодня прибыл представитель Сталина. Полномочия представителя Ставки ВГК.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.